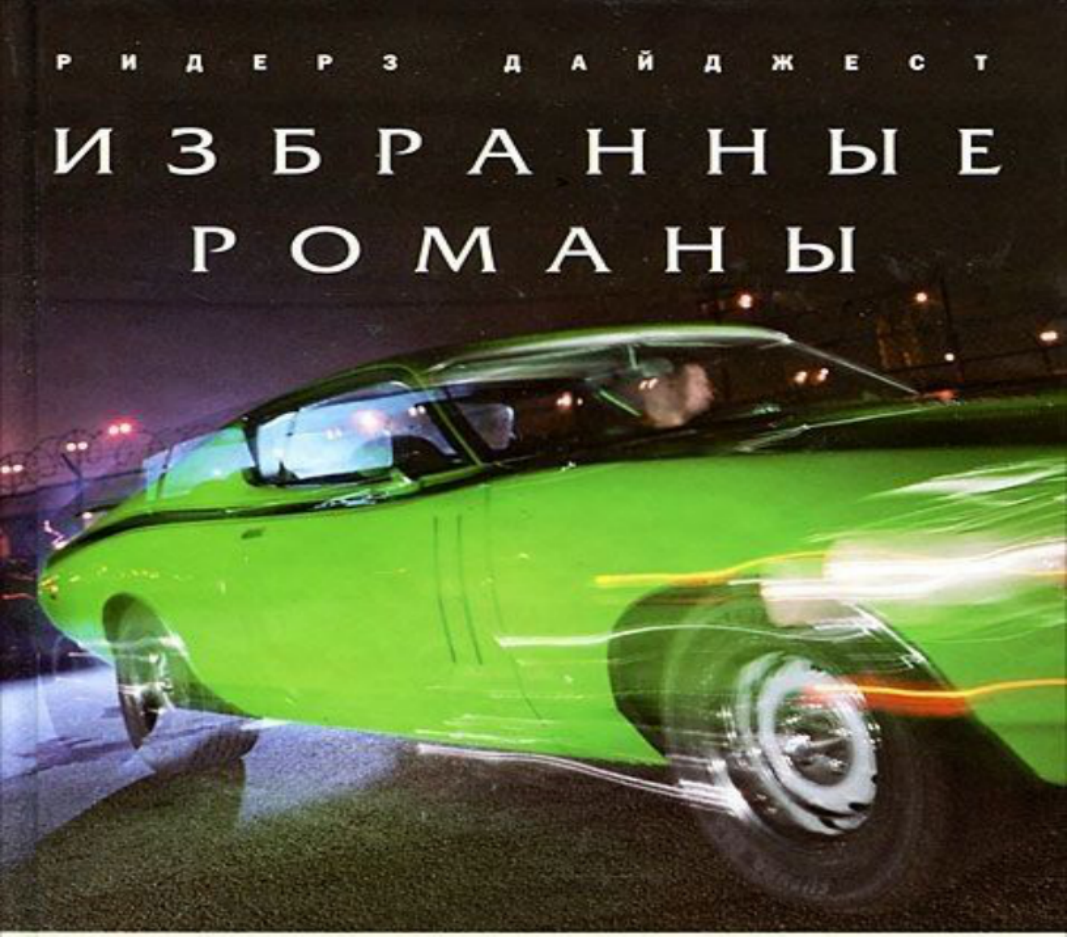
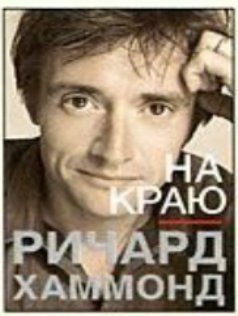
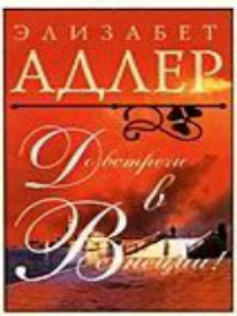
РИДЕРЗ ДАЙДЖЕСТ

ИЗБРАННЫЕ РОМАНЫ







SHOUT
SHARE
IT

Annotation

— Я иду по лётному полю и думаю: «Мне тридцать, и сейчас сбывается моя детская мечта. Я иду к машине с реактивным двигателем, которой буду управлять на глазах у миллионов… десятилетний мальчишка внутри меня просто лопается от гордости».

Всего через несколько часов Ричард Хаммонд пережил чудовищную аварию, перевернувшись на скорости 232 мили в час, и чудом остался жив.

Перед вами — его удивительная история..

- Ричард Хаммонд
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
    - Рассказ Минди
  - Глава 4
  - Глава 5
    - Рассказ Ричарда
    - Минди
    - Ричард
    - Минди
    - Ричард
    - Минди
    - Ричард
    - Минди
    - Ричард
    - Минди
    - Ричард
    - Минди
  - Глава 6
    - Рассказ Ричарда
    - Минди
    - Ричард
    - Минди
    - Ричард
    - Минди
    - Ричард
    - Минди
    - Ричард
    - Минди

- Ричард
- Минди
- Ричард
- Ричард Наммонд

Ричард Хаммонд
На краю

Сокращение романов, вошедших в этот том, выполнено Ридерз Дайджест Ассосиэйшн, Инк. по особой договоренности с издателями, авторами и правообладателями.

Все персонажи и события, описываемые в романах, вымышленные. Любое совпадение с реальными событиями и людьми — случайность.

Глава 1

Интуиция подсказывала мне, что это только с виду легко, а на самом деле очень и очень сложно. Моя инструкторша без усилий скользила по заснеженному полю, длинные узкие лыжи двигались в заданном ритме, и казалось, будто она летит.

— Согни колени! Вот так! А теперь отталкивайся. Главное — поймать ритм.

Даже ее слова неслись над просторами упруго и ритмично. Ее палки, казалось, порхали вдоль лыжни. Инструкторша была шведкой и демонстрировала классический бег на равнинных лыжах, который у шведов в крови, так что казалось, будто она занимается этим с рождения.

Я понимал, что у меня и вполовину так хорошо не получится. Разумеется, я сразу же упал. И до меня стало доходить, что равнинные лыжи не просто сложно освоить, даже подступиться к ним непросто.

Обидно, конечно, но первая попытка закончилась даже не захватывающим дух полетом в сугроб на высокой скорости. Я просто несколько мгновений вяло скользил по лыжне, а потом завалился на бок, и мой нос оказался в нескольких дюймах от заснеженной земли. Однако на лыжи я встал не ради забавы. Через три месяца мне предстояло отправиться на этих самых лыжах к Северному полюсу. Но пока что я был не в силах пройти даже через заснеженный стадион, а это был уже третий день тренировок.

Наверное, причина — в моей травме. Прежде у меня все всегда получалось с первого раза. Да, после первого же занятия мне все надоедало. Но на начальной стадии я всегда все схватывал на лету. Обучался я быстро, просто не мог долго концентрировать внимание — именно так писали обо мне во всех школьных характеристиках. Я тут же вспомнил, как впервые встал на водные лыжи. Было это на озере Уиндермир. Я вполуха слушал парня, объяснявшего мне, что колени нужно держать вместе, не выпускать из рук трос и соблюдать еще тысячу всяких правил. Наконец я залез в ледяную воду, схватился за пластиковую перекладину, к которой был привязан трос. Катер тронулся, трос натянулся. Я удержал равновесие и восстал из пены брызг, как Нептун. Впрочем, для Нептуна я был мелковат и в гидрокостюме с чужого плеча смотрелся не очень элегантно. Но на водные лыжи я встал, и это оказалось удивительно просто.

Моя жена Минди ненавидит вспоминать наши первые совместные поездки верхом. Она сидит в седле с младенчества.

Все детство на нее орали тетки в нейлоновых душегрейках: велели держать спину, правильно ставить ногу в стремя. Для нее верховая езда — это искусство, умение, в котором нужно постоянно совершенствоваться. К конной прогулке она относится с благоговением — как летчик-испытатель к очередному полету. Я же подошел к своей первой в жизни лошади, забрался в седло, спросил, как пустить лошадь в галоп, а как заставить остановиться, и пустился вскачь. Советовать мне, как натягивать поводья и как держать ноги в стременах, бесполезно. Верхом я езжу как умею. Минди это бесит. А я всегда был такой. Обожаю попробовать что-нибудь новенькое, и у меня с первого же раза получается. А когда приходит время обучаться всяким тонкостям, мне становится скучно.

И вот я лежал на снегу и думал о том, что не сумел поразить инструкторшу и сразу же стрелой промчаться по лыжне из-за той проклятой автокатастрофы. Я понимал, что бьюсь понапрасну, что у меня в мозгу что-то повредилось навсегда. Наверное, тот его участок, который отвечает за координацию. Или еще что. Стала намокать от снега флисовая куртка, которой меня снабдили специалисты-полярники, привезя нас сюда на предэкспедиционные тренировки. Где-то между полем, где я валялся, и аэропортом Страсбурга остальные ребята пили кофе на бензоколонке, разговаривали о доме. В то утро они улетали домой. Им незачем было учиться ходить на лыжах — на полюс они собирались ехать на грузовике. Этим холодным тоскливым австрийским утром они могли лететь домой. Я вспомнил Минди, детей, собак, наш дом. А еще — ту кошмарную катастрофу и боль, боль, боль…

Я, еще восьмилетний, прикидывал про себя, получится ли у меня полетать. Если трюк не удастся и я не рассчитаю скорость, скорее всего, полечу вверх тормашками. Я стиснул зубы и крепко взялся за руль. Народу собралось полно. И мне никак нельзя было выказывать свой страх.

Велосипед выглядел сногсшибательно. Я перекинул через раму два школьных ранца — они походили на сумки на мотоцикле. К заднему колесу я привязал кусок картона. Когда велосипед ехал, картонка билась о спицы и издавала такой треск, что я чувствовал себя не на велике, а на мотоцикле — я был калифорнийским полицейским, преследующим преступника. И страстно мечтал, чтобы собравшиеся поглазеть на мой подвиг соседские дети тоже увидели меня таким. Все они втайне надеялись, что мой прыжок закончится неудачей, что прольется кровь, а если повезет, то я заработаю открытый — такой, где

видна кость, — перелом. Ходили слухи, что год назад именно такой перелом был у мальчишки, который свалился с забора на мощеную мостовую и сломал себе руку. Мы часто это обсуждали. Нам нравилось говорить о крови, пролитой в бою.

Мое трюкачество было способом заявить о себе. Я занимался этим, чтобы выжить. Если ты не вышел ростом и не можешь продемонстрировать физическую силу, научись отпускать шуточки. А если это не проходит, съезди сам себе по морде велосипедным насосом. Проходит на ура.

Умение ломать комедию очень помогает в жизни. К этому выводу я пришел еще лет в восемь. Я мастерски спотыкался и падал, мастерски имитировал обморок. Мне помогало то, что я был маленький и легкий — когда я летел с дерева, не вырабатывалось такого количества кинетической энергии, как в случае, если с дерева летели мои верзилы ровесники. Они непременно себе что-то ломали. А я, упав, весело подпрыгивал и смотрел, все ли видели мой очередной подвиг.

Другие дети после школы занимались в кружках, строили модели, хулиганы поджигали деревья и тайком забирались, взламывая замки, в здание школы. Я строил скаты, учился перепрыгивать на велосипеде препятствия, перемахивал через овраги, ямы и пропасти, забирался на самые верхушки деревьев.

Но главной моей любовью был велосипед. С раннего детства я обожал двухколесный транспорт. И до сих пор обожаю — теперь уже моторный. Стены спальни, которую я делил со своими братьями Ником и Энди, были увешаны плакатами с мотоциклами, которые я рассматривал каждый день перед сном. Легендарный Эвел Нивел, непревзойденный мастер трюков с мотоциклами, был моим кумиром.

Я постарался, чтобы мой велик с виду был как настоящий гоночный: обмотал ручки желтым скотчем, на кончики надел голубые затычки. Жаль только, что по техническим характеристикам он и не приближался к спортивному. Родители купили его уже подержанным, в магазине на окраине Бирмингема.

И вот я стою на старте. На душе у меня неспокойно. Футах в двадцати-тридцати передо мной начинался помост. Это была узкая доска — скорее всего, кусок старого кухонного шкафа. Он лежал на паре кирпичей. За ним лежала куча тряпья, через которую мне предстояло перепрыгнуть. Ватага ребятишек с нашей улицы с нетерпением ждала представления.

Итак, я решился на прыжок. Нечего и говорить, что моя попытка закончилась провалом. На разгоне велосипед повело в сторону, и пока я его выравнивал, потерял скорость. Сам помост

оказался слишком гибким и прогнулся под тяжестью велосипеда. Край помоста, лежавший на кирпичах, встал передо мной торчком. Я резко затормозил и повалился на бок. В падении не было ничего героического, велосипед остался цел, я тоже. Меня осмотрели, не обнаружили ни царапины, инцидент был тут же забыт, и мы отправились бродить по улицам и обсуждать того парня, который, упав, переломал обе руки и разбил башку.

Велосипеды я любил не только за то, что́ можно было на них делать, меня завораживало то, как они работают. Лет в десять-одиннадцать я уже мог разобрать любой велик по винтикам и собрать обратно. Я несколько недель отлаживал своему брату Энди гоночный велик. Это был красный «пежо», и повозиться с ним пришлось немало. И наконец дело было сделано. Машина была отлажена как часы. Каждая деталь была вычищена и смазана. Энди был счастлив, хотя теперь мне кажется, что он мне подыгрывал. Настал момент пробной поездки. Это была моя прерогатива. Самое прекрасное в работе механика — это испытание отлаженной им машины.

Через несколько домов после нашего боковая дорога шла вокруг треугольной лужайки, которую так и называли Треугольником. Именно здесь я и проводил испытания. Местные жители привыкли, выезжая из дома, внимательно смотреть по сторонам: была велика вероятность, что откуда-нибудь неожиданно выскочу я — на велосипеде, скутере или на чайном столике на колесиках. Сегодня я собирался побить все рекорды.

Велосипед работал превосходно. Я проверил тормоза — порядок. Цепь не заедала, только тихонько позвякивала, когда я шел на свободном ходу. Впрочем, я предпочитал крутить педали. На Треугольнике было, естественно, три поворота. Я прошел первый — довольно плавный, потом повернул направо и направился к последнему повороту.

На Треугольнике машин бывало мало, поэтому родители разрешали нам играть там. Дорога была не очень разъезженная, и куски щебенки, оставшиеся после недавнего ремонта дороги, еще не утрамбовались. И вот перед самым поворотом я въехал в кучку неутрамбованной щебенки. Переднее колесо повело, и я упал. Больше всего пострадала правая рука — несколько пальцев и плечо были ободраны до мяса. В больнице мне срезали лоскуты кожи, обработали раны. И я готов был поклясться, что видел кусочек белой кости на собственном мизинце. Было чудовищно больно, когда раны мазали йодом, но я думал только о том, как бы поскорее очутиться дома. Мне не терпелось рассказать друзьям, что я видел собственную кость.

Родители никогда не поощряли моего безрассудного лихачества, но и бороться с ним не пытались. Нас у них было трое, и они привыкли к тому, что у кого-то из нас разбито колено, под глазом синяк, локти в царапинах. Обычно этим кем-то оказывался я. Меня не растили в тепличных условиях. Все дело было в генах. Я точно знаю: родители ни при чем, все дело в их родителях. Отец моего отца, Джордж Хаммонд, был человеком сдержанным и сосредоточенным. Во время Второй мировой он служил в британских ВВС, обезвреживал бомбы. Мой отец лежал в колыбели в Бирмингеме, а дед возился с немецкими бомбами — лишал их смертоносной силы. Война закончилась, и деду трудно было приучиться жить без риска. Отец рассказывал, что дед, когда чинил розетку или выключатель, никогда не отключал электричество. Бывало, его било током. Однажды его так шарахнуло, что он вылетел из оранжереи — через стеклянную крышу, а в другой раз он перелетел через перила и кубарем покатился по лестнице. Встал, отряхнулся и отправился доделывать свою работу. Дедушка только с виду был спокойный — в крови у него бурлил адреналин. И я точно знаю, что я это унаследовал от него.

От деда с материнской стороны я унаследовал страсть ко всяческим механизмам, в особенности к автомобилям. Поначалу он был столяром-краснодеревщиком, а потом работал на фабрике «Муллинер» в Бирмингеме, где изготавливали кузова для автомобилей. Позже он трудился на фабрике «Дженсон». Он умел работать и по дереву, и по металлу, мог соорудить что угодно из чего угодно. Чердак их с бабушкой бирмингемского дома был для шестилетнего мальчишки настоящей сокровищницей. В углах стояли сверлильные станки, в жестянках из-под чая и печенья лежали гвоздики, винтики, шурупы. Здесь находилось место для всего. Дедушка был мастер на все руки — мог собрать педальную машину, сделать буфет, сшить карнавальный костюм. Я восхищался и восхищаюсь его талантами, и, если бы я унаследовал хотя бы толику их, я мог бы собой гордиться. Однако жизнь показывает, что от этих двух замечательных людей я унаследовал только две вещи: любовь к машинам и почти такую же сильную тягу к опасностям и риску. Так что не стоит винить моих родителей. Во всем виноваты их родители.

На автостраде A40, ведущей в Лондон, как и на любой магистрали, есть свои ориентиры. В том числе и бетонный пешеходный мост над четырехполосным шоссе. Те, кто стоял там в пробке утром 19 февраля 2002 года, могли заметить невысокого

человека в джинсах и кожаной куртке, уныло бредущего по мосту. Отвергнутый влюбленный? Отчаявшийся человек, задумавший что-то ужасное? Нет, это был я. Я пытался отогнать от себя сомнения и отправиться на прослушивание на роль ведущего в новой программе «Топ Тир», которое было назначено на одиннадцать.

Я тогда работал на «Гранаде», вел передачу про машины и мотоциклы на спутниковом телевидении. И вот судьба предоставила мне уникальную возможность сделать шаг вперед. На прогулку я отправился, чтобы успокоить нервы. Я стоял на мосту и убеждал себя, что ничего страшного не произойдет — я либо получу работу, либо нет. В таком случае я просто вернусь домой в Челтнем и все пойдет своим чередом.

Всю жизнь я ждал такого шанса. В детстве в голове у меня были одни велосипеды и машины, а после школы я поступил в Харрогейте в университет — на отделение искусств. Я делал мрачные черно-белые фотографии свалок, рисовал американские автомобили. Ничего примечательного в моих фотографиях и картинах не было. После колледжа я пошел работать в самое невизуальное из средств информации — на радио. Первым местом работы было отделение Би-би-си в Северном Йоркшире. Для восемнадцатилетнего парня работа на радио казалась чем-то необычайно увлекательным. На радиостанции все мне казалось роскошным — секретарша в приемной, кухня, где можно было разогревать пиццу в микроволновке, рабочая зона, где все завалено бумагами и катушками с пленкой.

И самое главное, там были студии. Придя туда впервые, я с замиранием сердца взирал на происходящее за стеклом. Над дверью горела табличка «Идет эфир», а внутри человек переставлял пленки, щелкал тумблерами, нажимал на кнопки и непрерывно говорил что-то в огромный микрофон. Он с доверительным смешком менял уровень сигнала и пускал в эфир очередного звонившего. Я завороженно наблюдал за ним и поклялся, что когда-нибудь тоже этому научусь. А пока что мне надо было варить кофе на всю команду.

Следующие лет десять я переходил с одной радиостанции на другую, жил в крохотных однокомнатных квартирках по всему северу Англии и набирался опыта. Брал интервью, редактировал, собирал материалы для новостей, убегал от рассерженных фермеров, не желавших беседовать о субсидиях. Я брал интервью у министров, писателей, шоуменов, знаменитых поваров и путешественников, общался с людьми, совершавшими удивительные подвиги, боровшимися с тяжелыми болезнями, добившимися успеха на коммерческом поприще. И понял, что

жизнь каждого человека — это, по сути, эпопея.

И вот 19 февраля 2002 года моя собственная эпопея привела меня к автостоянке у пешеходного моста над A40. Я купил в ларьке чашку кофе и сел в машину. До прослушивания в студии оставалось десять минут.

Как-то раз из этой студии я вел прямой репортаж для Би-би-си. У меня до сих пор хранится эта запись. Кончается выпуск новостей, и тихий тоненький голосок пытается пробиться сквозь затихающую мелодию. Я называю свое имя и, не рассчитав время, рассказываю о песне Дасти Спрингфилда, когда уже звучит первый куплет. Так начиналась моя карьера радиоведущего.

С тех пор прошло почти тринадцать лет, но мне по-прежнему стыдно это вспоминать. Машина, в которой я сижу, — «Порше-911SC» 1982 года. Красная краска местами облупилась, мотор стучит, масляный насос не подает масло. Но это лучшая из всех машин, которые у меня были, и я ее обожаю.

В тот день, когда я ее купил, я отправился к родителям в Лезерхед. Был осенний пасмурный день, но дождь скоро перестал, и я с восторгом смотрел на серебряные капли, стекавшие по красному боку машины. Повертев брелок в руке, я нажал на кнопку — запереть дверцы. Раньше у меня никогда не было машины с системой дистанционного запирания дверей. Родители сразу сообразили, что я приехал похвастаться новым приобретением, и послушно ахали и охали. За долгие годы они привыкли, что я привожу демонстрировать каждое новое колесное транспортное средство, доведшее меня до банкротства, и слушали, как я, задыхаясь от восторга, описываю его достоинства. Они стоически сносили мои объяснения — мол, оно того стоило, хотя знали, что у меня нет денег купить себе хотя бы новые джинсы. Как они это выдерживали, не понимаю. Но я искренне благодарен им за то, что они терпели все мои сумасбродства.

Даже когда с работой все ладилось, я слишком много думал о машинах и мотоциклах. Всякий раз, поступая на очередную радиостанцию, я непременно заходил в гараж посмотреть, какая здесь служебная машина. Больше всего я любил отправляться в поездку на машине радиостанции. Это были либо легковушки, либо фургоны, но непременно с десятиметровой антенной, выезжавшей из крыши. На каждой станции рассказывали кошмарные истории про очередного недотепу-репортера, выдвинувшего антенну ровно на высоковольтные провода. В зависимости от чувства юмора звукорежиссера, который рассказывал байку, она обрастала теми или иными душераздирающими подробностями.

Если удавалось выдвинуть антенну и не зажариться заживо,

можно было вести прямые репортажи с пастбищ, сельских концертов, распродаж и соревнований по плаванию. Но главным счастьем для меня было сесть в машину и выехать из гаража. Машины на радиостанциях бывали самые обычные, ничего шикарного. В гоночных авто для оборудования места нет, к тому же скромный бюджет Би-би-си исключал «ламборгини».

В первый день работы на радио Ньюкасла меня отправили в студийном фургоне делать репортаж в одно суровое местечко — но я об этом, увы, не догадывался. Я добрался до школы, откуда мне предстояло вести передачу, припарковал фургон, выдвинул антенну, размотал кабель, к которому были подсоединены микрофон и наушники. После чего я вошел в ворота, пересек школьный двор, зашел в вестибюль. Представившись учителю и детям, я надел наушники и приготовился вести передачу. Ведущий объявил в эфире мое имя, я заговорил. Но в наушниках стояла тишина. Я решил, что они сломались, и довел репортаж до конца. А вернувшись к фургону, обнаружил, что кабель выдран с мясом. На этой радиостанции я долго не задержался.

В Ланкашире я работал режиссером и ведущим дневных программ выходного дня. Появились постоянные участники моих передач — редакторы местных газет, политики и ресторатор из Флитвуда Билл Скот, который раз в неделю рассказывал о кулинарных новинках. Но когда микрофоны выключали, мы говорили совсем о другом. В основном о машинах. Прошло уже пятнадцать лет, но я до сих пор считаю Билла одним из своих ближайших друзей.

Еще один участник моих передач — Зог Зиглер — также оказался весьма интересным человеком. Этот человек с уникальным именем оказался экспертом по автомобилям. Он жил в Челтнеме, и каждую неделю я записывал беседу с Зогом в его радиостудии в Глостере. Он рассказывал о новинках в автомире. Я впервые познакомился с настоящим автожурналистом, и передо мной открылся новый мир.

Я понял, что самый увлекательный способ заработать на кусок хлеба — это проводить тест-драйвы новых моделей и рассказывать о своих впечатлениях. Я не пропускал ни одного выпуска «Топ Гир», читал все автожурналы и посещал все выставки. Мысль стать журналистом в этой области манила меня так же, как манит восьмилетнего мальчишку идея стать дегустатором мороженого.

К счастью, любовь к машинам, унаследованная мною от деда, не превратилась просто в страсть на них кататься. Меня ничуть не меньше интересовало устройство моторов, и я вполне сносно мог исправить какую-нибудь поломку. Все машины, которые я

покупал, доставались мне в запущенном состоянии — иначе они стоили бы гораздо дороже и я не смог бы их себе позволить. Я довольно быстро выяснил, что детская страсть к конструкторам «Лего» и «Меккано» во взрослом возрасте выразилась в умении подолгу возиться со ржавыми винтами. Я менял мотор у своего «мини» в арендованном гараже, орудуя самым примитивным набором инструментов. Я лежал под машиной, меняя коробку передач, в такую стужу, что у меня деревенела спина и приходилось отправляться в дом греться. У меня было два главных занятия в жизни: я работал на радио и зарабатывал деньги, чтобы тут же потратить их на покупку очередной колымаги. А в свободное время ремонтировал ее, чтобы было на чем добраться до работы.

«Порше», в котором я сидел перед прослушиванием на роль ведущего «Топ Гир», никогда меня не подводил. Я частенько опасался, что, если это все-таки случится, я окажусь в буквальном смысле у разбитого корыта. Впрочем, сейчас мне было не до размышлений. Мне нужно было завести «порше», проехать с полмили и войти в телестудию, собрав все силы в кулак, — ведь это был отбор кандидатов на работу моей мечты.

В студии ждала съемочная группа, которая должна была записывать пробы. Я поразился тому, сколько людей было в этом задействовано. Для «Мужчин и моторов» на «Гранаде» работали я и Сид — он был и оператором, и режиссером, и звукорежиссером. А тут я оказался среди множества операторов, звукооператоров, осветителей и всяческих ассистентов. Я впал в панику. Меня представили невысокому, почти как я, мужчине с удивительно располагающим лицом. Это был Энди Уилман. Именно Энди и Джереми Кларксон придумали совершенно новую программу про автомобили и сумели убедить Би-би-си, что это как раз то, что нужно. Энди дружелюбно улыбнулся мне и назвал свое имя. По телефону я с ним уже разговаривал, а лично встретился впервые. Он отвел меня в сторонку и напутствовал:

— Постарайся работать без всех этих идиотских примочек спутникового телевидения. Не суетись. Здесь у нас все по-взрослому.

Он дал мне несколько ценных советов, и я тут же почувствовал себя увереннее. Я понял, что Энди на моей стороне.

Меня просили за пару минут рассказать перед камерой что-нибудь про машину, стоявшую в студии. Я обошел ее кругом, отметил возможные достоинства и недостатки, стараясь при этом быть информативным, остроумным и не наступать на провода на полу. Дальше мне нужно было прочитать текст вроде того, что теперь читают в «Топ Гир» в рубрике «Новости». Это мне

предстояло делать вместе с легендарным Джереми Кларксоном. Я чувствовал себя новичком-гонщиком, которого поставили выступать вместе со Стирлингом Моссом. Я впервые видел его живьем, а мне еще нужно было беседовать с ним перед камерой. Он приходил на каждый просмотр и проделывал эту процедуру десятки раз. Партнером он оказался замечательным. Мы обсуждали машины, спорили о достоинствах тех или иных моторов, рассказывали автоновости — короче, вели себя ровно так, как теперь ведем себя в эфире. Он подшучивал над моим маленьким ростом, я — над его высоченным, и оба мы язвили насчет тех, кто предпочитает электромобили. Я словно встретился со старинным приятелем.

По дороге домой я вовсе не радовался тому, как гладко все прошло. Наоборот, переживал. Мне очень понравилось в студии, и я понял, как повезло тем, кто там работает. Они не просто делали потрясающую программу, они работали в удивительной команде. И я точно знал, что мне туда не попасть.

Я позвонил Минди и рассказал об обуревавших меня чувствах. Ее мой пессимизм нисколько не удивил. Минди — женщина терпеливая и порой понимает меня лучше, чем я сам.

Познакомились мы с Минди благодаря моей работе. Потратив десять лет на радиожурналистику, я наконец устроился на «нормальную» должность в одной фирме в предместье Лондона. Некоторое время я получал вполне пристойную зарплату. Но в конце концов вернулся на радио. Впрочем, сначала я познакомился с Минди, которая служила в той же конторе. Одного взгляда на ее белокурые локоны было достаточно. Я влюбился в нее, в ее оптимизм, чувство юмора, в ее отношение к жизни. Однако я отлично понимал, что шансов у меня никаких. А Минди потом рассказывала, что, увидев бледнолицего длинноволосого паренька в дешевом костюме, она сразу же сочла меня «интересным». То есть мы оба запали друг на друга с первой встречи.

Мы стали вместе ходить покурить. Теперь я понимаю, как смешно все это выглядело: мы оба хотели встретиться где-нибудь помимо работы, но ни у меня, ни у нее не хватало духу это предложить. И тут мне досталось два билета на бал в честь спортсменов-мотоциклистов. Это был отличный предлог, я набрался смелости и пригласил-таки Минди. Честно признаться, сделал я это через шофера нашего босса, Терри. Он отправился к Минди и сказал, что у меня есть два билета на бал и я хотел бы позвать ее. Это было похоже на разговоры школьников-подростков: «Ты очень нравишься одному моему приятелю». Все сработало. Я приехал за ней в Нортхолт, где она жила. На ней

было голубое обтягивающее платье, и, когда она открыла дверь, я чуть не умер от восторга. Весь вечер мы развлекались, воровали сигареты, болтали о кино и музыке, а потом, как и положено школьникам-шестиклассникам, обнимались в темном уголке.

На наше четвертое свидание Минди приехала ко мне в Чилтерн-Хиллз с двумя собаками — овчаркой и колли. Мы гуляли по парку, швыряли собакам палки, а на обратном пути шли в обнимку. Я влюбился в нее окончательно и понял, что нашел спутницу жизни.

И с самого начала Минди шла ради меня на жертвы. Она не рассталась со мной, когда я бросил денежную работу и вернулся в журналистику — время от времени вел передачи на «Гранаде». Я снова сидел без гроша. Минди помогала мне деньгами, поддерживала, когда у меня что-то не получалось, праздновала со мной мои победы. Год от года мы становились все ближе. Родилась наша первая дочь, Изабелла, и в мае 2002 года мы поженились. «Нормальной» работы у меня так и не появилось, я работал внештатно и как мог подрабатывал, чтобы содержать Изабеллу и нашего первого пса Пабло. Мы переехали в Челтнем, потому что там жила семья Минди, да и сам Челтнем находится не слишком далеко от Лондона. И вот я ехал домой, чтобы рассказать о прослушивании и о работе, о которой не мог и мечтать.

Все решилось через несколько месяцев. Я был дома, в Челтнеме, сидел за столом в кабинете. Минди была рядом. Зазвонил телефон.

Телефон звонил громко, и мы почему-то сразу поняли, что звонят насчет работы в «Топ Тир». Почему мы так решили — ума не приложу, ведь телефон звонил по двадцать раз на дню.

Однако мы оказались правы. Гэри Хантер, исполнительный продюсер нового «Топ Гир», перешел сразу к делу:

— Привет, Ричард. Я звоню спросить — пойдешь к нам в программу?

Он предлагал мне работу, а я услышал: «Мне очень жаль, но в этот раз тебе не повезло».

Я только набрал в легкие воздуха, чтобы выразить надежду, что мы еще когда-нибудь поработаем вместе, и все такое, как вдруг до меня дошло: я получил работу! Ту самую, о которой мы только и думали последние несколько месяцев. И вот наконец мне позвонили и сообщили потрясающую новость.

— Э-эээ… Да, спасибо… Здорово…

Я положил трубку и посмотрел на Минди:

— Он сказал, они выбрали меня. Я принят!

Минди плакала. Меня била нервная дрожь.

— Черт возьми! Я получил эту работу! Что мне теперь делать?

И тут я понял, что не задал ни одного осмысленного вопроса о том, чем я буду заниматься, когда приступать, где работать. И тут же перезвонил Гэри. Пока я разговаривал, Минди принесла бутылку шампанского.

Мы сидели в саду, пили шампанское и обсуждали грядущие перемены. За неделю до этого мы договорились о продаже нашего дома в Челтнеме и решили купить небольшой домик рядом, в Глостершире. Получится ли у нас жить за городом, там, где будет привольно и животным, и нашей дочке, мы не знали. Многое зависело от моей новой работы. И перспективы были самые радужные.

— Мне пришла в голову гениальная мысль! — заявил я.

Никто и головы не поднял, и я пошел дальше — мимо столов, заваленных бумагами, мимо машинок с дистанционным управлением и прочего реквизита, которым был забит весь офис «Топ Гир» на четвертом этаже лондонского здания Би-би-си. Группа готовилась к съемке девятого сезона программы. С тех пор как мне предложили роль ведущего, прошло уже четыре года.

— Специально для нового сезона! — произнес я.

Энди Уилман поднял голову от стола и саркастически хмыкнул. Будучи редактором «Топ Гир», он должен все наши безумные идеи и мечты собирать в программу. А еще на нем лежит ответственность оберегать нас от начальства, отдела жалоб, лобби, ратующего за политкорректность, и лобби, выступающего против автотранспорта.

Его стол не случайно стоит именно в общем зале. Он работает вместе с исследователями, продюсерами, руководителями производства. Он побывал на месте каждого из них и может, если понадобится, выполнять любую работу. Так что все они у него под контролем.

— Слушай… — Я хотел сказать это уверенно, но все равно это прозвучало как просьба. — Я просто хочу проехаться побыстрее. Вот и все. — Я пожал плечами и добавил с американским акцентом: — Быстро — значит быстро, приятель.

Нередко кто-нибудь из нас пытается убедить Энди, что тот или иной трюк будет жемчужиной очередной передачи. Нынешняя мечта захватила меня целиком, и я не хотел, чтобы Энди отверг мое предложение с ходу.

— Ни о каких гонках речь не идет. Нам просто нужно прибавить скорости. На прямой — вот в чем штука. И на машине, и на мотоцикле я уже выжимал двести миль в час. А каково будет

пройти еще быстрее? — Я торопился развить свою мысль. — Скорость придает силы. В ней есть что-то будоражащее. Нам нужно просто найти то, что быстро движется по прямой. Я не хочу ставить никаких рекордов. Это будет рекорд для телепрограмм про автомобили. Наша будет самой быстрой в мире. Как тебе это?

Энди кивнул. Этот кивок видела вся съемочная группа, и я понял, что моя мечта воплотится в жизнь. Может быть…

Не раз бывало, что кто-то из нас предлагал что-то необычное. Однажды возникла идея погрузить машину в контейнер с водой, чтобы показать, как можно выбраться из затонувшего автомобиля. И вот холодным зимним днем я оказался за рулем старенького «воксхолл-карлтона», который висел на крюке подъемного крана над резервуаром с водой. Все было готово к съемке, и я должен был продемонстрировать, как человек впадает в панику, когда машина уходит под воду.

Режиссер в назидание показал мне видеоклип с тем же сюжетом. Опытный каскадер впал в такую панику, что я опасался, как бы он не умер от стресса прежде, чем утонет. Он вышиб ветровое стекло и сумел выбраться из машины. Я залез в «воксхолл», лишний раз напомнил себе про баллон с кислородом, спрятанный за сиденьем, жестом показал ребятам, что все в порядке, а себе пожелал отложить встречу со Всевышним хотя бы на некоторое время.

Признаюсь, довольно неприятно сидеть в машине, которая уходит под воду. В салон с грозным шумом ворвались потоки. Свет потускнел, вокруг все стало зеленым, и со мной случился приступ клаустрофобии. Однако я знал, что, прежде чем выбираться на поверхность, нужно подождать, пока вода заполнит весь автомобиль. Пока что вода поднялась мне по грудь. Я снова мысленно обернулся к баллону с кислородом, засунул в рот наконечник шланга. Впрочем, я надеялся без этого обойтись.

Наконец вода дошла мне до шеи. Я помнил, что мне нужно будет сделать последний глоток воздуха. Реальность оказалась куда более страшной, чем я рассчитывал. Я впал в ужас от того, что безумно боялся запаниковать. А если я потеряю сознание? А если замок заклинит? Мы приняли все меры предосторожности. У меня имелся баллон с кислородом, команда водолазов была в полной боевой готовности. Главным было не паниковать. Идиота спасать куда труднее, чем разумного человека. И я буду выглядеть полным отморозком, а вся группа будет смеяться надо мной до скончания дней.

Итак, я глотнул напоследок воздуха, подождал, пока машина ляжет на дно, открыл дверцу, которая поддалась на удивление легко, выплыл из машины и пулей взлетел на поверхность.

Оказалось, что ничего сложного тут нет. Но топить машину в канале я все-таки никому не советую.

Позже специалисты сказали мне, что можно, конечно, ждать, пока машина опустится на дно. А если она окажется рядом со старым холодильником и дверца не откроется? Полицейские рассказывали, что порой приходится поднимать из озера машины, из которых вполне можно было бы выбраться, только вот водители так и оставались сидеть на своих местах, пристегнутые ремнями безопасности. Вот что такое впасть в панику.

За четыре года работы в программе я заработал репутацию парня, готового на любой риск. Я целиком и полностью доверился своей группе, знал, что они умеют предвидеть все. Мне просто повезло: я получал деньги за то же, чем занимался с самого детства, когда демонстрировал велосипедные трюки. Кроме того, мне удалось 24 часа проездить на 2CV по Снеттертонскому треку, прокатиться вместе с норвежской олимпийской командой бобслеистов в Лиллехаммере, пробежаться вместе с быками в Памплоне.

Кто-то предложил снять сюжет о машине, в которую попала молния. Сидеть в машине и ждать, пока в нее попадет молния, было бы слишком долго и дорого. Нам нужно было как-то эту молнию обеспечить. В Германии мы отыскали исследовательскую лабораторию, где научились генерировать искусственные молнии. Естественно, добровольцем оказался я.

Машину поставили на участке, обнесенном колючей проволокой и увешанном предупреждениями о том, что попавшие сюда рискуют получить разряд в миллионы вольт. Съемочная группа сидела по ту сторону проволоки, немцы нажимали на кнопки в центре управления, а я сидел в машине и думал, каково это — получить удар молнии. Мы хотели продемонстрировать эффект клетки Фарадея: разряд электричества от удара молнии не проходит через центр объекта (отчего все внутри, включая меня, неминуемо зажарилось бы), а идет по металлическому контуру и уходит в землю через колеса. Шины не расплавятся, ветровое стекло не лопнет, волосы у меня дыбом не встанут, и режиссеру в конце съемочного дня не придется заполнять всяческие бланки и формы.

Так должно было произойти согласно законам науки. Молния должна была вести себя так, как предписали ученые. Тем не менее, сидя в машине и ожидая направленного на меня разряда в миллионы вольт, я нервничал. А что, если закон возьмет и как раз сегодня переменится? Раздастся оглушительный треск, в машине мелькнет голубая вспышка, и все будет кончено.

За долю секунды миллионы вольт лучшей искусственной

молнии в мире преодолели пространство в несколько футов, потянулись к металлическому каркасу машины и ушли в землю. Я сказал в камеру:

— Если я сейчас разговариваю с вами без крыльев за спиной и нимба над головой, значит, мы продемонстрировали вам теорию на практике.

Я выжил, мы собрали аппаратуру и отправились домой.

И вот я еду к Минди с рассказом о новом трюке, который я готов проделать ради журналистики, развлечения публики и ипотеки, которую мы выплачиваем. Едва я открыл дверь, ко мне кинулись дети и животные. Теперь у нас было уже две дочки — у Изабеллы появилась младшая сестренка Уиллоу, которой уже исполнилось три. А еще имелось пять собак, четыре кошки, четыре лошади, небольшая отара овец и несколько кур. До Лондона было далековато, зато, оказавшись дома, я тут же забывал про городскую суету. Мы катались на лошадях, гуляли в лесу с детьми и собаками. В Минди проснулась страсть к машинам, и, когда время и дети позволяли, мы с женой отправлялись кататься на мотоциклах. В 2005 году Минди получила права на вождение мотоцикла, и в июле того же года я подарил ей на день рождения «харлей».

Впрочем, забыть о моей работе нам не удавалось никогда. Порой Минди с трудом заставляла себя смотреть запись очередного трюка, который я проделывал для «Топ Гир». На кадрах с машиной под водой Минди плакала от ужаса. И сказала, что хоть я и сижу с ней рядом, ей все равно страшно.

В тот вечер мы немного поговорили насчет моего плана про скорость. Но до воплощения идеи в жизнь оставалось еще много времени.

Глава 2

Через двадцать четыре часа мне предстояло оказаться в глубокой коме, с отеком мозга, распирающим череп. Но пока что я был в Бедфордшире, сидел на поле в «лендровере» и выбирал сор из собачьей шерсти — это странное занятие меня успокаивало. Я вспоминал подробности сегодняшней съемки.

Мы готовили программу о том, как мы делали собственное биотопливо. Для этого нужно было вырастить поле пшеницы, из которой в конце концов должно было получиться нечто, заменяющее дизельное топливо. Сначала надо было поле вспахать, для чего понадобились тракторы. Трактор Джеймса увяз где-то в дальнем углу поля, Джереми попахал немного, потом понял, что это процесс долгий, и стал рыхлить землю взрывчаткой, а я ухитрился намертво привязать свой здоровенный и дорогущий плуг к двадцатишеститонному гусеничному трактору, которым я с утра перекрыл главную улицу ближайшего городка.

Собаке Топ-Гир, которую мы дома ласково называем Ти-Джи, день чрезвычайно понравился. Мы назначили ее присматривать за овцами, которых она должна была согнать с поля перед пахотой. Мы предполагали, что с заданием она не справится и зрителям будет над чем посмеяться. И она не подвела — задание завалила. Шерсть у нее густая и светлая, и похожа она на овцу, так что ее подопечные воспринимали ее как одну из своих.

Когда Джереми собрался взрывать свой участок, я отвел Ти-Джи на безопасное расстояние. Прогремело семь или восемь глухих взрывов, сотрясших не только воздух, но и землю. С неба посыпались камни и комья земли. Ти-Джи подняла голову, лениво взглянула на меня, уткнула морду в лапы и опять заснула. Потревожить ее сон не так-то просто. После съемок ей предстояло отправиться со мной в Йорк. Я решил, что это будет забавный штрих — собака стоит на взлетной полосе и провожает меня, уносящегося на машине с реактивным двигателем.

Съемки закончились, и я отправился за Ти-Джи. Оказалось, что у нее в шерсти застряли миллионы остреньких осколков, которые доставляли ей изрядное беспокойство. Я вытащил сколько сумел, но толку от этого было чуть. Пришлось звонить Минди. Мы договорились, что наш шофер отвезет несчастную псину домой, где ей как следует вычистят шерсть. Так что в Йорк она не ехала. И машины с реактивным двигателем ей было не увидеть.

Члены группы собирали оборудование. Назавтра им

предстояло ехать снимать в несколько мест. Когда мы готовим новый сезон, все работают на износ, чтобы отснять как можно больше до того, как мы начнем снимать сюжеты в студии. Джереми спросил, что я собираюсь делать. Я сказал, что отправляюсь в Элвингтон, где меня ждет авто с реактивным двигателем.

— Ты сам поведешь?

— Разумеется.

— Ну, до свидания. — Он протянул мне руку — как протягивают ее тому, кто отправляется на эшафот. Это у нас дежурная шутка. Он намекал на то, что я разобьюсь насмерть при выполнении этого идиотского трюка.

— Да ладно тебе! Все будет в полном порядке.

Я позвонил домой, поговорил с Минди. Она забрала Иззи из школы, Уиллоу из детского сада, рассказала мне, как прошел день. Я представил их, уютно устроившихся на кухне, и меня охватила тоска. Иногда я тоскую по ним так, что ощущаю это физически. Когда мы выезжаем на съемки «Топ Тир» куда-нибудь далеко, в семь вечера Джереми, Энди, я и все остальные молодые отцы звонят по мобильным пожелать своим деткам спокойной ночи. Мы обожаем работать, но наступают моменты, когда нестерпимо хочется поцеловать ребенка перед сном. Мы никогда этого не обсуждаем, но все отлично знаем, что так оно и есть.

До Йорка было часа три езды. По роду своей работы я ездил на разных машинах — чтобы написать сценарий к съемкам для «Топ Тир» или для колонки, которую я вел в «Миррор». На сей раз я взял спортивную двухместную «Хонду-5200». Всегда приятно протестировать незнакомую машину.

За рулем я думал в основном о машине с реактивным двигателем, которую мне предстояло вести на следующий день. Мы провели огромную подготовительную работу и написали отличный сценарий. Я предвкушал, каково это будет — управлять машиной мощностью десять тысяч лошадиных сил. Представлял мощность одиннадцати болидов «Формулы-1», слившихся в единое целое. Глядел на проносившиеся столбы и воображал, что они летят мимо меня с утроенной или учетверенной скоростью. Мне предстояло испытать совершенно новое ощущение, которое должно было в корне изменить мои представления о скорости.

В последние недели мы много говорили о том, как лучше использовать возможности такой особенной машины. И пришли к выводу, что не нужно зацикливаться на цифрах. Если бы я все время смотрел на спидометр и пытался выжать еще лишние пару миль в час до того, как кончится взлетная полоса, я мог бы допустить какую-нибудь роковую ошибку. Поэтому мы пришли к

выводу, что в машине вообще не должно быть спидометра. Скорость, ускорение, перегрузки — все эти параметры нам сообщит телеметрическая бортовая система. Но сообщена эта информация будет уже в студии, после моей поездки. Учить меня управлять этой машиной должен был человек, который ее сконструировал. Я буду постепенно наращивать скорость — в том ритме, который устроит и владельца автомобиля, и меня.

Мой приятель, журналист Колин Гудвин, уже ездил на этой машине. И рассказы Колина очень пригодились нам во время подготовки к этим съемкам. К тому же я хоть немного удовлетворил свое любопытство и мог представить, что меня ожидает. Он говорил, что у него просто крышу снесло. Он промчался на скорости 270 миль в час и теперь вообще смотрел на скорость совершенно иначе. Он уверял меня, что автомобиль прост в управлении, и обещал, что я получу целое море удовольствия. Специалист с Би-би-си тщательно проверил машину: все было в полном порядке. Машина выглядела великолепно, и я с нетерпением ждал того момента, когда сяду за руль. В семь вечера я въехал в Йорк и отправился в гостиницу. Приехала съемочная группа, и мы собрались в баре выпить на ночь по кружке пива. Пришла и команда, доставившая машину. В углу сидел Колин Фоллоуз — конструктор машины. Я сел с ним рядом. Мне хотелось побольше узнать о том, что ожидает меня завтра.

Колин был отличным техником и опытным водителем. Он служил в военно-воздушных силах, многие годы занимался исключительно реактивными двигателями и был кладезем историй про моторы, самолеты и драгстеры. Мы тут же подружились. Он рассказывал, как собирал свое детище. Этот невысокий мужчина походил скорее на служащего банка, а не на человека, который выжимает из драгстера 300 миль в час. Что лишний раз доказывает, что судить о людях по внешнему виду не стоит.

Я рано отправился спать и перед сном позвонил Минди. Ти-Джи на следующий день должны были отвезти к парикмахеру. Девочки крепко спали. Мы пожелали друг другу доброй ночи. Мне предстоял особенный день. И мне тоже надо было как следует выспаться.

Я шарил рукой под кроватью. Наверное, ключи от машины упали ночью с тумбочки, и я никак не мог их найти. Я закинул на плечо сумку и направился к двери и только тогда понял, что чего-то не хватает. А времени было в обрез. Я уже отказался от идеи позавтракать в гостинице — это можно было сделать и на летном

поле, пока съемочная группа будет готовиться. Мне надо было только найти эти чертовы ключи. Я снова полез в сумку. Понимал, что делаю это, потому что нервничаю, но должен был все проверить еще раз. И, естественно, обнаружил ключи в переднем кармане, между паспортом и записной книжкой. Сначала я обрадовался — нашел то, что искал, а потом рассердился на себя: ну как можно быть таким безалаберным? Я подхватил сумки, открыл дверь и помчался.

Наша колонна не без труда добралась до Элвингтона. За аэродромом виднеется лес. Небо было голубое, по широкому ровному полю гулял легкий ветерок. Я подошел к группе людей, стоявших около фургона, где размещался буфет. Среди них был и наш режиссер, Скотт.

— Машину уже видел? — спросил он.

— Нет еще. Жду не дождусь. А где Колин?

— Проверяет ее перед стартом. Сейчас будет.

Я заказал чашку чая и бутерброд с ветчиной. Во время съемок мы питались как солдаты: видишь еду — ешь, неизвестно, когда поешь в следующий раз.

Мы со Скоттом еще раз обсудили детали. Дел предстояло множество, но планировать что-то было рано. Мне предстояло познакомиться с машиной, научиться ею управлять. И нельзя было сказать заранее, сколько на это уйдет времени. Нам нужно было снять несколько кусков — я собирался рассказать о машине, но мы решили отложить это на конец съемок. Взлетную полосу нам предоставили только до половины шестого вечера. Потом наступало время запрета на шум, и поездить нам бы уже не удалось. Я взял еще чашку чая и, сев в «хонду», перечитал сценарий. Перед такой съемкой мало что напишешь заранее, но мы постарались структурировать все насколько возможно. Мне предстояло рассказать о своих впечатлениях о машине, сравнить ее с другими скоростными автомобилями, которые мне довелось водить. Я позвонил Энди Уилману в Лондон. Во время съемок мы постоянно с ним общаемся — полезно поговорить с человеком, которого на съемках нет, который смотрит на все издалека. Энди снова заговорил о том, что не надо ставить рекордов скорости. Главное — ощущения, которые испытывает человек за рулем такого автомобиля. Я пообещал, что позвоню ему, как только первый раз проеду на этой машине.

Сначала Колин должен был сам проехать на «Вампире» по взлетной полосе. Он из тех людей, которые должны все лично проверить и перепроверить. И вот появилась машина. Я впервые увидел ее. И удивился тому, какая она длинная. Она напомнила мне драгстеры, которые я обожал в детстве. Тогда я собирал из

«Лего» гоночные автомобили, которые выглядели точь-в-точь как «Вампир», — с длинным корпусом, мощными задними колесами и маленькими и относительно тонкими передними. Только в моих моделях не было странной цилиндрической конструкции за водительским сиденьем. Там располагался реактивный двигатель — сердце машины, можно сказать, ее душа. Колин остановил машину на линии старта. Мы стояли ярдах в двухстах. Механик Колина последний раз проверил автомобиль. Мы молча наблюдали.

Я слышал, как перекрикиваются Колин с механиком, и вот наконец раздался особый звук — гул набирающего обороты реактивного двигателя. Гул становился все пронзительнее, над машиной заметно завибрировал горячий воздух. И машина резко сорвалась с места. Из сопла вырвался сноп пламени, шум стал оглушительным. Колин использовал форсаж, значит, собирался разогнать машину по полной. Это я знал из нашего с ним вчерашнего разговора, и я пытался представить, каково это управлять мотором мощностью десять тысяч лошадиных сил и разогнаться до трехсот миль в час за время, которое нужно обычному автомобилю, чтобы разогнаться до шестидесяти. Через несколько секунд после старта за машиной раскрылся парашют. А когда парашют поник и машина остановилась в полумиле от старта, наступила оглушительная тишина. У меня засосало под ложечкой. Я только что видел, как чудовищная сила протащила очень маленькую машину по очень короткой взлетной полосе.

Для того чтобы проверить машину и вернуть ее на место старта, понадобилось полчаса. Колин с механиками снова проверяли материальную часть, а мы столпились у буфета. Меня спрашивали о моих впечатлениях — ведь мне предстояла такая же поездка. Я сказал, что немного нервничаю, но уверен, что справлюсь. О нервах забывать нельзя — не стоит только допускать, чтобы они тобой командовали. Нервы помогают разгонять по крови адреналин, обостряют реакцию, но, если они возьмут верх над мозгом, теряешь способность сосредоточиться.

Вскоре машина была готова. Мы с Колином пошли к ней вдвоем. Нашу беседу мы собирались снять позже, а пока что было отлично поговорить наедине, без камеры. Колин рассказывал о том, что умеет его детище. Мотор был установлен таким образом, что при нагрузках его прижимало к земле. Это меня успокоило — я уже начал волноваться, что машина может случайно взлететь к небесам. И вот Колин сказал, что мне пора за руль.

Забираться на сиденье нужно было осторожно — наклоняя голову, чтобы не удариться о защитные стойки. Колин подробно рассказал о панели управления. Оказалось, что все предельно

просто. Машина состоит из двигателя, сиденья и парашюта. Здесь отсутствовали сложные механизмы передачи, связи мотора с колесами. Машина как бы приторочена к мотору, который и толкает ее вперед. Есть регулятор, который разгоняет мотор до определенного уровня, — примерно так же мы регулируем громкость радиоприемника. Справа на лаконичной приборной панели имеется металлический диск диаметром приблизительно с донышко чашки.

Под ним располагается рычаг. Как объяснил Колин, с его помощью можно заглушить мотор и одновременно раскрыть парашют. То есть это основной механизм торможения. Когда мотор запущен, тормозить колесами бесполезно, полагаться нужно только на парашют. Посреди панели управления находится руль — две рукоятки, соединенные по центру металлической бобышкой диаметром дюйма четыре. Я положил ладони на две рукоятки, ощутил прохладу металла. Через этот руль передается мощь мотора, расположенного футах в двух позади меня.

Больше никаких органов управления здесь не было. Не было педали сцепления — как и самого сцепления. Не было и педали газа. Мощность я задавал перед стартом — поворотом регулятора. Правая нога располагалась рядом с ножным тормозом, который использовался только для того, чтобы удержать машину, пока мотор набирает обороты. Левая нога стояла на педали автомата, который, стоило педаль отпустить, вырубал мотор. Это было предусмотрено на крайний случай.

Я представлял себе салон этого супермобиля совсем иначе. Думал, что здесь полно сложных приборов — кнопок, рукоятей, рычагов. А оказалось, что кнопок здесь не больше, чем на игрушечной панели управления — у меня в детстве была такая. Я даже немного расстроился. Однако успокаивало одно: мне проще будет научиться общаться с этой машиной.

Я смотрел на взлетную полосу и пытался представить, каково это будет пронестись по ней. По сигналу Колина я сниму ногу с педали тормоза, и машина рванет вперед. Как я это выдержу? Может, голову отбросит назад, и я не увижу, куда идет машина? Я спросил Колина, как пользоваться дожигателем. Он сказал, что в этом пока не будет необходимости, а включается он металлическим тумблером на левой рукояти руля. Стоит переключить тумблер, искра подожжет топливо в моторе, и машина превратится в нечто среднее между реактивным самолетом и ракетой. Мощность мотора возрастет в два раза. Я уточнил, когда это надо делать.

— Снимешь ногу с педали тормоза и нажмешь на кнопку, — ответил он.

— А если нога еще будет на педали?

— Не имеет значения. Нажмешь на кнопку и понесешься вперед.

— Понятно. — Я чувствовал себя десятилетним мальчишкой.

Мы собирались снять несколько эпизодов до поездки. Смешно рассуждать перед камерой о достоинствах «Вампира», обливаясь потом после сумасшедшей поездки. Поэтому я должен был надеть гоночный костюм, поговорить в камеру, а потом уже сесть за руль.

К нам в тот день присоединился еще один из членов съемочной группы, Грант Уордроп. Он дал мне сумку с костюмом и шлем. Я сказал, что шлем у меня есть. Но он настаивал на своем — он специально выбрал самую надежную модель.

Раздевалки здесь не было, и я попросил санитаров пустить меня в машину «скорой помощи» — гардеробную я решил устроить там. Они согласились при условии, что я не заставлю там все цветами и конфетами. Я разложил серебристый костюм на каталке. Сделан он был из плотного пожаростойкого материала — в четыре слоя. Я надел его прямо на футболку и трусы и понял, что выгляжу в нем комично и похож скорее на эльфа, чем на гонщика.

На дне сумки я нашел зажим для шеи — стеганую прокладку, которая надевается под шлем и фиксирует шею. Это предосторожность на случай аварии. Я надел его и понял, что выгляжу еще более смешно.

А вот шлем был удивительно хорош — белоснежный «Араи», разработанный специально для автогонок. Я вышел из фургона, и съемочная группа дружно расхохоталась. Я выглядел как инопланетянин.

Машина ждала меня на старте. Пора было браться за работу. Ребята возились с камерами и микрофонами. На машине тоже установили две крохотные цифровые камеры. Одна была нацелена на меня, вторая — на взлетную полосу.

Для меня в тот день главным было не то, как пройдут съемки, а как я поведу машину. Я вспомнил подробные объяснения Колина, подошел к машине и приготовился сесть. Колин был рядом. Я забрался на сиденье, механики застегнули на мне ремни безопасности. Пристегнули меня туго — я с трудом дышал. Эти ребята работали на совесть. И тут Колин застегнул и те ремни, которые зажали мне плечи.

— А это зачем? — спросил я.

— Чтобы ты руками не махал, если случится авария.

Я посмотрел на толстенную железную раму и поежился — не

хотелось бы, чтобы такая штуковина придавила руку к земле.

Колин еще раз попросил меня рассказать все, что я смог запомнить о панели управления автомобиля. Это была последняя проверка. Мне вот-вот предстояло завести мотор. Впервые в жизни я должен был управлять реактивным двигателем. Я сосредоточился и шаг за шагом рассказал, что буду делать. Колин остался мною доволен.

Я сказал, что готов к старту. Колин нажал на тумблеры. И за моей спиной заработал мощнейший двигатель. Я испытал волнение, к которому примешивалась толика страха. Звук мотора напоминал звуки, которые раздаются во всех аэропортах мира. Только со мной не было ни пассажиров, ни пилота. Колин ободряюще махнул мне рукой.

Я чувствовал, как вибрирует машина, вмиг превратившаяся в дикого зверя, которого сдерживала только моя ступня, лежавшая на педали тормоза.

Разгон был сильный, но мозги, вопреки моим ожиданиям, у меня не вышибло. Неодолимая сила тянула меня вперед, и мне оставалось только покориться ей. Скорость росла стремительно. За 13,7 секунды я разогнался до 205 миль в час. Но об этом я не знал — внутри не было спидометра. А если бы и был, я бы боялся на него взглянуть. Из-за изгиба взлетной полосы мне нужно было держать отклонение на тридцать градусов — чтобы машина шла прямо. Я и не предполагал, насколько это важно. И вот я оказался не бездельником пассажиром, а водителем, у которого есть масса неотложных занятий.

Я неотрывно смотрел вперед. Скоро должны были показаться столбики, отмечавшие точку, миновав которую я должен был заглушить мотор и раскрыть парашют. Разглядеть что-нибудь было непросто. Колеса реагировали на малейшую неровность взлетной полосы. Машина вибрировала. Мотор оглушающе ревел.

Когда машина понеслась вперед, шлем сдавило непреодолимой силой. Я все думал, что будет, если я не разгляжу столбики. К тому же забрало шлема запотело. Я не мог даже руку поднять и расстегнуть застежку. А если бы и мог, то подставил бы себя под мощный поток ветра. И тут я все-таки увидел столбики.

Я нащупал рычаг справа, потянул его на себя. Двигатель перешел с рева на низкое рычание. Я не знал, раскрылся ли парашют, но тут меня что-то толкнуло в спину, и я понял, что он раскрылся.

Парашют с огромной силой тянул машину назад. При полном ускорении водителя вдавливает в сиденье с силой, в 1,8 раза превышающей силу притяжения. Но при торможении и машину, и водителя толкает вперед. У меня перехватило дыхание, но мне

это ощущение даже понравилось.

За 9,3 секунды скорость сократилась до каких-то 60 миль в час. Я вел машину к тому месту, где меня поджидала съемочная группа. Засняв, как машина несется по взлетной полосе, оператор должен был подбежать к месту остановки, и мне предстояло сказать несколько слов о том, что я испытал. Красноречия от меня никто не ждал, ждали непосредственной реакции. Зрителю это порой важнее, чем отрепетированный текст. Это дает ощущение реальности происходящего.

Съемочная группа кинулась ко мне, я попытался описать, каково это — на несколько секунд оказаться в таком мощном автомобиле. Мой приятель Колин Гудвин рассказывал, что, прокатившись на этой же машине, он стал совсем иначе относиться к скорости. Теперь я понимал, что он имел в виду. Оказалось, что сейчас всего лишь час дня. И мне захотелось проехаться еще быстрее.

Я вылез из машины, перебросился парой слов с Колином. Мы с ним были людьми, побывавшими там, где почти никто не бывал. И этот эксперимент мне предстояло повторить сегодня еще несколько раз.

Я отвел нашего продюсера Пола в сторонку и рассказал про проблему с забралом. Мы дали ассистентам задание найти поблизости магазин, где можно купить жидкость, которая не дает шлему запотеть. Но я придумал способ попроще. Нужно было размазать по забралу каплю средства для мытья посуды. Таким приемом пользуются все мотоциклисты.

Я несколько лет назад бросил курить, но недавно закурил снова. Это случилось на очередных съемках «Топ Тир», когда за нами гнались по Алабаме разъяренные фермеры — им не понравились лозунги, украшавшие наши машины. Они схватили дробовики, сели в джипы и помчались за нами. Мы пулей пронеслись через два штата. И в тот день я закурил первую за три года сигарету. Теперь мне снова хотелось курить. Я тихонько забрался в «хонду» и взял сигарету. Настроение у меня было прекрасное. Я с самого начала знал, что сумею справиться с реактивным двигателем, что сначала понервничаю, но смогу взять себя в руки. Именно так все и вышло.

Однако еще многое предстояло сделать. Я должен был объяснить перед камерой, как работает двигатель, надо было еще раз снять машину в движении. Кроме того, мне нужно было включить дожигатель и запустить мотор на полную мощность — на все десять тысяч лошадиных сил. Этого я ждал с нетерпением.

Я позвонил домой, поговорил с Минди. Она, естественно, психовала, и я как мог ее успокоил. Потом я позвонил Энди

Уилману и сообщил, что первая поездка прошла успешно, машина не загорелась. Мы перекинулись шуточками, но я знал, как искренне он рад, что все прошло хорошо.

Пока я курил, машину успели проверить и подготовить ко второй поездке. Я вылез из «хонды» и пошел по летному полю. Я шел и думал: мне тридцать лет и сейчас сбывается моя детская мечта. Я направлялся к машине с реактивным двигателем, которой мне предстояло управлять на глазах у миллионов телезрителей. Никогда не стоит слишком гордиться своими достижениями — гордость часто приводит к неудачам, но, пока я шел по полю, десятилетний мальчишка внутри меня просто лопался от гордости.

Колин пожелал мне ни пуха ни пера, и я пошел на второй заезд. Меня снова сразило ощущение мощи и скорости, и, когда я вылез из машины, я сказал еще несколько слов в камеру — поделился своими впечатлениями. А потом прокатился еще раз. День был на исходе. Теперь мне предстояло проехать с включенным дожигателем.

Я снова позвонил Энди Уилману. Он напомнил, что никаких подвигов от меня никто не ждет. Я успокоил его и пообещал, что буду осторожен.

Сев за руль, я осмотрел тумблер, который включает дожигатель. Эта крохотная металлическая штуковина запускает механизмы, высвобождающие неслыханную силу, подвластную, как думали люди тысячи лет, только богам.

Колин подробно описал весь процесс: пламя должно было пробить мотор по центру и зажечь недожженное топливо. От этого мощность двигателя возрастет в два раза. Я снова вспомнил порядок действий: завести мотор, отпустить педаль тормоза, нажать на кнопку, а через несколько секунд открыть парашют и порадоваться тому, что остался жив.

Мотор, наращивая обороты, загудел. Я сделал глубокий вдох, включил дожигатель и поднял правую ногу с педали тормоза. И тут же оказался в совершенно другой машине. И рев двигателя, и ускорение стали во сто крат сильнее. Машина не просто сорвалась с места — она едва не взлетела. И только тогда я понял, что реактивный двигатель без дожигателя — добрый зверь, который только легонько подталкивает тебя в спину. А двигатель с дожигателем — это яростная стихия.

Не могу сказать, что это сильно отличалось от быстрой езды на суперкаре, но я чувствовал, что что-то кардинально изменилось. Мои разум и чувства реагировали на все быстрее — чтобы хоть как-то поспевать за происходящим.

Всего за 17,2 секунды я домчался до столбиков. Потянул

рукоятку, чтобы заглушить мотор и раскрыть парашют. Поездка длилась всего 23 секунды. Меня пронесла сила, которой не набрать и десятку болидов «Формулы-1», соединенных воедино. Таким бодрым я не чувствовал себя никогда в жизни. Колин был счастлив, съемочная группа тоже, а я пребывал в экстазе. Я сумел разогнаться до 314 миль в час — результат, побивший английский рекорд скорости. Впрочем, как рекорд его все равно бы не зафиксировали — из-за отсутствия официальных лиц. Кроме того, никто и не собирался рассказывать мне, с какой скоростью я шел, чтобы я не дай бог не решил проехаться еще быстрее. Впрочем, я все равно собирался это сделать.

Мы отправились к фургону с буфетом попить чаю и взахлеб обсуждали мои опыты. Все складывалось как нельзя лучше: мы сняли, как Колин показывает мне машину, сняли поездки без дожигателя, сняли и последнюю — с дожигателем. Я позвонил Энди, и мы договорились, что это будет традиционный сюжет про то, как человек на глазах у зрителей учится делать опасный трюк. Было уже почти пять часов дня. Взлетную полосу нам разрешили использовать только до половины шестого. Мы все обговорили. Машина работала безотказно, я научился ею управлять, погода стояла отличная. И мы решили сделать еще один дубль.

Пока ребята готовили машину, я беседовал с человеком, отвечавшим за взлетную полосу. Он уже знал, что мы хотим проехаться еще раз, но я хотел удостовериться, что он не возражает. Мы с режиссером помнили, что надо снять еще один эпизод — мне предстояло сказать несколько слов. Но это мы решили отложить на потом.

17 часов 25 минут.

После аварии многие врачи удивлялись тому, как отчетливо я все запомнил. Они предполагали, что эти воспоминания — игра воображения, пробудившегося, пока я находился в коме. Но я уверен, что все так и было. Кроме того, все, что я рассказывал, в точности соответствовало показаниям бортовой телеметрической системы, которая зафиксировала каждую миллисекунду аварии.

Идя к машине, я вспомнил разговор с одним техником гоночных машин. Он рассказывал, как опасно ехать с полным мочевым пузырем: «Случись авария, пузырь может лопнуть, и ты умрешь еще до того, как успеют подбежать врачи».

И не дойдя всего нескольких футов до «Вампира», я развернулся и зашагал к стоявшей неподалеку туалетной кабинке. Я не верю, что это было предчувствие грядущей аварии. Мне просто нужно было помочиться, что я и сделал — чтобы больше ничто меня не отвлекало.

Я надел на шею фиксатор и взглянул на машину. Мне еще предстояло рассказать в камеру, как этот автомобиль сконструирован. Тормоза были взяты от грузового фургона, бензонасос — от бетономешалки, а рулевой механизм — от «робин релиант». Ничего подобного в мире гоночных машин уже нет — там иной мир, корпоративный, где недостатка в средствах не бывает. Мне как раз и нравилось в «Вампире» то, что его собрал у себя в гараже парень, который четко знал, что ему нужно.

Меня снова пристегнули так туго, что я едва дышал. Я взглянул на свои перчатки и взялся за руль. Еще одна поездка, еще пара фраз в камеру, и я свободен. Сяду в «хонду» и поеду домой.

Мотор начал набирать обороты. Его гул перешел в грохот, и Колин отступил в сторону, дав знак, что можно ехать. Мне предстояло насладиться поездкой, в которой для меня уже не было ничего неведомого.

Поездка начинается: 17 часов 30 минут плюс 16,89 секунды.

Я нажал на кнопку и отпустил педаль. Внутри мотора полыхнуло пламя, достигшее недожженного топлива. Мощность увеличилась вдвое, и машина понеслась вперед.

Прошло времени: 14,25 секунды. Скорость 288,3 мили в час. Я вдруг понимаю, что что-то не так. Я не чувствую обычной отдачи руля.

Прошло времени: 14,64 секунды. Скорость 285,3 мили в час, поворотная сила 2,1 g. Я кручу руль и пытаюсь выровнять машину. Позже я вспомню, как пытался удержать курс, как отчаянно боялся, что что-то собьет меня с пути.

Прошло времени: 14,64 секунды. Отклонение 40 миллиметров. Я догадываюсь, что случилось нечто ужасное и у меня серьезные проблемы. Как оказалось, спустило переднее колесо. Скорость падает до 273 миль в час, на видеозаписи видно, как машина подпрыгивает, и второе переднее колесо уже не касается земли.

Прошло времени: 15,00 секунды. 279 миль в час, 3,9 g.

Я почти проиграл. Машину заносит вправо. Эксперты потом скажут, что быстрота реакции у меня была, как у современных летчиков-истребителей. Телеметрическая система показала, что я

выворачиваю руль ровно так, как нужно, чтобы удержать машину прямо. Я жму на тормоз — это инстинктивное, но бесполезное движение. Я не паникую, я все еще борюсь. Но уже проигрываю.

Прошло времени: 15,71 секунды. 232 мили в час, торможение 6 g. Это последнее, что я помню. Машину тащит вправо, и я понимаю, что выровнять ее не удалось. Аварии не избежать. Я вспоминаю про парашют. Тяну за рычаг. Машина не останавливается и начинает переворачиваться. Я понимаю, что она сошла с трассы и сейчас окажется вверх тормашками. Больше я ничего не могу сделать. Я уверен в том, что умру. Я не боюсь, не вспоминаю в мгновение всю свою жизнь. У меня странное чувство отстраненности. И еще мне легко на душе — я наконец знаю ответ на вопрос, который мучает многих из нас: «Как я умру?»

Прошло времени: 16,17 секунды. Машина переворачивается вверх тормашками. Металлические скобы защищают мою голову от удара и врезаются в траву. Они работают как наземный якорь, и за 0,46 секунды машина сбрасывает скорость с 232 миль до 191. Мой мозг рвется вперед и бьется о череп. У меня рвутся нервы. В результате полученных повреждений я мог бы остаться на всю жизнь парализованным, слепым, глухим, потерять себя как личность. Но я нахожусь без сознания и ничего об этом не знаю.

Машина врезается в землю, вследствие этого еще раз переворачивается. Будь я в сознании, передо мной бы мелькнул краешек голубого неба — прежде чем машина, лежа на крыше, наконец останавливается. На меня обрушивается лавина камней и грязи, щиток шлема раскалывается. Левый глаз у меня поврежден, в рот и нос забивается земля. Мою голову кидает вправо, и часть шлема остается покореженной.

Все заканчивается через пять секунд после того, как лопается правое переднее колесо. Машина лежит на крыше. Я все еще без сознания, но происходят некоторые изменения. Мой мозг после полученных ударов начинает отекать. Дыхание затруднено — поскольку нос и рот забиты землей. Ремни безопасности частично помогли — тело мое, пока машину бросало из стороны в сторону, оставалось в одном и том же положении. Но я в критическом состоянии. Можно сказать, я только что повстречался с собственной смертью.

Глава 3

Рассказ Минди

— Эля, я вернусь через час. Девочки, ведите себя хорошо, попейте чаю. Я вернусь и уложу вас спать.

Я кинулась к своему «лендроверу». Черт, забыла шапочку для верховой езды. Я снова открыла дубовую входную дверь и крикнула:

— Я вернулась!

Эля засмеялась и протянула мне шапочку. Эля — эта наша помощница по хозяйству. Она из Польши, появилась у нас в июне, и мы успели подружиться. Летом мы учили девочек плавать в нашем крошечном бассейне. Каждый день мы вчетвером — Эля, пятилетняя Иззи, трехлетняя Уиллоу и я — плескались в бассейне до самого заката, а потом отправлялись в дом ужинать. Эля отлично ладила с животными, загоняла пони в стойло, кормила пятерых собак и трех кошек. Девочки ее просто обожали. Она работала у нас в перерыве между занятиями — училась на психотерапевта.

Схватив шапочку, я села в девятиместный «лендровер», ярко-желтый «дефендер», и отправилась на конюшню полюбоваться своей потрясающей новой лошадью.

От волнения у меня кружилась голова. Всю жизнь я мечтала о собственной лошади. И вот несколько лет назад Ричард подарил мне лошадь на Рождество. Она была замечательная, но вскоре я не смогла на ней ездить — кобыла родила жеребенка. У меня не хватило терпения ждать, пока она его выкормит, поэтому я продала ее. И долго тосковала, пока моя подруга не предложила мне удивительную лошадь, которая, по ее словам, должна была вернуть мне утраченную уверенность в себе.

На этом жеребце я успела поездить всего дважды и решила его купить. Сегодня должен был состояться мой первый «урок». Томас был невероятно прекрасен — шестьдесят семь дюймов в холке, гнедой, с белой звездочкой на лбу. У меня рост пять футов один дюйм, и даже залезть на него мне было нелегко — седло было на фут выше моей макушки.

Я припарковала машину. Томас стоял в просторном стойле на конюшне, где размещалось еще пятнадцать лошадей. Я вошла во внутренний дворик и сразу его увидела.

Было около половины шестого, солнышко еще пригревало. Я подошла к Томасу и погладила его по морде.

— Привет, дружок!

Это был замечательный миг. Я поправила шапочку, натянула перчатки.

— Минди! Минди! Тебя к телефону!

— Что?

На конюшне мой мобильный не принимал, поэтому Эля позвонила в контору.

— Ричард попал в аварию. Немедленно звони Энди.

— О господи!

Я кинулась к машине, сунула ключ в зажигание и на полной скорости выехала с парковки.

Наконец мобильный заработал. Я тут же позвонила Энди, но его телефон был занят. Он пытался дозвониться мне.

— Черт! — воскликнула я. По лицу ручьем текли слезы.

Когда я выехала на шоссе, позвонил Энди:

— Минди, Ричард попал в аварию.

— В серьезную?

— Все в порядке, руками-ногами шевелит. Его забирают в больницу.

— Нет, Энди, ничего хорошего тут нет. Он еще не оправился от травмы позвоночника.

Полтора месяца назад Ричард повредил спину — фургон, который он вел, слишком резко затормозил. Я и представить не могла, насколько нынешние увечья серьезнее. И только когда Энди сказал: «Я встречу тебя в Лидсе», я догадалась, что положение тяжелое. Он ехал туда из Лондона.

У меня голова шла кругом. Помню, я уставилась на огромный дуб посреди поля. Он выглядел таким мирным, таким полным сил. Я глядела на него, и у меня сердце кровью обливалось. Неужели моему миру, нашему миру пришел конец? Я заставила себя вернуться к реальности и позвонила матери Ричарда, Эйлин. Она целую вечность не брала трубку. Голос у нее, как всегда, был бодрый, но через несколько секунд и ее мир переменился. Первым делом она подумала о внучках.

— Мы приедем и посидим с девочками, — предложила она.

Поговорив с ней, я снова разрыдалась. А потом вытерла слезы и позвонила своей маме.

— Деточка моя, только не это!

Ее уже давно волновали «сумасбродства» Ричарда. У моей мамы в жизни было немало трагедий. Ее десятилетий сын погиб — из-за невнимательного водителя. Тим стоял с мамой на автобусной остановке около школы. И вдруг его сильным ударом отбросило на фонарный столб. Все это произошло у нее на глазах, она видела предсмертный взгляд сына. Она всегда говорит: «В жизни всякое бывает». И она права.

Она сказала все, что мне нужно было услышать. Сказала спокойно, ласково, с любовью. И у меня из глаз снова хлынули

слезы. Мне надо было взять себя в руки.

Свернув к нашему дому, я позвонила Катрине, нашей помощнице, умной и сообразительной девушке, которая помогала нам в организации поездок Ричарда. Я знала, что на нее можно положиться. Я рассказала ей, что случилось, и пообещала позвонить ей, когда поеду в Лидс. Она очень расстроилась, но понимала, что мне от нее нужна прежде всего помощь.

У дома я постаралась собраться — на это у меня было минуты три. Войдя, я позвала Элю. Она вошла ко мне в спальню, где я уже собирала чемодан.

— Я еду в Лидс, когда вернусь, не знаю. О господи! — У меня по щекам текли слезы, и я кидала в чемодан всякую ерунду.

— Минди! — Эля обняла меня, я прижалась к ней и заплакала. Но мне нужно было действовать.

Что взять с собой? Трусы и носки Ричарда, халат — в больнице всегда нужен халат. Туалетные принадлежности, смену белья для себя, запасную кофточку. Халат занял почти весь чемодан, но я не стала его вынимать — Ричард любил этот халат.

Я метнулась в кабинет, послала по электронной почте письмо агенту Ричарда. «Ричард попал в серьезную аварию. Еду к нему в больницу. Позвони мне».

Я посмотрела на часы. Половина седьмого. Пора ехать!

Иззи с Уиллоу играли в детской.

— Девочки! — позвала я.

Они вышли в прихожую, с любопытством уставились на меня. Я через силу улыбнулась:

— Папа опять разбил машину.

— Опять… — закатила глаза Иззи.

— Увы, да. Он порвал свою одежду, и мне нужно привезти ему новую, — объяснила я.

— Понятно, — сказала Уиллоу. — Какой он глупый!

— Да, дорогая, — согласилась я. Мы обнялись.

С трехлетней Уиллоу было проще. А вот Иззи смотрела на меня со слезами на глазах. Я тоже заплакала, наклонилась к ней, обняла за плечи, заглянула в глаза:

— Все будет хорошо. Обязательно! Я люблю тебя.

Она кивнула, обхватила меня за шею:

— Мамочка, я тоже тебя люблю!

Я еще крепче прижала ее к себе, и Иззи сглотнула слезы. Не знаю, о чем она тогда думала, но она поняла, что случилось что-то страшное, случилось с ее замечательным папочкой.

Мне пора было ехать. Я заметила на столе запасной мобильник Ричарда и прихватила его с собой. Свой запасной мобильный я тоже взяла. Выскочив из дома, я поняла, что

«лендровер» слишком медленный и неповоротливый. Ричард писал в разные издания про машины, и ему давали модель за моделью — чтобы он их протестировал. В тот день привезли очередную машину. По моей страховке мне разрешалось воспользоваться ею в экстренном случае, поэтому я вернулась в дом и взяла ключи.

Девочки тихонько стояли на крыльце. Я поцеловала их.

— Скоро увидимся! Я уезжаю ненадолго.

— Мам, а ты сегодня вернешься? — спросила Иззи.

— Сегодня, наверное, не получится, но я обязательно позвоню пожелать вам спокойной ночи. Договорились?

— Ну хорошо. — Губы у Иззи дрожали, но она постаралась улыбнуться. Она храбрилась ради младшей сестренки.

— До свидания, мамочка, — сказала Уиллоу, которая никак не могла сообразить, что происходит.

Я отвернулась, чтобы они не увидели моих слез. А потом побежала к машине. Эле я полностью доверяла. Я знала, что она за ними присмотрит. А мне нужно было скорее попасть в Лидс. К Ричарду.

Я выехала из ворот и снова заплакала. Но на сей раз я взяла себя в руки — мне надо было сосредоточиться. В слезах проку нет. Я помню, как сказала себе вслух:

— Все, хватит. Соберись ты, бога ради!

Я надела наушник и позвонила Катрине. Мне нужно было все организовать.

— Я взяла машину, которую прислали Ричарду из журнала. Ты можешь позвонить производителю? Объясни, что произошло. Забирать машину им придется из другого места.

Катрина рассказала, что агенту Ричарда уже звонил журналист одного из таблоидов. Уже узнал про аварию. Я попросила Катрину выяснить про другие газеты. Ричард наверняка захочет, чтобы я взяла эту ситуацию под контроль. Он писал для «Дейли миррор». Так что нужно, чтобы они были в курсе. Ричард считал, что «Миррор» как работодатель должен иметь полную информацию.

Пока я говорила с Катриной, поступил новый звонок. Это были Джереми и Фрэнси Кларксон. Мы пока что не знали, насколько серьезной была авария. Фрэнси мне очень сочувствовала, она была из тех немногих людей, которые прекрасно понимали, каково мне, она и сама через это проходила не раз.

— Это то, чего мы все боимся, — сказала она.

Кларксоны умоляли меня позвонить, если понадобится их помощь. Помню, как мы вместе ездили отдыхать на остров Мэн.

Мы тогда по-настоящему расслабились, Ричард даже стал рисовать — впервые за многие годы. Джереми тогда потрясли его акварели. А теперь я не знала даже, сможет ли он когда-нибудь снова взяться за кисть.

Я запретила себе думать об этом. Он — самый выносливый человек в мире. Я приеду в больницу, а он сидит в кровати с синяками на лице и смущенно смотрит на меня. Мы обнимемся, и все пойдет как обычно.

И тут позвонила Катрина, сказала, что за событиями следят все газеты. Авария была по-настоящему серьезная. Пока я с ней разговаривала, начались новости по Би-би-си.

«Ведущий программы „Топ Гир“ Ричард Хаммонд попал в серьезную аварию. Автомобиль с реактивным двигателем перевернулся на взлетной полосе под Йорком. Хаммонда вертолетом доставили в больницу Лидса. Он в критическом состоянии».

— В критическом? — в ужасе повторила я.

Одно это слово было невыносимым. Машина перевернулась. Я представила себе «блуберд», гоночный автомобиль шестидесятых, представила, как он переворачивается на полной скорости. Я не знала, что с Ричардом. И тут же представила себе разные варианты сценария. Мы собирались продавать дом. Наверное, придется в нем остаться. Если он будет парализован, нужны будут пандусы — для инвалидной коляски. Я куплю ему самую быструю инвалидную коляску. Все будет хорошо. Если он не сможет говорить, я куплю ему лучший компьютер. Все можно преодолеть. Главное, чтобы он выжил. Господи, молю Тебя, оставь его в живых.

Телефон звонил непрерывно. Я не отвечала на звонки. С близкими друзьями так трудно держать себя в руках. Я не могла позволить себе расслабиться. Мне нужно было быть сильной — ради Ричарда.

Я плохо помню, как доехала до Лидса. По пути я несколько раз разговаривала с родителями Ричарда. Помню, как нашла в телефоне Ричарда номер редактора из «Миррор». Катрина не получила от них никаких известий. Я позвонила им сама, и они меня поразили. Оказалось, они не звонили из уважения ко мне. Меня это тронуло до глубины души.

— Ричард — настоящий товарищ, — сказал редактор. — Если мы хоть чем-то сможем помочь, обязательно нам позвоните, хорошо?

Ночь была на удивление темная — помню, я смотрела на дорогу, и кругом была сплошная темень. Навигатор исправно сообщал, сколько осталось миль. И количество их, казалось, не

уменьшается.

По радио передавали все те же новости. Я его выключила. И орала на машину, шедшую впереди, чтобы она убралась с дороги. Движение было довольно плотное, и это меня задерживало. Энди звонил, узнавал, где я. Он должен был доехать раньше, чем я.

Я позвонила в больницу, но там отвечали уклончиво, никаких подробностей не сообщали. Я оставила им номера обоих своих мобильных. Беда в том, что оба мобильных были заняты постоянно. Я перестала отвечать на звонки — говорила только с Энди и родителями Ричарда, потому что ждала звонка из больницы. И тут вдруг поступил звонок с неизвестного номера.

— Здравствуйте, миссис Хаммонд. Это медсестра из больницы.

— Здравствуйте! — хриплым голосом ответила я. Мне не терпелось узнать, как Ричард, но я была напугана до смерти.

— Вы сейчас за рулем, дорогая?

— Да. Вы можете мне сказать, как он?

— Скажу, когда вы остановитесь.

— Я не могу остановиться, я на трассе.

— Попробуйте все-таки где-нибудь остановиться, а я перезвоню через пять минут.

Я ехала дальше. На обочине останавливаться было опасно. Ричард терпеть этого не мог.

Медсестра перезванивала три раза. Нервы у меня были на пределе. Они не хотели мне ничего рассказывать, пока я веду машину, — беспокоились, как бы со мной чего не случилось. На четвертый раз я в отчаянии закричала:

— Лучше скажите, что с ним, черт подери, иначе я сама разобьюсь!

— Хорошо, дорогая. Ваш муж сильно ударился головой, и у него серьезная мозговая травма.

«Серьезная мозговая травма» — как страшно услышать эти три слова про человека, которого любишь! Эти слова рвут сердце на части. Мозговая травма… Не травма головы, а именно мозговая травма. Причем серьезная. У меня в голове проносилось: «Перевернулся… Разбился… Критическое… Мозговая травма».

Неужели разбился мой муж, мой Ричард? Этого просто не может быть!

— Дорогая, вы сейчас где? — ласково спросила медсестра из Лидса.

Я и понятия не имела, где я. Просто ехала вперед. Дорога никак не кончалась. Это была самая длинная поездка в моей жизни. Тут я вспомнила, что видела указатель.

— Кажется, где-то в районе Манчестера.

— Ну, значит, скоро приедете. Вы в порядке?

— В полном.

Меня трясло, я плакала. У меня перед глазами стоял мой забавный, отважный, красивый, любимый муж. А может, он уже никогда не станет прежним? Нет, мы справимся! Что бы ни случилось, мы все выдержим.

— Все, хватит, — сказала я вслух. Продолжая всхлипывать, я вытерла слезы, сделала несколько глубоких вдохов. Я уже подъезжала к Лидсу.

Позвонил Энди.

— Слушай, — сказал он, — здесь телевидение, полно журналистов, так что мы тебя проведем с заднего входа, ладно?

— Ладно.

— Позвони, когда будешь у больницы, я тебе подскажу, как проехать.

Я пыталась сосредоточиться. Высморкалась, вытерла мокрые щеки, оправила доспехи, приготовилась к битве. Доспехи должны были быть крепкими. Тогда я еще не знала, что все затянется на долгие месяцы.

Я припарковалась у больницы и, помню, подумала, как уныло она выглядит. Мне навстречу быстро шагал Энди. Он был, как всегда, в мешковатых штанах и серой футболке. Волосы всклокочены, на лице двухдневная щетина. Я попыталась улыбнуться ему. Он обнял меня.

— Ну и денек! — сказала я.

Он даже обрадовался. Видно, ожидал, что я повисну у него на шее мертвым грузом. Но меня волновало только одно: как бы поскорее попасть к Ричарду.

Вместе с Энди подошла женщина-охранница. Они оба были на взводе: журналисты заблокировали все подходы к больнице. Энди хотел провести меня внутрь незаметно. Меня ввели в огромное темное здание. Но чем дальше мы шли, тем светлее становилось. Цементные полы сменились линолеумом и плиткой. Становилось все больше похоже на больницу.

Мы почти не разговаривали. Шли быстро. Завернули за угол и оказались перед двумя рядами лифтов. Я практически ничего не слышала — словно находилась под водой. Я не знала, как попасть к Ричарду, не знала, где он, но понимала, что где-то близко. И с каждым шагом становился все ближе.

Лифт остановился. Мы прошли по коридору. С потолка свисали таблички с названиями палат. Мы остановились перед двойными дверями с интеркомом.

В ушах у меня стучало. Впереди была новая пара дверей. Внутри горел тусклый свет. Мне улыбалась медсестра. Энди

бесшумно испарился.

Медсестра что-то сказала. Я увидела справа кровать за ширмой. Это он? Нет. Мы прошли дальше. Пищали какие-то приборы. На следующей кровати лежал он. Множество аппаратуры. Аппарат искусственного дыхания, снабжавший воздухом его легкие. К обеим рукам подведены какие-то трубки. Мониторы подсоединены к груди и руке. Лицо у него было желтоватым от синяков, на лбу шишка с кулак, левый глаз — багровый, распухший.

Он лежал неподвижно. Без признаков жизни. Двигался только поршень в аппарате искусственного дыхания. Я поцеловала его в щеку.

— Здравствуй, любимый!

Из глаз катились слезы, но я улыбалась. Это была ужасная картина, но он был здесь, рядом. Дух этого человека, настоящего воина из детских книжек, спал… но был жив. Мне нужно было только ждать.

Медсестра села за стол, стоявший в ногах кровати Ричарда. Она записывала все: количество кислорода в крови, давление, пульс и наблюдения. Но в основном она просто сидела как ангел-хранитель — милая женщина с короткими светлыми волосами и добрым лицом. Меня ее присутствие тут же успокоило.

Я внимательно осмотрела Ричарда. Лицо у него было желто-зеленого оттенка, какой бывает по краям синяка. Я видела, как оно отекло, но ожидала худшего. Левый глаз выглядел ужасно, в ноздрях запеклась кровь, и все же он выглядел самим собой. Только я знала, что настоящий Ричард сейчас далеко. Это была лишь оболочка.

Я сидела и держала его бесчувственную руку. Эту руку можно было сжать, погладить, но отклика не было никакого. Он был там — и не там. Все это казалось так странно, так ужасно…

Аппараты напомнили мне о последних днях жизни моего отца. Раком он болел несколько лет. Последние три ночи и два дня мы с мамой по очереди дежурили у его постели. С нами была мамина сестра, тетя Бетти. Мы втроем сидели и смотрели, как он умирает. Моя сестра Бетти не могла этого вынести и в больницу не ходила. Они с отцом были очень близки, а у меня с ним до последнего времени были непростые отношения. Отцу становилось все труднее дышать. Мама с тетей Бетти переглянулись. Было одиннадцать вечера.

— Нет, Берт, только не сегодня! — всхлипнула мама. Это был день смерти моего брата Тима.

И он откликнулся. Сделал глубокий вдох и протянул до следующего вечера, когда наконец приехала моя сестра.

Услышав ее голос, отец, который уже несколько дней лежал без движения, приподнял голову, открыл глаза и улыбнулся всем нам по очереди. А потом уронил голову на подушку и умер. Обычно уголки рта у него были опущены вниз, но, когда он умер, на его лице застыло выражение, которого я никогда прежде не видела. Лицо его было радостным.

А Ричард лежал и слышал все, что происходило вокруг. Врачи правду говорят. Слух не отключается. И я все время об этом помнила.

Раз в полчаса медсестра обращалась к Ричарду, просила его что-нибудь сделать. Сначала — открыть глаза. Потом — назвать свое имя. Она клала ему на ладони пальцы и просила их сжать. Или пошевелить пальцами ног. Он ничего не делал. Она говорила с ним строго и громко. Никакой реакции. Но вдруг…

— Ричард, я сейчас сделаю вам больно.

Она объяснила мне, что ей нужно добиться от него ответа. Она нажала ручкой-фонариком ему над переносицей. Он моргнул… Она открыла ему веки и посветила в глаза. Он даже не вздрогнул. Он не произнес ни слова. Это были печальные симптомы. Перспектива жить с человеком в таком состоянии пугает. Как можно такое вынести? Я не позволяла себе думать об этом. Все только начиналось. И если кто и мог что-то сделать, то только сам Ричард. Я должна была быть рядом, когда он вернется.

На месте аварии санитары, подбежав к Ричарду, с удивлением обнаружили, что он дышит. Забрало его шлема было открыто, в рот и ноздри забилась земля. Они выгребли из него здоровенную кучу всякой гадости, прежде чем определить его состояние по шкале комы. Это шкала от трех до пятнадцати пунктов. Три — показатель самого худшего состояния. У Ричарда по этой шкале была тройка.

Когда я разговаривала с экипажем вертолета, доставившего его в Лидс, один из ребят мне сказал:

— Когда попадаешь на места таких происшествий, обычно сразу понимаешь, кто выкарабкается, а кто нет.

Я ждала, что он добавит: «Мы с самого начала знали, что с ним все будет в полном порядке».

А он сказал:

— Я думал, он не выкарабкается.

Когда Ричард пришел в сознание, команда спасателей говорила ему, что делать, чтобы помочь им его вытащить. Говорят, на слова медиков он не обращал никакого внимания, а когда услышал кого-то из съемочной группы, тут же сделал как велели.

Травма головы — странная штука. Последствия проявляются

не сразу, поэтому, когда Ричарда достали из машины, он заявил, что ему нужно кое-что сказать в камеру, и по пути в больницу становился все более агрессивным. Ему сделали полную анестезию, чтобы избежать дальнейшего повреждения мозга. Когда седативный эффект перестал действовать, стали сказываться последствия травмы.

Шишка у него на лбу появилась из-за жидкости, скопившейся в мозгу после травмы. Больше всего пострадала правая фронтальная доля, участок мозга, который отвечает за узнавание, способность определять расстояние, принятие решений, решение задач. Нервные клетки мозга были повреждены. Некоторые травмы не определить на томографе. Травма может вызвать паралич, слепоту, глухоту или же депрессию, агрессивность, припадки. Нам оставалось только ждать.

Нас предупредили, что, возможно, он уже никогда не станет прежним. Некоторые люди не узнают своих близких или же решают переменить жизнь, уходят из семьи. Так что даже при наилучшем исходе наше будущее весьма туманно.

Я плохо помню ту ночь и следующие пару дней. Я вскоре поняла, что звонок звенит, когда у Ричарда с руки спадает датчик монитора. Я привыкла к распорядку. Рядом со мной лежал мой муж, подключенный к аппаратам, обеспечивающим жизнедеятельность организма, и это было для меня единственное обозримое будущее. Я приняла это, потому что не принять было бы безумием. А паниковать вообще нет смысла.

Младший брат Ричарда Ник появился в половине второго ночи — приехал из Танбридж-Уэллса. Много лет назад, когда мы с Ричардом только начали встречаться, он был первым из родственников Ричарда, с которым я познакомилась. Меня тогда еще удивило, что они совсем не похожи. Ник был высокий и худой, светловолосый, прилично одетый. Я боялась, что он окажется занудой, но в конце вечера мы сидели на полу, пили вино, Ник обнимался с моей колли и рассказывал до коликов смешные истории. И я поняла, почему Ричард так любит брата.

Теперь Ник работал в Сити, и свободного времени у него, как и у Ричарда, почти не было. Мы довольно давно не виделись. Он обнял меня, я рассказала, что случилось. Не представляю, как Ник все это выдержал. Они росли сорванцами и озорниками. И вдруг стало не до смеха. Остался только страх.

Мы немного посидели с Ричардом, а потом Ник увел меня. Мы узнали у медсестры, когда она будет проводить следующие процедуры, и спустились вниз. Мне трудно было оставить Ричарда. Мне не хотелось пропустить момент, когда он сделает первое движение. Но нужно было сменить обстановку. Ник был

расстроен, но тут же нашел себе занятие. Он звонил по телефону, общался со всеми — стал ниточкой, связывавшей нас с внешним миром.

Внизу он купил пачку сигарет. Мы стояли во дворе и курили. Не помню, о чем мы говорили. Помню только, что у сигареты был мерзкий вкус, но я все равно курила. Это меня как-то поддерживало.

В половине пятого утра приехал средний брат Ричарда Энди со своей женой Андреа. Они прибыли из Девона, абсолютно вымотанные. Помню, как, увидев Ричарда, они удивились тому, что внешних повреждений почти нет. Они ожидали, что он переломал себе все, что можно.

Той же ночью из Лондона приехали Джеймс Мэй и Джереми Кларксон. Джереми позвонили во время ужина и сказали, что Ричард в критическом состоянии. Он встал из-за стола и объявил, что едет в Лидс. Фрэнси беспокоилась, что он будет мешать, но он сказал:

— Я хочу быть рядом с Минди.

И он был рядом. Джеймс услышал об аварии по радио и тут же сел за руль. Когда я вошла в холл гостиницы, я увидела в углу всю шайку-лейку. Они читали утренние газеты. Сообщения об аварии были на первых полосах, по телевидению всю ночь передавали последние новости о состоянии Ричарда. А в Глостершире вокруг нашего дома стали собираться журналисты.

Отчетливо помню, как Ричард впервые среагировал на боль, которую причинила ему медсестра. Это было ужасно. Он замахал руками, мониторы попадали, он сорвал трубки капельниц. При этом он не мог оторвать голову от подушки. Эпизод был коротким, но бурным. Когда он успокоился, медсестра все подробно записала в журнал наблюдений. Он пытался реагировать на команды, но не мог открыть глаза, не мог говорить. Медсестра заметила, что он слегка может двигать правой рукой. Ноги у него не двигались. Я сидела и молча молилась. На меня накатило отчаяние.

Медсестра повторила процедуры, но он опять не реагировал, поэтому она сделала еще больнее. На этот раз он сорвал трубку капельницы и едва не ударил медсестру по лицу. Координировать движения он был не в состоянии. Его мозг не мог правильно реагировать на команды. Когда медсестра светила ему фонариком в глаза, я впервые разглядела, во что превратился его левый глаз. Белка видно не было — глаз был красным весь. Зрачок расплылся. Ричард не произносил ни слова. Только стонал. Больше всего беспокоило то, что левая сторона его тела вообще ни на что не реагировала — она была парализована.

Подошла другая медсестра и сказала, что человек на соседней койке умирает. Вызвали родственников.

— Господи, какой ужас!

Я взяла Ричарда за левую руку и следующие несколько часов слушала, как рядом умирает человек. Я только молилась о том, чтобы мой муж остался жив.

Я сразу поняла, когда наступил страшный момент, но это случилось, и — странная вещь — на меня повеял ветерок, словно душа соседа заглянула взглянуть на Ричарда. Это продолжалось пару секунд. Мне хотелось верить, что душа сказала Ричарду, что его время еще не пришло.

Медсестры попросили всех посетителей уйти и сделали то, что положено. Когда я вернулась, кровать была перестелена и персонал вернулся к исполнению обычных обязанностей. Меня поразило то, насколько все невозмутимы — ведь только что умер человек. Но, наверное, так и должно быть, иначе бы они не смогли выполнять свою работу. Медики — удивительные люди.

Я снова заступила на свой пост рядом с Ричардом. Первые сорок восемь часов были решающими. После этого уже можно было сказать, насколько поврежден мозг. Состояние Ричарда немного улучшилось. Он даже мог пошевелить пальцем правой руки. Это было настоящим прорывом! Я была на седьмом небе от счастья. А около четырех часов дня он сник. Ему было просто неинтересно. Я взглянула на медсестру:

— Это плохой признак?

— Не очень хороший, — призналась она. Она пыталась вызвать у него реакцию на боль, но безрезультатно. И я впервые всерьез испугалась, что потеряю его.

— Можно я на него покричу? Как кричу, когда он напивается?

— Делайте что хотите, дорогая.

Я оглянулась на трех других пациентов:

— А если я их разбужу?

— Ничего страшного. Действуйте!

По ее тону я поняла, что она обеспокоена не меньше моего.

Она вложила указательные пальцы ему в ладони, но реакции не последовало.

Я набрала полные легкие воздуха, наклонилась к Ричарду и завопила:

— Ричард, а ну сожми пальцы! Сожми, кому говорю!

У меня по щекам струились слезы. Мы с медсестрой склонились над ним, смотрели на его руки, и, когда я перестала орать, он слегка пошевелил средними пальцами. Какая это была радость! Я редко на него кричала — только когда он напивался и укладывался спать на диване. Иначе его было в спальню не

загнать. Он потом признавался, что чувствовал ужасную усталость, что был такой простой и легкий путь — уплыть далеко-далеко… И потом его словно впихнули обратно. Его разум вдруг осознал, что он в беде.

Я уверена, мы не случайно говорим про больного «выкарабкался». Ричард именно это и сделал. Он говорил о невероятных усилиях, которые потребовались, чтобы «выкарабкаться». Если бы он оставался без движения, он бы умер или навсегда остался калекой. Я так благодарна ему за то, что он сделал над собой усилие.

После нескольких сеансов он утомился. Мне нужно было сделать несколько звонков.

Я вышла из палаты, вызвала лифт. Двери лифта открылись, и навстречу мне вышел Энди Уилман с серым лицом.

Я улыбнулась ему и сказала:

— Он пошевелил обеими руками.

— Боже мой! — Энди обнял меня и расплакался.

Он спустился со мной вниз. Для Энди дело было не только в ответственности — он любил Ричарда.

— Что я делаю! — воскликнул он. — Это же я тебя должен поддерживать, а получается наоборот.

— Да какая разница? Главное — произошло чудо.

Я позвонила домой. Трубку сняла мать Ричарда. Я сообщила ей радостную новость. Мы поговорили о девочках и решили, что при них не надо включать ни радио, ни телевизор. Неизвестно еще, что сообщат там о состоянии Ричарда. В школу и детский сад мы тоже решили их не водить. Мало ли кто начнет расспрашивать их о папином здоровье.

Я поговорила и с Иззи, и с Уиллоу. Бодрым голосом сказала, что папе еще нужна моя помощь, но скоро я вернусь домой. Иззи понимала, что я что-то от нее скрываю, но решила меня не расстраивать. Мама Ричарда рассказала, что дом осадили журналисты. Мы впервые привлекли столь пристальное внимание прессы. Увы, разбираться со всем этим пришлось родителям Ричарда. Журналисты просто делали свою работу. Но для родителей, чей сын лежит в больнице, это было только лишней проблемой.

Я позвонила и своей маме, сказала, что Ричарду стало получше. Она настаивала, чтобы я как следует выспалась. Умоляла меня найти какое-нибудь кресло и поставить его рядом с кроватью Ричарда. Мама понимала, что должна поддерживать меня. Мне мама была нужна так же, как я моим дочкам.

Когда я вернулась в палату, меня ждала женщина из администрации больницы. Она понимала, что сотрудникам «Топ

Гир» трудно будет укрыться от любопытных глаз, и предложила нам расположиться в зале заседаний в старом здании. Ей не терпелось его показать, поэтому мне пришлось отправиться туда с ней.

Всю дорогу она болтала без умолку, а я тщетно пыталась запомнить маршрут. Мы так долго шли по разным коридорам, что я запуталась окончательно. До Ричарда было нестерпимо далеко, и меня это бесило.

Наконец мы пришли. В комнате было необычно тихо, люди сидели вокруг журнального столика, заставленного бумажными стаканчиками из-под кофе. Там были Энди, Джереми, Джеймс и еще несколько человек из команды «Топ Гир». Я села и как могла оптимистично рассказала о состоянии Ричарда. Все мечтали его увидеть, особенно Джеймс и Джереми. Они не просто коллеги, они настоящие друзья. Повсюду валялись газеты с сообщениями об аварии Ричарда на первых полосах. Мне не хотелось смотреть на машину, но пришлось.

Долго я сидеть не стала — душа была не на месте. Я взяла себя в руки и ответила на все вопросы. И тут же отправилась назад. Я шла следом за толпой каких-то людей и скоро оказалась в знакомом переходе.

Когда я вернулась в палату, меня вдруг затрясло. У меня закружилась голова, и я чуть не упала. Медсестры предупреждали, что будет момент сбоя. Он и случился. Я села, рядом со мной возникла кружка с горячим сладким чаем. Мне было безумно стыдно. Я сидела в палате интенсивной терапии, среди людей в критическом состоянии, а сестры ухаживали за идиоткой, забывшей вовремя поесть. Наверное, это и есть инстинкт медика.

В восемь утра дежурство ночной медсестры закончилось. Ее сменил Джим. Поначалу у нас с ним отношения не заладились — он отругал меня за то, что я поставила на место датчик, упавший с пальца Ричарда. Джим был довольно пожилым мужчиной в очках, строгий и прямой, и я поняла, что глупостей он не потерпит. И когда он стал тестировать Ричарда, мне это показалось кошмаром.

Прошло всего несколько секунд, и Ричард заметался по кровати. Прибежали еще два медбрата. Ричард схватил трубку аппарата искусственного дыхания и попытался выдернуть ее. Его инстинкты проснулись. Из него торчала трубка, которая ему мешала. Удержать его не было никакой возможности.

— Оставьте его в покое! — крикнул Джим коллегам. — Если вы будете ему мешать, он только больше себе навредит.

Они отпустили Ричарда, и тот закашлялся — словно хотел

отрыгнуть. И так, отрыгивая, он понемногу вытягивал трубку изо рта. Я словно смотрела, как мой муж совершает самоубийство. Благодаря этой трубке его легкие функционировали, а он пытался от нее избавиться. Наконец трубка вышла — она была длиной с фут. Ричард закашлялся, застонал и потерял сознание.

Я спросила Джима, что будет без аппарата искусственного дыхания.

— Посмотрим, может, он и без него справится.

Я сидела не помню сколько времени, уставившись на мониторы. Дыхание у Ричарда было слабое, грудь вздымалась едва заметно. И тут вдруг он стал правой рукой шарить под одеялом — пока не нашел то, что искал.

Джим просиял:

— Такое часто бывает с мужчинами, перенесшими подобные травмы. У них наступает регресс. Он вернулся к истокам и проверяет, на месте ли его самый важный орган. Это хороший знак.

Пришли консультант и нейрохирург. У Ричарда немного поднялась температура, и они хотели сделать еще одно магнитно-резонансное исследование. Появились санитары, мне сказали, что процедура займет минут сорок, и его увезли. А что, если за эти сорок минут у него начнется ухудшение, а меня рядом не будет?

Это было ужасно. Но мне пришлось смириться. Я спустилась вниз, курила одну сигарету за другой, пила крепкий кофе.

Пока что тесты не показали значительного улучшения, но Ричард пытался открыть глаза, пошевелить пальцами ног. Кто-то из врачей предложил убрать одну капельницу, и Джим согласился. Когда врачи ушли, он сказал:

— Не буду я этого делать! Вот дурак. А завтра что, заново ставить?

Оказалось, что он прав. Про Ричарда никогда нельзя было сказать, сколько что у него продержится. Ближе к полудню он решил снять катетер. Его раздражали все трубки, торчащие из его тела.

— Ричард, не делай этого!

Я пыталась схватить его за руку, но он не обращал на меня внимания. Это было душераздирающее зрелище. Из трубки, которую он выдернул, полилась жидкость. Джим отправил меня попить кофе, а сам стал перестилать ему постель.

Я пошла в туалет, села на унитаз и разрыдалась.

— Где ты? — шептала я. — Умоляю тебя, вернись!

Снаружи послышались голоса. Мне надо было взять себя в руки, спуститься вниз, выпить кофе, покурить. Я сделала глубокий вдох, вытерла слезы и вышла.

Первым делом слетал датчик, прикрепленный к пальцу Ричарда. Я отлично научилась ставить его на место. А вот капельниц я побаивалась. Опасалась, что игла повредит вену. Но он вытаскивал и их, сколько бы их ни заклеивали пластырем.

Еще была кислородная маска — она появилась, когда он отказался от аппарата искусственного дыхания. Мы с Джимом долго возились с этой маской. В конце концов Джим решил, что лучше вставить маленькие трубочки в ноздри. Он оказался прав, но и их нам постоянно приходилось поправлять.

Ричард прогрессировал. Сам стал двигать конечностями. В основном либо чтобы схватиться за определенный орган, либо чтобы поковырять в носу. Но это был огромный шаг вперед. В оправдание Ричарда могу сказать, что во время аварии нос у него был забит грязью, и теперь он инстинктивно старался его прочистить.

Я нежно гладила его по лбу, и вдруг он что-то забормотал. Я так удивилась, что чуть не расплакалась. Он повторил, и я разобрала слова «коробка передач». И тут же поняла, о чем он думает. За несколько дней до этого что-то случилось с моим «лендровером». Я думала, дело в сцеплении, а Ричард был уверен, что в коробке передач. Машину забрали в мастерскую, и ее хозяин все объяснил мне по телефону.

— Нет, дело было в главном цилиндре, — сказала я Ричарду.

— Понятно, — буркнул он и тут же заснул.

Я улыбалась, как Чеширский кот. Из глаз у меня катились слезы. Он заговорил, он вспомнил что-то из прошлой жизни.

Через час он заговорил снова.

— Где машина? — спросил он.

— Какая машина?

— «Морган».

— В гараже.

— Где?

— Дома.

Он слегка улыбнулся, кивнул и опять отключился. Потрясающе — мы с ним побеседовали! Но, увы, следующие тесты показали, что этот разговор очень его утомил. Он вообще ни на что не реагировал.

Глава 4

Не помню, как прошел день, помню только, что вечером пришли повидать Ричарда Джеймс и Джереми. Они терпеливо ждали внизу, пока сестры не сказали, что знакомые голоса могут повлиять на Ричарда положительно. Энди тоже пришел. Мы все старались быть веселыми. Джереми сел рядом и сказал Ричарду, что водитель он фиговый. Он вел себя как обычно, и Ричард слабо улыбнулся уголком рта. Джереми воодушевился.

Впрочем, все мы смертельно устали. Энди Уилман и Джереми собирались в Лидс, в гостиницу, которую им сняли от Би-би-си. Мы с Энди и Андреа ждали в коридоре. Вдруг дверь распахнулась, и в коридор выскочил Джереми:

— Минди, скорее! Он проснулся. Он сел! Идем!

Мы кинулись в палату, где действительно сидел мой замечательный, удивительный муж. Он посмотрел на меня, ухмыльнулся:

— Привет, детка!

Он узнал меня! Слава богу! Как же я соскучилась по его ехидному взгляду.

— Здравствуй, дорогой!

Он захотел помочиться. Ему предложили судно, но он хотел сделать все как положено. Мы с медсестрой взяли его под руки и повели в туалет. За нами шла вторая медсестра, катившая капельницу. Ричард удивился полному отсутствию координации в своем теле, но продолжал мне улыбаться.

Я еле сдерживалась, но старалась улыбаться в ответ.

Он был все равно что пьяный. Нам пришлось стоять с ним в кабинке, иначе бы он упал, но он очень злился из-за медсестры, и она пообещала, что не будет смотреть.

— Будет больно, — предупредила я его, вспомнив, как он вырвал катетор.

— Х-черт! — воскликнул он, и лицо его исказила боль.

Наконец мы добрались до кровати. Он сказал пару слов Джереми, крикнул Джеймсу: «Привет, дубина!» — после чего улыбнулся и немедленно заснул.

Все ушли, я уговорила Джереми ехать домой. Фрэнси должна была на следующий день уезжать, и ему надо было вернуться в Оксфордшир — сидеть с детьми. Но он отказывался уходить.

— Я никуда не поеду, пока ты не согласишься поспать.

— Со мной все будет в порядке.

— И со мной тоже. — Он закинул ногу на ногу.

Я согласилась поспать на диване в одной из приемных,

поблагодарила Джереми за его поддержку, и он наконец уехал.

Диван занимал почти всю комнату. Мне было ужасно одиноко. Я привыкла быть сама по себе, но я всегда знала, что Ричарду можно позвонить. Он был частью моей жизни, даже когда его не оказывалось рядом. На этот раз все было наоборот. Он был в пятидесяти футах от меня, но все равно что на Марсе. Я физически ощущала пустоту. Подремав пару часов, я вернулась в палату. Все были рады, что я хоть немного отдохнула, и перестали на меня ворчать.

В восемь утра Джим сдал дежурство новой медсестре. Она решила почистить Ричарду зубы губкой, которую нацепила на пластмассовую палочку. Она попробовала открыть ему рот, но он стиснул зубы.

— Может, я попробую? — предложила я.

Она вручила мне губку.

— Отстань, — буркнул Ричард.

— Я просто хочу почистить тебе зубы, — ласково сказала я.

Он открыл глаза и злобно на меня зыркнул:

— Проваливай!

Я улыбнулась медсестре, но на самом деле ужасно расстроилась. Он не узнал меня. Он смотрел сквозь меня. Он снова все забыл.

Консультанты посмотрели его снимки. Они опасались, что есть еще какие-то травмы, но рентген их не показал. Состояние его явно улучшилось, и в конце дня его перевели из интенсивной терапии в палату для больных, нуждающихся в особом уходе. Это было замечательное известие.

После путешествия в туалет Ричард притих. Он лежал в забытьи, и медсестра решила, что сейчас самое время убрать одну из трубок капельницы на левой руке. Игла была приклеена пластырем, и медсестра попробовала осторожно его снять.

И вдруг он сказал с закрытыми глазами:

— Отвали!

— Ричард, мне надо снять пластырь, — ласково сказала медсестра.

— Пошла к черту! — Он отдернул руку, открыл один глаз и злобно посмотрел на нас.

— Похоже, ему лучше, — усмехнулась я.

Когда пришло время очередных тестов, Ричард все еще злился. Медсестра уговаривала Ричарда сжать ее палец.

— Ну же, Ричард!

— Не буду! — упрямо отвечал он.

— Ну давайте… — умоляла она.

— Да пропади ты пропадом! — завопил он и отдернул руку.

— Наверное, рука болит, — сказала я.

Медсестра со мной согласилась.

— Извините, Ричард. Я больше не буду трогать эту руку.

Он с надутым видом повернулся к нам спиной.

Когда сестры готовили Ричарда к переводу в другую палату, я ненадолго вышла. Как же было приятно увидеть его умытым и причесанным. Постелили свежее крахмальное белье, капельницу оставили только на одной руке. И катетер в другой. Он был готов к переезду.

Наверное, он проснулся на пару минут — когда я отошла налить себе кофе. Чистые простыни были забрызганы кровью, его грудь, халат медсестры и стена тоже. Он решил проверить, что будет, если он повернет зеленый винтик от штуковины, вставленной в тыльную сторону его ладони (этот винтик блокировал трубку, идущую в вену). Что эта штука делает, выяснили мы все. В новую палату я явилась с видом зомби, а он был похож на мою свежую жертву. Медсестра извинялась за то, в каком кошмарном виде прибыл ее пациент.

Я никогда раньше не бывала в палатах для больных, нуждающихся в уходе. Это было настоящим потрясением. Сюда кладут тех, кто может обойтись без персональной медсестры, которая положена в интенсивной терапии. Два соседа Ричарда дышали через трубки, вставленные в горло, а один бедняга вообще лежал здесь уже восемнадцать месяцев.

Сестры здесь были шумные и разговорчивые. Сразу было понятно, что ты среди людей, которые любят свою работу.

Ричарда это путешествие озадачило.

— Извините, я тут напачкал, — сказал он.

Он всегда смотрел на меня, когда искал поддержку. Хотя я не уверена, что он понимал, кто я такая.

На Би-би-си дали машину — забрать родителей Ричарда из нашего дома и привезти в Лидс. Энди с Андреа поехали забрать своих детей, но собирались вернуться как можно скорее. Ник планировал вечером поехать за своей женой Амандой и дочками.

Ричарду слали море цветов, открытки. Это было просто удивительно.

— Знаете, мы эту дверь заперли, — сказала мне медсестра, показав на дверь в отсек Ричарда. — Боимся, как бы журналисты сюда не полезли.

Ричард стал горячей новостью, и никто толком не знал, как он себя чувствует. К счастью, под вечер приехал помощник Ричарда Стюарт Росс и предложил сделать заявление для прессы — рассказать о состоянии Ричарда. Мне было очень приятно рассказать ему, как Ричард прогрессирует.

Всякий раз, когда Ричард бодрствовал, мы спрашивали его, помнит ли он, что произошло. Он знал, что находится в больнице, но не понимал почему.

— Дорогой, ты попал в аварию, — объяснила я.

— Правда? — вяло спросил он. — И здорово было?

— Впечатляюще.

— Да? — Его внимание переключилось на медсестру, которая несла чашку чая. — Мы можем попить чаю?

— Сейчас принесу, — сказала я.

— Спасибо, — улыбнулся он мне. Он был чересчур вежлив. Разговаривал со мной как с посторонним человеком. Переезд его утомил. Взгляд его стал стеклянным.

С минуты на минуту должны были появиться родители Ричарда, и я очень надеялась, что Ричард до их приезда не заснет. Зашел Энди, предупредил, что сам их встретит. Он боялся, что они начнут кого-то винить в том, что случилось с Ричардом. Мы обсудили эту проблему с Ником и решили, что такого быть не может. Энди вместе с нами прошел все круги этого ада, и он никоим образом не был виноват в аварии, хотя и считал, что должен за это отвечать.

Приехали родители. Ричард сидел в кровати, улыбался, шутил. Отец с матерью нарадоваться не могли. Только через три минуты стало ясно, что он не помнит того, что было только что. Он спрашивал родителей:

— Вы приехали на машине?

Они объясняли, что их привез водитель, а Ричард, хлебнув чаю, снова спрашивал:

— Так как вы сюда добрались?

Мы ходили по кругу. Я предупреждала всех, кто его навещал, что такое бывает. Если разговор касался прошлого или планов на будущее, Ричард мог сосредоточиться, и казалось, что он уже пришел в себя. Так было, когда к нему заехал директор Би-би-си Марк Томпсон.

Ричард об этом визите забыл начисто, но я его не забуду никогда. Марк приехал в Лидс на какую-то конференцию и не мог не навестить Ричарда. Энди метался по больнице, хотел, чтобы все было в лучшем виде, и директора мы встретили подготовленными. Ричард сидел, улыбаясь, в кровати, живо обсуждал с Марком будущее программы. Мне очень хотелось вмешаться и сказать: «Может, по его виду это и не заметно, но у него мозговая травма. Так что все это — просто спектакль, честное слово!»

Ричард был великолепен, и Марк в коридоре сказал, что просто потрясен. Я вежливо кивнула, хотя на душе у меня было

неспокойно.

Когда я вернулась, Ричард оживленно болтал с родителями. И вдруг сник. Они сразу все поняли. Едва за ними закрылась дверь, Ричард заснул. Я спустилась вниз позвонить.

Я попросила Элю привезти в воскресенье Иззи и Уиллоу в Лидс. У Иззи только что был день рождения. Дома собрать гостей не удалось, и мы решили, что устроим Иззи праздник в гостинице, после того как она навестит папу. Не этого она ждала на свое шестилетие.

Медсестры решили перевести Ричарда в соседнюю комнату. И тут в палату заглянул Джеймс Мэй.

— Извините за вторжение… На Би-би-си позвонили из одной газеты и сказали, что в начале года Ричарда на три месяца лишали прав. Это ведь неправда? — спросил он.

— Разумеется, неправда! Откуда они взяли эту чушь?

— Я так и думал, — улыбнулся Джеймс.

Часа в четыре дня, уже в новой палате, я сидела рядом с Ричардом, и вдруг он сказал:

— Спасибо тебе. Ты — просто чудо.

— Спасибо, — ответила я.

— Но мне пора, — смущенно продолжил он. — Мне надо домой, к жене.

Это было ударом ниже пояса.

— Дорогой, я твоя жена!

— Нет, у меня жена француженка.

У меня голова пошла кругом. Я даже подумала, может, у него был роман с какой-нибудь француженкой?

— Я правда твоя жена.

— Этого просто быть не может. Мне с тобой так здорово! Ты слишком милая, жены такими не бывают.

— Значит, дорогой, тебе повезло!

Алекс, один из редакторов «Топ Гир», поднялся наверх вместе с Энди.

— Алекс будет твоим рабом, — сказал Энди, ухмыляясь. — Что тебе ни понадобится, он все достанет. Это его работа.

— Все, что пожелаешь, — кивнул Алекс.

— Отлично, — усмехнулась я. — Мне нужны трусы.

Оба вскинули брови и расхохотались. А я вовсе не шутила. Мне действительно срочно нужны были новые трусы. Беднягу Алекса послали в магазин с длиннющим списком: трусы, лифчики, футболки, пара джинсов и шампунь. Еще он должен был купить одежду для Ричарда — та, в которой он был на летном поле, пропала. Несчастный Алекс пришел в «Топ Гир»

работать над увлекательной программой, а должен был покупать белье для жены ведущего. Алекс — отличный парень. Я много раз обсуждала с ним по телефону съемки и сюжеты программ, а вот встретились мы впервые.

Мы нашли укромный уголок в коридоре, чтобы нам никто не помешал. И тут я увидела милейшую пожилую женщину с глубокой раной на голове, на которую были наложены швы. Грустно было смотреть, как она шаркает по коридору, опираясь на медсестру, и все время повторяет: «Кис-кис-кис». Я предположила, что травму она получила, когда искала свою кошку. У нее было такое тонкое, интеллигентное лицо. Мне очень захотелось отвезти ее домой и ухаживать за ней. Я смотрела на нее и испытывала и жалость, и сострадание. И тут вдруг подумала: она так ведет себя из-за травмы головы или у нее какое-то другое заболевание?

Справлюсь ли я с Ричардом, если он так и не совладает с реальностью? Улучшится ли его состояние?

Следующий день выдался хлопотным. Все хотели видеть Ричарда. Приехали его братья с семьями, здесь же были его родители. Но было одно «но». Ричард вел себя как радушный хозяин — расспрашивал всех о жизни, о здоровье. А потом вдруг начинал повторяться, и разговор шел по кругу. Он путался все больше и больше и очень устал.

Я ненадолго вышла, а когда вернулась, обнаружила, что он стоит на коленях, обхватив голову руками, и раскачивается взад-вперед.

— Что такое? Голова болит?

— Да! Господи, да помоги же мне!

Я кинулась к сестрам на пост.

— Ему больно! Очень больно!

Две сестры побежали со мной в палату. Лицо его исказилось от боли. Ему дали морфий, я тяжело опустилась на стул и наблюдала, как выражение его лица постепенно меняется. Боль ушла, и он заснул.

До чего же невыносимо смотреть, как страдает человек, которого любишь! Словно это тебе больно. Когда он наконец заснул, я думала, меня стошнит. Меня трясло, не хватало воздуха. Медсестры долго уговаривали меня прилечь, оставить Ричарда хоть ненадолго. Но мне не хотелось упускать ни минуты, когда он бодрствует.

Он проснулся, и пришел врач. Он задал Ричарду несколько вопросов, посмотрел карту. Мы с ним вышли в коридор. Он подтвердил, что состояние Ричарда ухудшилось, и сказал, что в

ближайшее время ему нужен покой. Слишком много внешних раздражителей его утомили. Он посоветовал, чтобы с Ричардом была только я, а родственники заходили бы минут на пятнадцать. Ричард хотел развлекать всех, кто его навещал, и это его подорвало. Он отлично умел показать, будто с ним все в порядке. Мог обдурить кого угодно, даже медсестер.

Еще меня беспокоил один и тот же разговор, который мы с ним вели постоянно.

— Знаешь, чего бы мне хотелось? — говорил Ричард. — Чтобы мы с тобой пошли туда, — показывал он, — выпили бы пивка, покурили.

— Мы не можем, Ричард, — отвечала я. — Это больница, ты — пациент. Курить здесь запрещено, пить пиво — тем более.

— Да ладно тебе! — отвечал Ричард. — Я знаю, пива ты раздобудешь. А у меня есть «Мальборо». — И он начинал рыться в своей сумке.

— У тебя нет сигарет, — говорила я.

— Есть, я помню.

— Ричард, здесь запрещено курить.

— А знаешь, чего мне хочется? — снова начинал он. — Выйти с тобой на балкон, выпить пивка, покурить.

Всякий раз, когда начиналась такая беседа, мне нужно было ее как-то закончить — иначе мне было не уйти. Иначе бы он так и считал, что за окном балкон, а это было крайне опасно. Еще я боялась, что он раздобудет сигареты. Я решила бросить курить — чтобы его не будоражил запах табака.

Разговор о сигаретах длился минут по десять и повторялся, с небольшими изменениями, постоянно. Вот один из них:

Ричард: Я вот что подумал… Знаешь, чего бы мне очень хотелось?

Я: Нет. Чего же?

Ричард: Здорово было бы погулять где-нибудь за городом, посидеть под деревцем. Вдвоем.

Я: Да, это было бы здорово.

Я тут же представила, как мы романтично расположились под сенью старого дуба.

Ричард: А в ручье бы охлаждалась бутылка белого вина.

Я: Чудесно.

Ричард: И пачка «Мальборо».

Одно из самых приятных воспоминаний о том периоде — это безудержное счастье, которое я испытала, когда он вернулся. Он был ужасно инфантилен, все забывал, капризничал, но это был именно Ричард, и тогда я, наверное, любила его больше всего. В

глубине души я боялась, что он потеряется навсегда. Но он все-таки вернулся.

Тогда Ричарда еще преследовали сильные головные боли, и ему регулярно давали морфий и еще кучу всяких лекарств. Он старался преодолеть боль, не хотел пить таблетки, но медсестры говорили, что нужно облегчать себе жизнь. И он их слушался.

Ричард был совершенно вымотан, и сестры сказали, что он проспит всю ночь. Они настаивали, чтобы я как следует выспалась, да я и сама понимала, что это необходимо. В половине десятого вечера я ушла из больницы, отправилась на такси в гостиницу, где остановились все родственники. Я туда попала впервые.

Я что-то съела с родителями Ричарда, а через час приехал Ник с семьей. Мы все были рады повидаться, только вот повод был совсем не радостный. Мы все волновались, и я хотела быть только в одном месте — рядом с Ричардом. Однако мне дали задание выспаться, и я вскоре отправилась в постель.

Спала я отвратительно и в половине седьмого уже была одета. Когда я ехала в такси, позвонили из больницы. Ричард проснулся и, не увидев меня, расстроился. Видно, он устроил настоящий скандал, раз сестры даже позвонили мне. Я твердо решила больше в гостинице не ночевать.

Такси ехало целую вечность. Я сидела, зажав в кулаке деньги, — чтобы сразу расплатиться и бежать в палату. Снова зазвонил телефон.

— Минди, Ричард сильно разволновался. Ты скоро приедешь?

— Через пятнадцать минут. Скажите ему, я уже в пути.

— Хорошо, дорогая. Не беспокойся.

Но как мне было не беспокоиться? Я не могла себе простить, что заставила его страдать. Как я могла так эгоистично поступить? Едва машина остановилась, я пулей выскочила из нее и кинулась к лифтам.

Палата Ричарда была на седьмом этаже, и лифт полз туда целую вечность. Я пронеслась мимо поста медсестры и влетела в палату.

— Привет!

— Привет! — просиял Ричард. — Как здорово, что ты вернулась!

Мы крепко обнялись. Уж не знаю, насколько путаное у него было сознание. Может, он действительно испугался, что я не вернусь. Посттравматическая амнезия — странная штука. Большую часть времени память у него была как у золотой рыбки (пять секунд). Из прошлого он помнил обрывки, после аварии — почти ничего. Он не мог положиться на свой разум, а это очень

страшно. В медицине такое состояние называется спутанностью сознания. Одно он знал твердо — я его союзник. Не был только уверен, существую ли я на самом деле или являюсь плодом его воображения. Ему рассказали об аварии, в которой он выжил, хотя по всему должен был погибнуть. Никаких видимых подтверждений этому не было — разве что синяки и странное ощущение в голове — как будто он был под наркотиками. Он смутно узнавал знакомых, но не мог толком ничего про них вспомнить. Вдобавок его держали пленником в крохотной комнате.

Трудно описать, как развивались наши отношения и какой это был страшный процесс. Ричард продирался сквозь свои чувства и ощущения и пытался вычислить, какое все это имеет отношение к нам. Мне кажется, он принял тот факт, что я — его жена. Я постоянно говорила ему:

— Если тебя что-то беспокоит, если у тебя есть вопросы, задавай их. Я скажу тебе правду.

Очень часто те, кто приходил его навестить, не понимали, насколько важно говорить с ним серьезно. Он задавал вопрос, который казался им глупым, и вместо того, чтобы все спокойно объяснить, они начинали шутить.

Например, как-то раз он спросил:

— А где вечеринка? Куда все идут?

А ему ответили:

— Да это наверху. Мы там так оттягиваемся.

Я тут же вмешалась и сказала Ричарду, что никакой вечеринки нет. Такие вот шуточки только больше его путали. Я-то проводила с ним все время и знала, как важно каждое слово. Я думала, прежде чем ответить на его вопрос, научилась терпению. Но всем, кто общается с таким человеком, не объяснить, какой это сложный процесс, тем более что человек с виду выглядит совершенно нормальным.

Я была с Ричардом практически неразлучна. После того утра я уходила из палаты, только если он спал или к нему кто-то приходил. Причем когда он спал, я приклеивала скотчем записку на экран телевизора — сообщала, куда ушла и когда вернусь.

Я спускалась вниз, покупала в киоске то, что ему нравилось, — автомобильные журналы, сладости. Джеймс Мэй оставил ему «Авто трейд». Они оба обожали играть в покупку машин. Выбирали все, что им понравится. Но, увы, хоть я и клала журнал на самое видное место, он его даже не открывал. Это был не прежний Ричард Хаммонд, и я очень боялась, что ему прежним уже и не стать.

Как-то раз, вернувшись из киоска, я с удивлением увидела,

что Ричард говорит по телефону. Он откопал у себя в сумке мобильный (батарейку я спрятала). А батарейку взял из моего мобильного.

Когда я вошла, он тут же закончил разговор и покраснел.

— С кем это ты? — спросила я как бы между прочим.

— Да так, с одним приятелем.

— Понятно. Хочешь посмотреть, что я купила?

Я стала показывать покупки, а о телефонном звонке больше не упоминала. Вскоре пришла медсестра, дала ему лекарство, и он заснул.

Как только он захрапел, я взяла телефоны и тихонько выскользнула из палаты. Включила оба, и мой тут же зазвонил. Это был редактор из «Миррор». Мы с ним постоянно общались после аварии, но сейчас он позвонил, потому что, как он выразился, «мы тут с Ричардом поболтали, и я хотел уточнить все с вами, прежде чем текст пойдет в печать».

Ричард говорил достаточно долго, и редактор успел сообразить, что с ним не все в порядке. Хорошо еще, что он поступил порядочно и связался со мной. Он пообещал ничего не печатать. Слава богу, остались еще честные журналисты!

Я отправилась искать Алекса. Он принес мне несколько пакетов с покупками. Я вернулась в палату, и тут меня охватила паника. Куда же мне спрятать одежду? Ричард так и не оставил безумной идеи сбегать за сигаретами, поэтому его ковбойские сапоги мне пришлось увезти в гостиницу — я дважды ловила его на том, что он надевал сапоги на пижаму.

Я зашла в ванную и закрыла дверь. У стены стоял матрац — я собиралась спать на нем на полу у кровати Ричарда. Я спрятала пакеты за матрацем.

Я вошла в комнату, и тут Ричард проснулся. Он так мило выглядел. Словно пропустил пару стаканчиков хереса. Он улыбался, был обворожителен и все забывал, но главное — он быстро уставал. Медсестры постоянно приходили мерить ему давление, температуру и так далее. Еще они непременно задавали ему вопросы. После их ухода его всегда клонило в сон.

Я попросила Элю привезти в Лидс девочек, а на Би-би-си нам дали машину с водителем. Зашел Алекс, сказал, что они уже подъезжают. Я побежала вниз их встречать. Я ужасно по ним соскучилась.

Увидев их, я чуть не расплакалась. Обняла дочек и Элю. И спросила администратора, куда мне отвести детей. Она пустила нас в комнату, где стоял широченный стол и штук двадцать стульев. Я усадила девочек рядом и присела перед ними на корточки.

— Вы понимаете, где мы?

— Понимаем, — ответила Иззи, сося большой палец. — В больнице.

Уиллоу серьезно кивнула.

— Помните, мне пришлось срочно уехать — надо было привезти папе одежду?

— Да, потому что свою он испачкал и порвал, — ответила Уиллоу.

— Правильно, солнышко. — Я улыбнулась им. — Так вот, когда он порвал одежду, он еще немного ударился головой.

Иззи задумчиво кивнула:

— И кровь была?

— Совсем немного. У глаза.

— Ой! Ему пластырь наклеили? — спросила Уиллоу.

— Да нет, забинтовали.

— Ого! Вот здорово, — восхитилась трехлетняя Уиллоу.

Я взглянула на Иззи. Она не вынимала пальца изо рта и смотрела серьезно и сосредоточенно.

— Поскольку папа ударился головой, — продолжала я, — он не совсем хорошо себя чувствует. Он очень устал и не похож на прежнего папу. Ему просто нужно выспаться как следует, и все будет в порядке.

— Я могу дать ему свою куклу. С ней хорошо спать. — До чего же Уиллоу милая! — А еще я обниму его крепко-крепко.

— Это ему наверняка поможет.

У Иззи глаза наполнились слезами.

— Вы нарисовали папе открытки?

Они сделали для него несколько открыток и рисунков. А Иззи даже письмо написала.

— Какие вы умницы!

— А можно к нему? — спросила Иззи.

— Да. Сейчас мы пойдем к папе.

Эля не пошла в палату — ждала снаружи. Я договорилась с медсестрой, и она наложила Ричарду повязку на глаз, потому что он выглядел довольно страшно и девочки могли испугаться. Когда мы вошли, Ричард сидел в кровати. Я заранее предупредила девочек, что мы пробудем с папой совсем немного, а потом поедем в гостиницу праздновать день рождения.

Ричард так обрадовался, когда увидел их! Но он совсем забыл про повязку на глазу и попытался ее сорвать.

— Пожалуйста, не трогай! — взмолилась я.

Но он все равно ее снял. Хорошо еще, что я подготовила девочек.

— Папочка, это сильно болит? — спросила Уиллоу.

Иззи молчала — оценивала ситуацию. Ричард встал с кровати, я схватила капельницу — чтобы носить за ним следом. Он забрал ее у меня.

— Сам справлюсь.

До этого он не мог сам сходить в туалет, но ни за что не позволил бы мне ему помогать на глазах у девочек. По дороге в ванную он споткнулся и схватился за шнур звонка экстренного вызова. Тут же появились две медсестры и усадили его обратно на кровать.

Иззи было не по себе. Она пыталась рассказать ему, как дела дома, но он никак не мог сосредоточиться. У него слипались глаза. Прогулка до ванной его вымотала.

— Пора прощаться, — шепнула я девочкам.

— Пока, папочка! — Уиллоу чмокнула Ричарда в щеку.

Иззи едва сдерживала слезы.

— Скажи «до свидания», — шепнула я ей.

— Пока, папа, — срывающимся голосом сказала она. Но Ричард уже засыпал и ничего не заметил.

— Пока, радость моя, — ответил он и тут же закрыл глаза.

Мы вышли в коридор, где нас ждала Эля. Иззи тут же разрыдалась, и я прижала ее к себе.

— Из, ты молодчина. Ты очень храбрая девочка. Я тобой горжусь.

Бедная Иззи. Папа, ее обожаемый папа, действительно был сам на себя не похож. Я присела на корточки.

— Из, он поправится. Обязательно поправится.

— Да, мама, — согласилась она, но, кажется, мне не поверила.

Ник ждал нас у двери.

— Давайте скорее! Нас ждет праздник.

— Мамочка, а разве ты с нами не едешь? — спросила Иззи.

— Мне нужно побыть с папой.

— Мам, ну пожалуйста!

— Я приеду попозже. Обязательно.

— А ты уложишь нас спать? Успеешь?

— Да, обещаю.

Мне было тяжело смотреть, как они уходят.

Я не знала, как мне удастся вырваться из больницы, но для девочек это было важно, и я пообещала. Да мне и самой хотелось побыть с ними. Да не просто хотелось — я мечтала поболтать с ними, поиграть, снова стать их мамой.

Ричард крепко спал. Значит, можно было хоть на несколько минут отлучиться. Я написала записку и повесила ее на экран телевизора.

«Ушла за кофе. Вернусь через 15 минут. Люблю, целую. Минди».

Встреча с девочками была для меня слишком большим потрясением. В лифте я стояла, устало прислонившись к стене.

Я купила кофе и села в уголке с телефоном. Только стала набирать номер, как вдруг какая-то женщина тронула меня за плечо.

— Извините, вы — миссис Хаммонд?

— Да, это я. А вы кто?

— Я журналистка.

Я ушам своим не верила. Надо же, только у меня выдалась свободная минутка….

— Простите, я не могу с вами сейчас разговаривать.

Я взяла свои вещи и заторопилась к лифту. И по дороге поняла, что кругом полно людей. Больница кишела журналистами.

Пожилая пациентка прогуливалась с медсестрой по коридору. Она перестала звать свою кошечку, и медсестра уговаривала ее с кем-нибудь поговорить. Проходя мимо нее, я шепнула:

— Храни вас Господь.

Надеюсь, она поправилась и вернулась домой.

Ричард как раз проснулся:

— Где девочки? Куда они подевались? Они ведь были здесь? Мне это не приснилось?

— Не приснилось. Они поехали в гостиницу.

— Поехали к ним! Смоемся отсюда, никто и не заметит. — Он спустил ноги с кровати, и я тут же подхватила капельницу. — Где моя одежда?

— Дорогой, тебе нужно остаться здесь. Давай посмотрим, что по телевизору.

— Ну давай…

Я поспешила включить телевизор.

Через тридцать секунд он спросил:

— Где девочки?

Я: Они вернулись в гостиницу. С ними все в порядке.

Ричард (в ужасе): А кто же с ними?

Я: Эля. Не волнуйся, все нормально.

Ричард: Может, поедем к ним?

Я: Дорогой, тебе лучше остаться здесь. Сделать тебе чаю?

Ричард (рассеянно оглядываясь по сторонам): Ну давай…

Мне не хотелось его оставлять, и к чайнику я кинулась чуть ли не бегом. А когда вернулась, глазам своим не поверила. Он отыскал у себя в сумке еще один мобильный, разобрал мой и вставил в него свою сим-карту.

Я: Что ты делаешь?

Ричард: У меня телефон не работает, и я вставил сим-карту в этот.

Я: Вообще-то это мой телефон.

Ричард: Нет, этот точно мой.

Он включил телефон.

Ричард: Странно, кажется, это действительно твой. А где же мой?

Он опять стал рыться в сумке. Мне было не по себе. Его телефон я спрятала в сейф. Врачи строго-настрого запретили ему говорить по телефону и даже думать о работе. Но это было практически невозможно. Большинство друзей Ричарда были и его коллегами. Была и другая проблема: многие журналисты знали номер мобильного Ричарда, а он бы с огромным удовольствием с ними болтал. Только что бы он им наговорил?

Вид у него был усталый. Он поморщился — снова заболела голова. Голова у него болела постоянно — только с разной силой.

Ричард: Поехали домой, а?

Я: Нет, дорогой, еще не время.

Ричард: Ну давай поедем, никто возражать не станет.

Я: Ричард… Ты попал в серьезную аварию. Тебе надо побыть здесь — пока тебе не станет лучше.

Ричард: Да-да. Ну поехали!

Пока я придумывала, что бы ответить, пришли две медсестры. Они спросили, что у него болит, и он сам попросил морфия. Выглядел он действительно неважно. Встреча с девочками его взбудоражила. Медсестер волновало, что он мало пьет и почти ничего не ест. В капельнице почти ничего не осталось, и они решили ее заменить.

Вскоре после их ухода он сказал:

— Ну что, может, чаю попьем?

— Давай.

Память у него настолько ослабла, что, съев завтрак, он мог спросить: «Так мы будем завтракать?» У него было спутанное сознание. Мне не хотелось еще больше усложнять ему жизнь. Я отправилась за чаем, а когда вернулась, Ричард уже крепко спал. Я вылила чай в раковину и написала новую записку: «Пошла укладывать девочек спать. Скоро вернусь. Люблю, целую. Минди».

Я примчалась в гостиницу на такси. Меня встретили совершенно счастливые дети. Энди, Андреа, Ник, Аманда и родители Ричарда расстарались и устроили для Иззи настоящий день рождения. Я радовалась каждой минуте, проведенной с дочками, но мыслями постоянно возвращалась в больницу. Я знала, что Ричард очень расстроится, если, проснувшись, не

увидит меня. Я весело болтала, но внутри зрело беспокойство.

Мы с Элей отвели Иззи и Уиллоу в их номер. Девочки умоляли меня побыть еще немного, уложить их спать. Они впервые в жизни расстались со мной на целых два дня. Меня потрясло то, как они меня любят, и мне было грустно смотреть, как они стараются держаться. И в то же время я гордилась ими.

Я укрыла их одеялами, и Иззи сказала:

— Мам, я знала, ты обязательно придешь! Ты же обещала.

Я была так счастлива это слышать! Если я что-то обещаю детям, то всегда держу слово. Я обняла Иззи и поняла, что она тихонько плачет. Она не хотела показывать Уиллоу, как она расстраивается. Я шепнула ей:

— Детка, все будет хорошо. — Она кивнула. — Ты у меня умница. Очень смелая и сильная девочка. Я тобой горжусь.

Она снова кивнула, утерла нос рукавом.

Я подошла к кровати Уиллоу.

— Мам, а ты где спишь? — Уиллоу не проведешь!

— Мне надо вернуться к папе.

— Мам, но мы же тебя не увидим! — расстроилась Уиллоу.

— Конечно, увидите.

Уиллоу насупилась:

— Нет, не увидим! Мы будем здесь, а ты там.

— Обещаю, что вернусь утром, к завтраку. Мы вместе позавтракаем, договорились?

Девочки согласились. Я поцеловала их, поговорила с Элей и пошла к выходу. Такси я заказала перед тем, как мы начали купать девочек, и оно уже ждало меня. Дороги были забиты, и путь назад занял больше времени, чем я рассчитывала. Я начала волноваться. Такси подъехало к больнице, и я побежала ко входу. Открыла дверь в палату и тут же успокоилась: Ричард только-только просыпался.

Пришли медсестры — проводить тесты. Когда они ушли, я легла к нему под бочок, и мы немного поболтали. Потом я помогла ему сходить в туалет.

Когда Ричард вернулся в кровать, он задумался и спросил:

— А что у нас на ланч?

Я ответила, что ланч уже был, а сейчас пора ложиться спать.

— Правда? Ну ладно.

Он очень устал. Я вышла почистить зубы, а когда вернулась, Ричард спал без задних ног.

Я вытащила из ванной матрац, положила его около кровати. Было девять вечера. Я погасила свет и тоже заснула.

Проснулась я со странным чувством. Волосы у меня за ухом были мокрые и липкие. В полусне я пыталась понять, что

произошло, и тут что-то капнуло мне на голову. Приглядевшись, я увидела, что Ричард свесил голову и спит с открытым ртом, из которого капает слюна.

«Очень мило», — подумала я и, улыбнувшись, пошла в ванную. Вернувшись, я смотрела на него и думала: «Господи, как же я его люблю!» И даже шепнула: «Господи, помоги ему!»

Я поцеловала Ричарда в лоб, положила ему голову поудобнее, проверила, достаточно ли жидкости в капельнице, и снова поцеловала его — в щеку. Он слабо улыбнулся. Я снова улеглась на матрац. Спать мне оставалось недолго. В пять надо было встать и ехать в гостиницу к девочкам.

В половине шестого я на цыпочках вышла из палаты Ричарда, сказала медсестрам, что постараюсь вернуться до того, как он проснется. А сама помчалась в гостиницу. Я заказала завтрак на семь часов, чтобы успеть немножко пообщаться с детьми.

Мы провели вместе замечательное утро. Для девочек это было увлекательное приключение. Мы старались не говорить о том, как папе плохо. Наоборот, мечтали, что ему станет лучше и он вернется домой. Как и все дети, они любят знать точные сроки, поэтому требовали, чтобы я сказала, какого числа папу отпустят. Но никто не знал, сколько времени потребуется, а врать им я не могла.

За завтраком мы дурачились и шутили. Не знаю, что бы я делала без Эли. Днем ей предстояло вернуться с девочками домой, и мы обе знали, что им будет тяжело.

Зазвонил мой мобильный. Звонили из больницы. Ричард вызвал медсестру — спрашивал, где я. Я сказала, что буду через двадцать минут.

Девочки ужасно расстроились:

— Мамочка, ну пожалуйста, останься с нами!

Иззи тянула меня на диван:

— Я тебя не отпущу!

Она крепко обхватила меня обеими руками. Это было так не похоже на Иззи. Обычно она гордилась своей независимостью. Но эта ситуация выбила ее из колеи.

— Радость моя, мне очень нужно поехать к папе. Он плохо себя чувствует, а если я помогу ему поправиться, мы сможем оба вернуться домой.

Она тяжело вздохнула и заплакала:

— Мамочка, я так по тебе скучаю…

— Я тоже очень по тебе скучаю, родная моя.

Я обняла ее, к нам подбежала Уиллоу и тоже прижалась ко мне.

Мне было так приятно обнимать их, и в то же время мне было

страшно. У меня сердце буквально разрывалось на части. Но Ричарду я была нужна больше, чем им, и я честно сказала им, что должна быть в больнице, а им надо вернуться домой — ухаживать за животными, навести дома порядок к папиному приезду. Они согласились, и Уиллоу тут же начала рассказывать, чем она будет заниматься, а вот Иззи держалась сдержанно. Она молча сосала палец и только кивнула мне.

Позвонили снизу, сказали, что такси подъехало. Мне пора было уходить. Я сказала девочкам, чтобы они оделись и приехали в больницу сказать папе «до свидания». Я радостно обняла их, а в машине расплакалась.

Когда я приехала, Ричард сидел в кровати. Он очень мне обрадовался. Просто просиял от счастья. И очень разволновался, узнав, что скоро приедут девочки. Правда, он быстро устал и задремал.

Эля привезла девочек. Уиллоу взяла Ричарда за руку и объяснила ему, что, когда ему вылечат глаз, он вернется домой.

Иззи была очень расстроена, но старалась держаться. Она улыбалась папе, а потом спряталась за меня. Когда мы вышли, она расплакалась. Я отвела ее в сторонку и опять сказала, что она вела себя замечательно. Подошли Эля с Уиллоу, девочки обнялись. И когда уходили, не плакали. Меня они просто потрясли. Они старались изо всех сил, запомнили все, что я им сказала.

Мы спустились вниз, к машине, мы с Элей усадили в нее Иззи и Уиллоу. Как мне хотелось вернуться с ними домой! Но я не могла показать им, как расстроена, поэтому мы еще поговорили о нашем зверье, я напомнила, чтобы они поблагодарили наших соседей, Анну и Сида, которые за ними присматривали.

Я пообещала детям, что приеду, как только смогу, расцеловала их и Элю. Я дала Эле денег на хозяйство — сняла в больничном банкомате с карточки.

Как только Эля увидела, сколько я ей дала, она сразу поняла, что домой я вернусь не скоро.

— Минди, ты очень храбрая женщина! — сказала она мне на прощание.

— Чушь какая, — шепнула я ей и сглотнула слезы.

Я смотрела вслед машине, пока она не скрылась из виду. Мне хотелось упасть на землю и завыть в голос, но я понимала, что пора к Ричарду. Я сделала глубокий вдох, расправила плечи и пошла назад, в палату.

В тот день к Ричарду заходили только братья — попрощаться. Ричард почти все время спал. А когда просыпался, каждые пять

минут задавал одни и те же вопросы:

— Где дети? — Он не помнил, что они уехали.

— Куда мы пойдем завтра? — Он думал, что мы в гостинице. — Когда ты встречаешься с остальными? — Он думал, что здесь какой-то праздник, что было вполне понятно: вся семья собиралась вместе только по особым случаям.

Я несколько раз объясняла ему, что это не гостиница, а больница, что никакого праздника нет. Он вроде бы все понимал. Но стоило ответить на один вопрос, как тут же следовал другой, а через несколько секунд Ричард повторял первый вопрос. Это было очень утомительно.

Хуже всего было, когда он спрашивал:

— Где моя одежда?

Я отвечала, что его одежда порвалась во время аварии и другой нет.

— Это точно? Ты везде смотрела? — неизменно говорил он.

И тут же хватался за свою сумку. Я заранее знала, что он будет искать.

— Мне ужасно хочется пива и сигарету. Давай найдем какой-нибудь ресторанчик, посидим у реки, выпьем и покурим.

Пришла медсестра, и я попросила ее объяснить Ричарду, почему ему нельзя пить и курить.

— В больнице строго запрещено курить. А если вы будете употреблять алкоголь, у вас может случиться припадок. Это очень опасно.

Когда она ушла, я снова рассказала ему, почему он оказался здесь.

— Ты попал в аварию, дорогой.

— Ты все время это повторяешь.

— А ты мне не веришь, да?

— Честно говоря, не верю.

До этого момента мне казалось не так уж и важно, помнит он про аварию или нет. Но теперь я поняла, что момент настал. Стоит ли рассказать ему мою версию случившегося? Наверное, нет. Раньше не помогало и теперь вряд ли поможет. Можно было включить телевизор, чтобы он все увидел в новостях. Нет, слишком уж это театрально. Может, попросить медсестру? Тоже не поможет. Пока я ее приведу, он успеет забыть о нашем разговоре.

И тут я придумала. Газеты. Статья Джереми во вчерашнем выпуске «Сан». Этому-то он наверняка поверит. Там были фотографии и Ричарда, и драгстера.

Я сомневалась, стоит ли это делать. Он мог очень расстроиться. Я убрала газету подальше. И тут наши взгляды

встретились. И я сдалась.

— Ты уверен, что готов к этому?

Зачем я его об этом спрашивала? Откуда ему было знать, готов он или не готов? Может, ему лучше было ни о чем не знать? Да нет, такого быть не может. Он доверял мне. Я пообещала, что буду говорить ему только правду.

— Это была тяжелая авария, Ричард, — сказала я и почувствовала, что плачу.

Он взял газету, и лицо у него стало серьезным. Его поразил заголовок.

— Черт подери! Прямо на первой полосе?

Он читал, а я наблюдала за ним. Я отлично знала, что там написано, и все переживала заново — вместе с Ричардом. Он открыл разворот, и брови у него поползли вверх. Он был искренне удивлен. Там были фотографии драгстера и его с собакой.

— Это же Ти-Джи! — воскликнул Ричард испуганно. — А где она?

— С ней все в порядке. Она дома. Ты отправил ее домой вечером, перед аварией.

— Ах да. Ну слава богу. А когда мы поедем домой? Можно сейчас уехать?

Он снова отвлекся.

— Нет, дорогой. Ты в больнице. Тебе здесь придется еще немного полежать.

— Нет, я не могу. Во сколько нас ждут в ресторане?

— В ресторан мы не пойдем. Поужинаем здесь.

— А как же остальные? — Он попытался встать. Я подхватила капельницу. — Где мои сигареты? Должны же у кого-то быть сигареты. Пойдем в бар.

Он встал и направился к двери. Я шла за ним.

— Ричард, там больничный коридор.

— Да нет же! Это гостиница. — Он посмотрел на меня как на дурочку.

Останавливать его было бессмысленно.

Больно было смотреть, как он ковыляет к двери в надежде догнать остальных. Он уже собирался как следует повеселиться. И вот он открыл дверь и замер. Увидел медсестер в коридоре, пациентов с капельницами.

Я подхватила его, помогла сесть на кровать.

Мне было его безумно жалко. Я опустилась на колени, а он сидел, уставившись на дверь.

— Вот черт, — буркнул он.

Я взяла его за руку:

— Извини, дорогой. Это действительно больница, понимаешь?

Он кивнул. Видно было, как он расстроен. Я обняла его, прижала его голову к груди, стала целовать в макушку. Старалась утирать слезы, чтобы они не капали ему на голову. Он был такой потерянный, а я не знала, как помочь ему найти дорогу назад — к себе.

Он взял газету. Снова увидел статью Джереми.

— Какой кошмар!

Он снова удивился, и я была рада, что он отвлекся.

Газета так и лежала весь день на кровати. Он снова и снова читал про аварию. И каждый раз поражался.

Когда он задремал, я убрала газету, спрятала за занавеской. Он увидел доказательства, только я не знала, запомнил он что-нибудь или нет.

В тот вечер мы замечательно разговаривали. Несколько раз Ричард спрашивал, где Ти-Джи, и меня это радовало. Где-то в его сознании два обрывка прошлого совместились.

Он не хотел, чтобы я спала на полу. Хотел, чтобы я легла с ним рядом. Так здорово было снова стать «нами». Я слышала много историй про то, как люди возвращаются в прежнюю жизнь. Ты ждешь, молишься о том, чтобы человек, которого ты любишь, узнал тебя, чтобы заново сложилось то, что рассыпалось на куски. Только никакой гарантии, что так будет, нет. Нам повезло. Мы были вместе и до аварии, и в этой крохотной палате, заваленной открытками и подарками, детскими рисунками и письмами со всего света, мы заново полюбили друг друга. Мой Ричард вспомнил меня.

Мы всю ночь провели в объятиях друг друга. Так началась наша жизнь когда-то давно, так началась и наша новая жизнь. Я ни разу не спросила, как он ко мне относится. Я только объясняла ему, кто я и что я к нему испытываю, но никогда не напоминала о нашей прошлой совместной жизни. Могло случиться, что он отринет жизнь до аварии, забудет все о нашем прошлом. Он мог выбирать, любить меня или нет. Слава богу, он полюбил меня снова — сильнее, глубже, полнее. И тогда я поняла: каким бы ни было наше будущее, оно будет у нас общим, мы снова будем одним целым.

Медсестры знали, что я сплю с Ричардом, но ни слова мне не сказали. Их заботило только одно: чтобы их пациентам было хорошо. Если Ричарду удобно спать с женой, пусть спит. Не знаю, часто ли так случается, но, по-моему, любая женщина на моем месте хотела бы быть вместе с мужем и душой, и телом.

Я спала мало. Зато в любой момент могла помочь ему с

капельницей, проводить до туалета. Мы с ним оба все время не то чтобы спали, скорее, дремали. Он перестал быть замкнутым, слегка застенчивым человеком, который не мог позволить мне себе помогать. Наоборот, он превратился в любящего мужа, который ценил мою помощь, радовался моему обществу, любил мою любовь.

Про посттравматическую амнезию нам рассказала медсестра из отделения трудотерапии. По сути, мы все заняли выжидательную позицию. Каждая мозговая травма — особенная. Разные люди по-разному приходят в себя. Она не говорила вслух того, о чем знали мы обе: нельзя сказать заранее, насколько восстановится тот или иной пациент. У Ричарда прогресс был очевиден, но нельзя было предугадать, когда он выздоровеет окончательно.

А на воле разыгрывались драмы — обсуждалось будущее «Топ Гир». Джеймс, Джереми и Энди твердо решили, что, если Ричард не сможет вернуться, программа закроется. В прессе появлялись высказывания насчет того, что программу ни в коем случае нельзя продолжать, потому что Би-би-си слишком безответственно относится к своим сотрудникам.

В газетах писали, что Ричард хотел установить новый рекорд скорости, что никак не соответствовало действительности. Джереми защищал программу как мог, твердил о том, как важно, чтобы место Ричарда никто не занял. Да и сам Ричард начал спрашивать о программе. Ему не терпелось вернуться к работе.

Представьте себе, что вы получили тяжелую мозговую травму, едва выжили, выкарабкались, добились главной цели и готовы вернуться к работе, только в этом уже нет никакого смысла, потому что программу сняли с эфира и вашей обожаемой работы больше нет. А виноваты в этом вы. Вы погубили ее, потому что она не погубила вас. Если бы «Топ Гир» сняли с эфира, думаю, Ричард бы так быстро не выздоровел. Его бы мучила совесть, и мне страшно даже представить, какая бы на него навалилась депрессия.

«Топ Гир» может показаться программой, построенной на энтузиазме и риске, но ее очень тщательно готовят, и в команде работают удивительно ответственные и трудолюбивые люди. Они очень гордятся тем, что делают. Джеймс, Джереми и Ричард — настоящие друзья. Энди называет их рок-группой. Когда Ричард еще был в интенсивной терапии, помню, Энди взглянул на неподвижное тело и сказал:

— Возвращайся, друг. Нам без барабанщика никуда.

Ричард разрабатывал все более сложные планы побега. Как-то

ночью я проснулась и увидела, что он возится с оконными шпингалетами. Был только один надежный способ его остановить. Пока он спал, я спрятала его пижамные штаны.

Утром, приняв душ, он стал искать чистую пижаму. Нашел только куртку.

— Как странно! Штаны куда-то подевались.

— Да? — изобразила удивление я. — Наверное, забыли положить.

Я ждала от него ответа, но он забрался в кровать и стал рассматривать детские рисунки.

Энди Уилман связался с неврологом «Формулы-1» профессором Сидом Уоткинсом, сконструировавшим тот самый шлем, который был на Ричарде в день аварии. Этот шлем и спас ему жизнь. Сид неоднократно встречался со схожими травмами, которые получали гонщики. Он дал Энди свои домашний и мобильный телефоны и сказал, что я могу ему позвонить.

Он меня успокоил. Задав несколько вопросов, он сказал, что прогноз вполне благоприятный. А еще предупредил, что такие больные часто мечтают сбежать. Рассказал про человека, которому удалось сбежать из больницы. Сид тогда спросил, не пропала ли какая-нибудь машина. Оказалось, что исчезла машина «скорой помощи».

— Отправляйтесь к нему домой, — посоветовал Сид. — Он там.

И действительно, «скорую помощь» нашли у его дома.

Я не могла рисковать. Я знала Ричарда: он непременно выбрал бы самую быструю машину.

Ричард рвался из больницы, но врачи считали, что покой и уход ему просто необходимы. Но мы все-таки придумали, как выпустить его на свежий воздух.

Пришел санитар с инвалидной коляской, за ним — охранник. Ричард (штаны как нельзя кстати «нашлись») сел в коляску. Он смущался своей роли пассажира, шутил, что это женщины его довели до такого состояния.

Увидев охранника, он сказал:

— Слушайте, неужели это необходимо?

— Увы, да, — усмехнулся охранник.

Мы все были возбуждены — нам передалось настроение Ричарда.

Медсестра дала Ричарду темные очки, накрыла ему голову одеялом. Мы чуть не лопнули со смеху: Ричард выглядел как преступник, которого сопровождают до полицейского фургона.

Медсестра строго на нас прикрикнула, и мы попробовали угомониться. Когда мы выехали из палаты, Ричард отпускал

шуточки, санитар хохотал, охранник пытался сдержаться, но все равно хихикал. А я поглядывала на Ричарда. Он наслаждался. Веселился, острил. То есть был самим собой.

Мы дошли до выхода в сад, который располагался на крыше. Охранник остался снаружи, а медсестра с санитаром отошли в сторонку, чтобы не мешать нам с Ричардом.

Был теплый солнечный день. Ричард с улыбкой подставил лицо солнцу.

— Приятно на свежем воздухе? — спросила я.

— Пожалуй. — Он взял меня за руку. — Прости меня, Минди. — Он заглянул мне в глаза.

— Глупости какие, — улыбнулась я. Но он хотел продолжить разговор.

— Я серьезно прошу у тебя прощения. Я люблю тебя. — Он поцеловал меня.

— Я тоже тебя люблю. — У меня с подбородка капали слезы.

Мы молча любовались крышами домов.

— Так, может, покурим? — сказал он.

— Господи, опять! — закатила глаза я.

Он привел все свои обычные доводы. И резко сник:

— Давай вернемся.

На обратном пути Ричард был притихшим. Неужели его так потрясла прогулка? Может, он понял, насколько слаб, и испугался? Настроение у него было задумчивое.

У меня было много бесед с нейрохирургом Стюартом Россом. Он понимал, что мы слишком далеко от дома, и считал, что Ричарда при первой же возможности надо перевести в больницу в Бристоле. Но Ричарду мы ничего заранее не рассказывали.

Эти недели в Лидсе были трудными для всех нас, но особенно для родителей Ричарда. Его мама старалась держаться, но ей было тяжело видеть любимого сына в таком состоянии. Она ведь знала его совсем другим, и никто не мог наверняка сказать, как пойдут дела дальше.

Врачи велели сократить количество посетителей до минимума. Я находилась при Ричарде постоянно, кроме меня пускали только его родителей. Когда мне надо было уйти, меня подменял его отец.

За день до того, как Ричард должен был покинуть Лидс, родители отправились к себе. Мы очень тепло попрощались. Его мама старалась выглядеть веселой, но поторопилась уйти. Папа сумел сдержать переполнявшие его чувства.

В тот день я начала собирать вещи. Энди организовал полностью оборудованный самолет, который должен был доставить нас из Лидса в Бристоль. Нейрохирурги считали, что

Ричарду вредно трястись в машине. Нас должны были доставить из больницы прямо в аэропорт Бристоля, а оттуда на «скорой помощи» в больницу Бристоля.

Найти нужный самолет было непросто, но Энди — человек, который может невозможное. Посмотрите несколько сюжетов «Топ Гир», и вы поймете, что я имею в виду. Реактивные истребители «харриер», военная техника, авианосец — ему подвластно все.

Когда я рассказала Ричарду, что его переводят в реабилитационное отделение в Бристоле, он очень возбудился. Но скоро сник.

— Так, значит, мы завтра едем домой?

— Нет, дорогой. В Бристоль. В реабилитационное отделение.

— А просто домой нельзя?

— Пока рано, дорогой. А знаешь, как ты туда попадешь? Сначала на вертолете, потом на самолете.

— Ты тоже поедешь? — В его голосе слышался испуг.

— Естественно.

— Минди, ты меня не оставишь?

Я сразу поняла, что он имеет в виду не поездку. У Ричарда бывали моменты, когда он все осознавал. И сейчас этот отважный человек был искренне напуган.

— Никогда, — шепнула я.

Он прижался ко мне. Я держала его крепко. Таким я его никогда не видела и понимала, что он смутится, если встретится со мной взглядом. Я знала, что мне нужно все выдержать.

— Чаю выпьешь? — спросила я.

— С удовольствием.

Стараясь не глядеть ему в глаза, я направилась к двери. В коридоре я выдохнула. Медсестра посмотрела на меня, словно спрашивая: «Что с вами? Помощь не нужна?»

Я выдавила из себя улыбку и сказала:

— Чаю попросил.

Она подмигнула мне и пошла по своим делам.

На обратном пути медсестра сказала мне, что Ричарда в полете должен сопровождать медицинский работник и она полетит с нами. Мы пошутили насчет того, что назад ей придется возвращаться автостопом, поэтому ехать лучше налегке.

Мы с ней вместе пошли в палату, и тут нас нагнала еще одна медсестра — она несла Ричарду лекарство.

— Вы даже представить себе не можете, что творится снаружи! — сказала она.

Оказалось, что на крышу больницы доставили вертолетом пациента, а журналисты решили, что это приехали за Ричардом.

До них дошли слухи, что его переводят.

— Журналисты повсюду, — сообщила она. — Сидят на крышах соседних зданий.

— Боже мой! — воскликнула я.

— Хорошо, что это все случилось сегодня, — добавила медсестра. — Завтра будет поспокойнее.

— Ну, извините меня, — покачал головой Ричард. — Вам со мной одним хлопот хватает, а тут еще пресса.

— А так даже интереснее, — уверили его медсестры.

Они ушли, а Ричард продолжал переживать. Мы с ним поговорили о спецсамолете, о деньгах, которые собрали ему на лечение, и, естественно, о его популярности (в которую он не очень верил).

— Все просто хотят знать, как ты. Не забывай, последний раз тебя видели, когда ты перевернулся вверх тормашками.

— Да с чего им так мной интересоваться! Я просто ведущий программы про машины.

— Да? — хмыкнула я и показала на коробки и мешки, которыми была завалена палата. — А эти письма, подарки? Да, ты, конечно, просто ведущий телепрограммы, но ты хотя бы помни, как все тебя ценят и любят.

— Да я — это просто я.

— Может, поэтому-то ты такой особенный.

Он кинул на меня лукавый взгляд.

Не помню, во сколько мы должны были лететь, но проснулась я рано. Странно было видеть Ричарда в обычной одежде. Постоянно заходили медсестры — проверить, как он. Я складывала в сумку какие-то вещи и болтала с Ричардом. А он сгорал от нетерпения.

— Во сколько они будут? — спрашивал он каждые десять минут.

— Не волнуйся, как только вертолет прибудет, нам тут же дадут знать.

Энди с Алексом слонялись по коридору. Энди посвятил меня в план действий. Алекс вызвался после нашего отъезда все, что останется, сложить в машину и отвезти в Бристоль. Это было серьезное задание. Я от всей души поблагодарила его за помощь.

Стюарт Росс зашел попрощаться и сказал Ричарду, что очень доволен достигнутыми результатами. Но не забыл повторить:

— Никакой работы. От этого зависит, как быстро вы поправитесь.

Мы с Россом понимали, что все свои обещания Ричард забудет через пару минут. Я постоянно держала оборону: не

давала ему звонить Джеймсу с Джереми и коллегам по «Дейли миррор».

Я объяснила доктору Россу, что мы просим Ричарда отказаться от привычной жизни. Он согласился на компромисс: пусть Ричард разговаривает с друзьями, но только не о работе. Энди с радостью на это согласился, Джеймс с Джереми тоже.

Я просила коллег Ричарда написать ему и объяснить, что до его возвращения ничего происходить не будет. Чтобы я смогла всякий раз, когда он начнет волноваться о работе, показывать ему эти письма. Ему нужны были конкретные доказательства.

Вечером перед нашим отъездом Ричард, как всегда, распереживался по поводу работы.

— Дай мой телефон! Мне нужно позвонить Уилману.

Этот разговор он заводил несколько раз в день.

— У Уилмана все отлично.

— И еще мне нужно позвонить в «Миррор».

— Я с ними говорила. У них тоже все хорошо.

И тут вдруг Ричард рассердился не на шутку:

— Ты, конечно, решила, что знаешь, что делаешь, но речь идет о моей карьере! О моей жизни! Не смей разговаривать со мной как с идиотом!

Я так удивилась и обрадовалась, что даже расплакалась. Забрезжила надежда! Он помнил предыдущий разговор.

— Ричард, прости меня… Разумеется, это твоя карьера.

Но он все еще сердился.

— Прекрати разговаривать со мной так, — буркнул он.

Стараясь не говорить покровительственным тоном, я сказала:

— Я вовсе не хочу тебя унизить. Правда. Просто дело в том, что ты впервые за все это время вспомнил предыдущий разговор. Ты же помнишь, что мы об этом уже говорили?

Он посмотрел на меня как на дурочку:

— Разумеется, помню. Слушай… Ты просто… — Он запнулся. Память его опять подвела, а гнев остался. — Ты просто делай то, что должна делать.

— Хорошо.

Я кинулась принимать душ. Я минут пять стояла под горячей струей и лихорадочно думала. А если память к нему вернулась, а гнев останется? Выдержу ли я еще один тяжелый вечер? У нас уже было несколько таких — когда он не желал слезать с какой-то темы, «зацикливался», как говорили врачи.

Я осторожно открыла дверь. Он лежал в кровати и равнодушно смотрел телевизор. Увидев меня, он ласково улыбнулся:

— Привет! Что ты так долго? Что, кожа пересохла?

Я вздохнула с облегчением. Память потихоньку возвращалась к нему, и, хотя мысли его еще путались, это был огромный шаг вперед.

В аэропорт Лидса нас должен был доставить вертолет. А там ждал небольшой частный самолет с каталкой, кислородом и необходимым оборудованием. На нем нам предстояло лететь до маленького аэропорта под Бристолем. Оттуда на машине «скорой помощи» мы должны были доехать до Клифтона, где находилась единственная частная клиника интенсивной терапии. Там работали специалисты по лечебной физкультуре, был оборудован спортзал, и главное — она находилась неподалеку от реабилитационного центра для больных с мозговыми травмами. Тамошним специалистам и было поручено следить за состоянием Ричарда.

Я нервничала. Несмотря на то что и терапевты, и нейрохирурги, и медсестры уверяли меня, что это лучший вариант, я все-таки беспокоилась. В Лидсе, где Ричард успел ко всему привыкнуть, он пошел на поправку. Я боялась, что стресс, связанный с переездом, скажется отрицательно.

Когда настало время уезжать, поднялась суматоха. Кто-то сказал:

— Пора!

И Ричард, естественно, заупрямился и заявил, что пойдет сам.

— Ни в коем случае, — строго сказала медсестра.

Его уже ждала инвалидная коляска, и, сколько он ни возмущался, его в нее усадили. Я с парой сумок шла рядом. Энди тоже был там. Ричард пытался поговорить с ним о работе, но Энди упорно менял тему.

Это было такое счастье, что мы ехали в реабилитационный центр. Однако я переживала, что мы уезжаем, так и не поблагодарив как следует тех, кто нам помог.

Разумеется, все было не так уж и гладко. От Ричарда можно было ждать любых безумств. Да еще посадка в вертолет. Он наверняка захотел бы вылезти из коляски и забраться в салон самостоятельно. Он был чересчур уверен в себе. А меня предупреждали, что любой шаг назад может быть критическим.

Я не стала дожидаться сестры:

— Дорогой, тебе придется лечь на носилки.

— Ни за что! Да будет тебе…

— В вертолет вас погрузить можно только так, — тут же подхватила медсестра.

— Да? Ну ладно…

Так что в вертолет его, слава богу, внесли на носилках. Оказалось, что с нами летит тот же самый экипаж, который

принимал участие в спасении Ричарда.

Ричард поблагодарил их за то, что они спасли ему жизнь, и стал оглядывать салон. Он шутил с летчиками, которые обрадовались, увидев, насколько ему лучше.

Надо сказать, что до этого я летала на вертолете всего однажды. В плохую погоду. Этот кошмар я запомнила на всю жизнь, поэтому теперь сидела ни жива ни мертва. Но все равно держала Ричарда за руку. Я опасалась, что он плохо перенесет взлет. Но он только восхищался видом из иллюминатора.

Мы заметили внизу, на лужайке перед больницей, толпу фотографов. Они нацелили объективы на небо, но было уже поздно. Снять отъезд Ричарда удалось только одному, который засел на крыше соседнего здания. Всех остальных обнаружили, а как прятался этот, мы так и не поняли.

В аэропорту Лидса нас ждал небольшой самолет. Ричарда на носилках перенесли туда. К его указательному пальцу прикрепили датчик, следивший за уровнем кислорода. Мы с медсестрой уселись друг напротив друга. Я не сводила глаз с Ричарда. Вид у него был усталый.

— Ты нормально себя чувствуешь? — спросила я.

— Да-да, нормально, — попытался успокоить меня он.

Ричард притворился спящим, но меня было не провести. Он пытался сосредоточиться, боролся с одолевавшими его демонами. Несколько раз на меня накатывали приступы паники. Если ему станет плохо в самолете, что мы будем делать?

Как же я была счастлива, когда мы приземлились! Ричард категорически заявил, что сам дойдет до «скорой помощи». И хоть с трудом, но сделал это. По Бристолю мы проехали быстро. Ричард снова воодушевился, немного расслабился.

Понятия не имею, во сколько мы добрались до больницы. Помню, что Ричард заснул, едва улегшись в кровать. Бристоль мог стать новым шагом на пути к выздоровлению, но Стюарт Росс предупреждал меня, что худшее еще впереди. Теперь процесс выздоровления должен был пойти куда медленнее. И нам предстояла трудная работа.

Глава 5

Рассказ Ричарда

В романе Стивена Кинга «Мизери» есть такая сцена: герой просыпается и понимает, что у него безумно болят лодыжки — хозяйка дома, где он оказался, раздробила их молотком. Когда я в интенсивной терапии больницы Лидса метался между комой и сознанием, в памяти все время вставала эта сцена. Я видел медсестру с пластмассовой чашкой. Я не мог понять, кто она такая, откуда здесь взялась, почему я лежу в кровати. Она протянула мне чашку. В ней был морфий. Хотел ли я его?

В книге Стивена Кинга герою дают морфий, чтобы приглушить боль. Поэтому именно эту сцену я и вспоминал. Этот мужик с перебитыми ногами сравнивал свою боль с черными кусками дерева, торчащими из моря — у самого берега. Морфий — как море, он смывает боль, прячет ее. Я подумал, какая это замечательная метафора. И тут медсестра поднесла чашку к моим губам. Морфий смыл боль, которая меня мучила, и я снова отключился.

На земле мне было не страшно. Тропинка вела вперед, приглашая пойти по ней. По обеим сторонам дороги вздымались горы, между которыми раскинулись прохладные долины. Все это напоминало мой любимый Озерный край. В траве покачивались на бархатных стеблях цветы. Над головой раскинулось голубое небо. Кругом стояла упоительная тишина, и только легонько шелестела на ветру трава. Я был совершенно счастлив и никак не желал слушаться тех людей, которые не хотели, чтобы я уходил. Они сердились на меня все больше и больше. Минди тоже разозлилась. Поэтому я послушался и сделал то, что мне велели. Я вернулся.

Минди на самом деле разозлилась. Я этого не знал, но, оказывается, она стояла надо мной и орала. Потом мне рассказали, что поначалу дела обстояли плохо, и Минди спросила у медсестры, можно ли на меня покричать — чтобы я отреагировал. Та сказала, что это может помочь. Тут Минди как начала вопить! Это меня и вернуло. Показатели улучшились. Я хоть и был по-прежнему без сознания, но мне полегчало.

Я смутно помню, что происходило в больнице Лидса. Я обязан этим людям жизнью, но не помню, как они за мной ухаживали. Время, проведенное в коме, — это совершенно особое время. Мне рассказывали, что я просыпался, но я не мог отличить сна от яви. Это была жизнь между двумя мирами.

Кровать мне нравилась. В ней было приятно лежать. Но я пережил тяжелую аварию. Мне было легче просто поверить в это.

Потому что никаких доказательств этому я не находил. Да, я, судя по всему, находился в больнице, но при этом не было никаких подтверждений тому, о чем говорила Минди. Я мог двигаться, боли я не испытывал, все было в норме. Только одно было странно: мне все время хотелось спать. И я спал.

Потом я начал вспоминать. Что-то случилось с машиной. Я пытался выправить ситуацию. Что-то было не так с рулем. Помню, мне показалось, что я проиграл эту битву. Мне оставалось только одно — умереть. Но я не умер. Я повредил мозг. Повредил то, в чем, собственно, и заключался весь я.

Это очень чувствительный орган. Мне оставалось только думать. В голове мелькали какие-то разрозненные картинки. Меня закинуло обратно в ту пещеру, из которой я вышел, и я сидел в темном углу. Мне нужно было набраться сил. Мне нужно было спать. И я спал.

Минди снова со мной заговорила. Машина попала в аварию, и я повредил голову. Я держал ее за руку — или она меня, — и мне было грустно. Но теперь я ей верил. Я был в больнице. Я был пациентом. Меня кормили. Я спал, когда хотел. Приходила медсестра, тыкала меня иголками, но это было малой платой за то, что я оказался в центре внимания.

Взревел реактивный двигатель. Прямо у меня в голове. Вокруг меня было много людей, и все они делали что-то очень важное. Минди была со мной. Были еще какие-то люди. Я снова оказался в команде. Здорово! Двигатель гудел все громче.

— Последнее, что я помню, — это рев двигателя, — сказал я. Кто-то засмеялся. Я хвастался. Приятное ощущение. Я попал в аварию на автомобиле с реактивным двигателем. Поэтому меня и погрузили в вертолет. А потом — ничего.

Короткие вспышки сознания стали потихоньку выстраиваться в картинку, которую я пытался осмыслить. Наконец, через две недели после того, как я сел в ту машину, я осознал, что попал в аварию. Минди объясняла мне это снова и снова, а я ей долго не верил. Но в больничной палате в Бристоле я все-таки принял это. Я чувствовал свою вину за аварию. Может, я сделал что-то не так? Может, все случилось из-за меня? Я поехал слишком быстро? Но теперь я хотя бы поверил тому, что говорила Минди. И разобраться в случившемся было уже проще.

В конце концов оказалось, что принять все не так уж и сложно. Если последнее, что ты помнишь, — это рев двигателя, а потом ты мчишься в драгстере со скоростью 300 миль в час… то нечего удивляться, что ты через пару недель выходишь из комы в больнице. Куда труднее, если больной выходит из комы и не узнает женщину, про которую все говорят, будто это его жена, а

он помнит только, как мальчишкой ездил на велосипеде за хлебом. Мне было легче: я получил травму при столь необычных обстоятельствах, что мне легче было примириться с действительностью.

Минди была со мной постоянно, и я привык рассчитывать на нее, как рассчитываешь на воздух и воду. Она не просто поддерживала меня, она была моей опорой, моей защитой. Она была моим переводчиком, помогала мне освоиться в одолевавших меня чувствах. Могу только представить, чего ей это стоило. Когда она уходила, я не мог справиться ни с чем. Ей приходилось жить за нас обоих.

До этого я попадал в больницу только однажды — шестилетним мальчишкой. Провел там несколько дней — мне делали операцию на ухе. На меня волнами накатывали воспоминания об одиночестве, о тоске по дому. В той больнице был старый водопровод, и в трубах по ночам что-то завывало. Три десятка лет спустя я вспоминал по ночам эти завывания. Я крепко спал и вдруг почему-то просыпался, лежал тихонько и вспоминал страхи, мучившие меня в шесть лет.

Когда я бодрствовал, то беспрестанно уговаривал врачей отпустить меня домой. Мне хотелось вернуться в ту жизнь, где я уходил на работу, а потом возвращался домой к Минди и девочкам. Память у меня еще не восстановилась. Я понимал, кто я, узнал детей, узнал родителей и братьев. Но про сегодняшнее я помнил только несколько минут. Поэтому я постоянно путался, это меня изводило, а я изводил окружающих.

Минди

Поездка очень утомила Ричарда. Я тоже устала. Пришел Рик Нельсон, нейрохирург.

Рик — человек удивительно спокойный, с мягким голосом. Он покорно слушал возбужденный рассказ Ричарда и все время поглядывал на меня. Он пытался оценить, насколько трезво рассуждает Ричард, и сразу догадался, что это — не настоящий Ричард. В конце беседы Рик извинился и попросил у Ричарда разрешения побеседовать со мной с глазу на глаз, узнать мое мнение. Разрешение было получено.

Я была союзницей Ричарда, и если бы я вдруг переметнулась, он бы потерял ко мне всякое доверие. Рик нашел отличный выход. Мне было очень трудно обсуждать состояние мужа у него за спиной. Я чувствовала себя предательницей, однако понимала, что врачам нужно знать каждую мелочь.

Рик сразу нашел у Ричарда все хрестоматийные признаки. Он очень хотел всем доказать, что полностью поправился, при этом вопрос о том, в каком городе он сейчас находится, приводил Ричарда в замешательство.

Мне было больно обсуждать его психическое состояние. Ричард человек очень умный, однако мысли у него путались. Врачи сравнивали его состояние с каталожным ящиком, который уронили на пол и все карточки разлетелись в разные стороны. Мы пытались помочь ему их собрать. Это дело непростое и долгое, тут главное — запастись терпением. И еще был нужен отдых. Мозг Ричарда перенапрягся, и лучшим лекарством был сон. Если перетруждать мозг, объяснил Рик, это отбросит Ричарда назад, и тогда уже трудно будет что-либо сделать.

В Бристоле моя жизнь текла совсем иначе. Я каждую ночь проводила с Ричардом, но мы были гораздо ближе к дому, к девочкам, и мне надо было уделять внимание и им. Ричард подолгу спал днем. Тогда я мчалась домой и возвращалась поскорее — чтобы он не слишком беспокоился. Не все шло гладко. Иногда мне звонили из больницы еще до того, как я успевала добраться до дома. И когда я занималась с девочками, я все время думала о том, что мне надо поскорее вернуться к Ричарду. Я все меньше успевала читать детям на ночь, и прощаться с ними становилось все труднее. Они звонили папе, желали ему спокойной ночи, и я тут же уезжала. Выбегала из дома и неслась к машине.

В дороге я говорила по телефону. Телефонов у меня было два. Один всегда стоял на подзарядке. Я слушала сообщения,

отзванивала тем, кому успевала. Разговоры были короткими. Многие друзья хотели знать, как он себя чувствует, но первым делом я всегда звонила родителям Ричарда. А потом маме. Разговоры с ней всегда меня поддерживали, придавали сил.

Иногда накатывала усталость, но тут уж мне помогали сила воли и желание поскорее оказаться с Ричардом. Это как когда оставляешь ребенка с милыми, но чужими людьми.

Ричард

Посттравматическая амнезия — отличное лекарство от скуки. Я мог по десять раз читать одну и ту же газету, всякий раз забывая, что читал ее всего несколько минут назад. Находил в больничном меню картофельную запеканку с мясом и радостно сообщал, что обожаю ее. А когда ее приносили, я успевал забыть, что сам ее и заказал, радовался тому, что принесли мое любимое блюдо, и удивлялся, откуда в больнице про это узнали.

К тому времени, когда я понял, что такое посттравматическая амнезия, я уже почти избавился от нее. Но оставался страх — я боялся доверять своим ощущениям, и это было ужасно. Чем больше я осознавал, тем больше пугался. На этом этапе я уже понимал, что что-то не так, но не знал, как это исправить, не знал, как это на меня влияет. Ведь я вполне мог все себе вообразить. Но я хотя бы осознал, что попал в аварию, что нахожусь в больнице, что могу поправиться. И я по-прежнему очень хотел домой.

Врачи входят к тебе в палату с особым выражением лица — немного усталые и немного настороже. Стоило врачу переступить порог, я тут же начинал болтать без умолку — пытался доказать, что выздоровел и пришел в себя.

— Доброе утро, Ричард. Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, нормально. Гораздо лучше. Правда, погода меня беспокоит — по-моему, надвигается антициклон.

Я делал взмах правой рукой — показывал на окно. Которое было слева.

— Вы знаете, что лебеди — однолюбы?

— Нет, Ричард. А вы знаете, какой сегодня день недели?

— Нет.

Я действительно этого не знал. Мог отчетливо вспомнить то, что случилось много лет назад, но никак не мог ухватить настоящее. Никак не мог обрести ощущения времени и места. Факты и мысли все время ускользали. Я начал осознавать, что со мной что-то не так, что я не могу чего-то понять. И меня это пугало. У меня была мозговая травма. Это повлияло на мой рассудок. Может, и о своей мозговой травме я думаю неправильно. А еще я не знал, какой сегодня день недели. И где я нахожусь. И почему. Я был там, потому что получил мозговую травму, и все вокруг пытались мне помочь. Я так пугался, когда не мог ответить на вопрос, на который должен был знать ответ, что мне становилось еще хуже. Я беспокоился еще больше, потому что знал, что не могу сделать что-то очень простое.

Никогда не забуду, как я боролся со спутанностью сознания. Я был сосредоточен исключительно на себе — как карапуз, который не понимает, что в мире помимо его воли есть какая-то еще. Я был центром собственной вселенной, и все остальные тоже должны были вращаться вокруг меня. Оказалось, что это важный опыт, и с тех самых пор я совершенно иначе отношусь к людям, у которых по разным причинам путается сознание.

Порой это бывало приятно. Например, я спрашивал, что будет на ланч, хотя заказал его за пять минут до этого. Больше всего переживали те, кто был со мной рядом. Куда труднее видеть, что любимый человек не в себе, нежели спрашивать у медсестер, где тут ближайший бар. Но бывали и вспышки сознания, и тогда становилось по-настоящему страшно. Поэтому-то я так сочувствую тем, кто так же пострадал и чьи прогнозы не столь утешительны.

Когда я пришел в состояние, близкое к нормальному, на меня стали накатывать лавины чувств. Когда мы только попали в Бристоль, меня стала мучить совесть. Я осознал, сколько боли и страданий доставил Минди, моим дочкам, братьям и, разумеется, родителям.

Мне хотелось повидаться с родителями, объяснить им, что я ни в чем не виноват, просто что-то сломалось в машине. Мне хотелось попросить у них прощения, сказать, чтобы они за меня не беспокоились. Это было как в детстве, когда я падал с велосипеда и страдал не только от боли, но и от угрызений совести — я ведь этим причинял боль и своим родителям. Помню, как-то раз я пришел домой с разодранной рукой. И помню, какое лицо было у мамы.

Каково же ей было сейчас? Теперь я на себе испытал, что чувствуют родители, когда их ребенку больно. Я лежал в больнице, одновременно ощущая себя и десятилетним мальчишкой, и отцом. Мне так и не удалось рассказать об этих чувствах родителям — я пытался, но у меня не получалось. На меня навалился такой груз вины, что казалось, он меня раздавит в лепешку. Вину испытывают многие из людей, оправляющихся после травм — душевных и телесных. Позже меня накрыла вторая волна — я мучился от того, что мне повезло, а многим — нет. Я лежал без сна и думал о том, что я пережил кошмарную аварию и выкарабкался, а некоторые получают куда более тяжелые увечья, просто свалившись с лестницы. И вину эту я испытываю до сих пор. А тогда, в бристольской больнице, я винил себя только за то, что доставил столько беспокойства родителям, братьям и жене.

Когда память стала возвращаться, встала еще одна проблема — чем занять время. Но я вовсе не мечтал, лежа на больничной

койке, поскорее вернуться на работу. Я вообще не понимал, что это такое. Я знал, что работа — это то, чем я занимался, пока жил в реальном мире, понимал, что я взрослый человек, у меня жена и дети, что работа дает мне возможность платить за дом, в котором мы живем. Но я не мог понять, как я могу работать. Я хотел играть. Это был регресс — я чувствовал и думал как ребенок.

Шел дождь. Я рассматривал машины внизу — их цвета, формы. Мне захотелось провести рукой по их металлическим кузовам, мокрым от дождя. Мне хотелось выйти в мир, вспомнить, каково там. Но больше всего я мечтал сходить в магазин — что-нибудь купить. И просто поглазеть на вывески и витрины.

Я вспомнил, как меня мальчишкой повезли в торговый центр в Бирмингеме. Мне надо было купить ботинки к школе. По пути нам встретился киоск с портфелями. Я восхищался их глянцевыми боками, а мама разговаривала с продавцом. И вдруг я оказался у лотка, где торговали едой. Это меня не интересовало. Я думал, как вернусь домой и соберу из «Лего» бэтмобиль. Я все думал, из чего сделать стальной нож на носу, который мог перерезать любую проволоку. И еще мне пригодилась бы проволока, та, которой папа подвязывал кусты. Но главное, конечно, это крылья.

Меня позвали мама с Энди. Пора было идти. И картинка вмиг поменялась. Теперь я был в Солихалле, рядом с домом. Я оказался на Мэл-сквер, где в центре площади бьет большой фонтан. Мы бежали по бортику фонтана, кричали, смеялись. Мама тоже смеялась.

Я отвернулся от окна, оглядел свою палату. Как же мне хотелось на улицу! Хотелось пойти в магазин, купить новый набор «Лего». Самое приятное — достав кубики из шуршащих пластиковых пакетиков, собирать модель с картинки. Точно! Мне нужно «Лего». С ним прошло мое детство. Я все свободное время собирал машины и мотоциклы своей мечты. И мои творения отправлялись в путешествия по джунглям под журнальным столиком или в мрачное ущелье, находившееся в темном углу между папиным креслом и стеной. Я понимал, что я уже не десятилетний мальчик, что мне тридцать шесть лет и я лежу в больнице. Но я знал, что, поскольку я больной, мне разрешено делать то, что доставляет мне удовольствие.

Нам, взрослым, редко выдается время подумать о себе и о своей жизни. В моем тогдашнем положении я мог часами размышлять о жизни и о своем месте в ней. Но, возможно, чтобы окончательно прийти в себя, нужно было вернуться в прошлое, вспомнить, кто я есть.

Пришел доктор Джон Холлоуэй. Я уже узнавал его и запомнил его имя. Мне нравилось с ним беседовать — он был человек спокойный и уверенный в себе. Мы обсудили мое самочувствие. Он взял со стола молитвенник, присланный каким-то доброжелателем.

— Вы это читаете? — спросил он.

— Ну, иногда заглядываю. — Мне хотелось показать, что я человек с духовными запросами. Короче, как всегда, похвастаться.

Он продолжал меня выспрашивать. Я молчал. Джон ждал.

— Мы стараемся не упускать из виду вспышки энтузиазма, которые бывают у пациентов на этой стадии, — сказал он.

— Нет, я не ударился в религию. Если вы это имеете в виду.

— Ясно, — с облегчением вздохнул он.

У нас с ним были вполне доверительные отношения, мы обсуждали, как подобные аварии могут влиять на человека. Мне эти разговоры нравились, а Джон, по-видимому, определял, как идет процесс выздоровления. Он рассказал мне, что навязчивые мысли или желания могут возникнуть невесть откуда. Человек вдруг хочет отдать все свои деньги, сменить работу или ударяется в религию. Очень часто люди, побывавшие на пороге смерти, возвращаются к жизни с новыми устремлениями. Я бы с удовольствием побеседовал на эту тему еще, но Джон, видно, решил, что время еще не пришло. Он попрощался и ушел. А я заснул крепким сном.

Пришла Минди. Я проснулся. Мы поговорили о том, что происходит в мире. Минди рассказала, что моя авария наделала много шума. Я не помнил, как она показывала мне газеты, а врачи считали, что не нужно слишком меня нагружать. Статьи про то, как я чудом избежал смерти, могли мне навредить.

Я знал, что ребята из «Топ Гир» навещали меня в Лидсе, но этого я тоже не помнил. Мы с ними были настоящей командой. И шутили, что работаем мы на игровой площадке для взрослых. И вот один из нас здорово расшибся на этой площадке. Все хотели знать, как себя чувствует их товарищ. Для меня много значило то, что они приехали.

В больницу мешками приносили письма, открытки, подарки от тех, кто переживал за мою судьбу. Каждый день Минди приносила немного. И вот настал момент, когда я смог сам их читать. Я не чувствовал себя знаменитостью, которая купается в восхищении людей, которых никогда не встречал. Я читал их как человек, который лежит в больнице и которому тысячи друзей искренне желают поскорее выздороветь.

Было много писем от тех, кто побывал в похожей ситуации. Они охотно делились опытом с товарищем по несчастью. Один

парень получил травму, упав с мотоцикла. Судя по письму, он был из тех, кто больше всего любит скорость и риск.

Однако ведущему «Топ Гир» он писал не о том, с какой скоростью он несся. Он писал, что не надо бояться мозговой травмы. С ним случилось то же самое, и он поправился. Как же мне это помогло, как утешило! Мне писали тысячи людей со всего света, писали с заботой и любовью. Эти письма помогали мне вернуть уверенность в себе и своих силах. И у меня болит душа о тех, кто куда больше заслужил такую поддержку, но не получил ее.

Минди принесла коробку «Лего», которую купил мне Джеймс Мэй. Это была модель зеленого трактора. Пакетики с кубиками выглядели так же, как в моих мечтах. Инструкции оказались для меня довольно сложными, и мне пришлось сосредоточиться. Уж не знаю, что думала Минди, когда я с головой погрузился в занятие, рассчитанное на тех, кто лет на тридцать меня младше. Люди приходили и уходили, а я все собирал трактор. Доктор Холлоуэй сказал, что раз мне нравится «Лего», что ж, пусть я в него играю. И еще он сказал, что строить по двухмерным картинкам трехмерные конструкции мне даже полезно. Это поможет мне лучше ориентироваться в пространстве, поможет сосредоточиваться. Это-то я и мечтал услышать. Я попросил Минди купить еще «Лего», и она, радуясь моему энтузиазму, тут же помчалась в магазин.

Минди

Ричарду до чертиков надоела палата.

— Мне нужно выйти. Мне очень хочется просто пройтись по магазинам. Ну прошу тебя!

Ричард ненавидит ходить по магазинам. И всегда старается увильнуть от этого занятия. Так почему же теперь его туда так потянуло?

Он согласился дать мне список того, что ему нужно. В списке были журналы «Классические авто» и «Классические мотоциклы», ручка и бумага — писать письма, набор «Лего».

Я отправилась в огромный торговый центр на окраине Бристоля. Первые три просьбы я выполнила сразу. А вот «Лего» никак не могла найти. Отыскала только в «Бутсе», в детском отделе, два более-менее подходящих набора.

Еще десять минут я провела в кондитерской — покупала обожаемые Ричардом шербет, мармелад, рахат-лукум. И все время поглядывала на часы — время летело слишком быстро. За час мне нужно было вернуться к Ричарду, обиходить его и умчаться домой.

На глазах у изумленных покупателей я пулей выскочила из магазина. По дороге в больницу я от души костерила водителей, которые ползли как черепахи. Наконец я добралась до больницы. Мы с Ричардом рассмотрели покупки, попили чаю, и мне уже было пора отправляться в Глостершир.

Ричард

Через несколько дней вся палата была завалена коробками с «Лего» — практически превратилась в магазин игрушек. Нет, в лабораторию испытания «Лего». И главным сотрудником этой лаборатории был я. Я как раз собирал корабль, когда пришли Минди с девочками. Я спросил, не хотят ли дочки ко мне присоединиться, и они с радостью согласились.

Мне было хорошо рядом с Иззи и Уиллоу. Я знал, кто я и зачем я здесь. Я был их папой, который получил травму и поэтому лежит в больнице. Я не задумывался о времени, пока Минди не сказала, что уже поздно и девочкам пора домой. Мы обнялись на прощание, и я вышел с ними в коридор. На ногах я держался еще не очень твердо, но не хотел этого показывать. Лифт пришел слишком быстро. Мы улыбнулись друг другу, и двери стали закрываться.

Я успел заметить, как Иззи подняла глаза на мать. Она была готова расплакаться. Ей было всего шесть лет, она скучала по папе, боялась за него. По дороге в палату я тоже плакал.

Минди

Едва двери лифта закрылись, Иззи разрыдалась. Я тут же склонилась к ней. Похвалила ее за храбрость. Она на самом деле меня изумляла. Иззи чувствовала, как и чем она может помочь папе. Она даже взяла себя в руки и, когда мы вышли на улицу, весело помахала Ричарду, смотревшему на нас из окна. Уиллоу сделала то же самое. Мы с Элей шли сзади и плакали. Уиллоу, к счастью, наших слез не заметила.

— Молодец, Иззи, — похвалила я старшую.

Она молча кивнула. По щекам ее снова текли слезы.

— Иззи, ты в порядке? — спросила Уиллоу.

Иззи снова кивнула. Мы поехали домой. Все вместе, только без папы. Иззи было тяжело, но она все понимала. А я снова и снова повторяла:

— Иззи, он поправится. Даю тебе слово.

Она кивала, плакала, обнимала меня. Но она девочка упорная, и она мне верила. Она взяла на себя ответственность за Уиллоу, решила быть сильной ради маленькой сестры.

Когда-нибудь она осознает, что ей пришлось пережить, удивится своей силе духа и, может быть, поймет, почему она стала такой. Я знаю только одно: маленькая девочка решила стать больше чем дочкой, она стала Ричарду другом.

Как же было чудесно оказаться с ними дома! Мы въехали в ворота, я услышала, как лают на кухне собаки, и поняла, что скучала по их лаю.

Эля открыла дверь, мы выпустили собак. Они завиляли хвостами, Ти-Джи лизнула меня в руку, Капитан прыгнул на меня, Пабло залаял, а Крузо истошно завыл. Все они старались показать, как они мне рады. Уиллоу с Иззи рассмеялись.

— Минди, они по тебе истосковались, — улыбнулась Эля.

Мы с девочками отправились с ними погулять, и они радостно понеслись на холм.

Мы отправились навестить Хэтти, нашу огромную дворовую собаку. Она тут же легла на спину — чтобы ей почесали пузо. Хэтти — сторожевая собака, и всю предыдущую неделю она старательно облаивала незваных гостей, толпившихся у ворот. Она была раза в три больше Уиллоу, но с детьми вела себя как овечка. Она считала их своими детками и очень серьезно относилась к роли защитницы.

Когда дети уезжали, она умолкала и ждала их возвращения, лежала в будке и смотрела на ворота — не появится ли машина.

Эля на скорую руку приготовила девочкам ужин, а я пошла

наверх — собирать одежду для Ричарда. Иззи увидела чемодан и расстроилась.

— Мам, ты что, опять уезжаешь? — Она обхватила меня за ноги.

Мы с ней ушли в холл, чтобы Уиллоу нас не увидела, сели на ступеньку. У нас был «взрослый разговор». Мы говорили о папе, о его здоровье, о том, почему я должна быть с ним рядом.

— Я скучаю по папе, — всхлипнула Иззи. Но все поняла.

— Папа тоже по тебе скучает, детка. Но мы поможем ему поправиться, правда?

Она кивнула, вытерла слезы:

— Мамочка, я так тебя люблю!

Я даже не пыталась сдержать слезы. Но она сделала вид, что не заметила их.

Мы спустились вниз, сели ужинать с Элей и Уиллоу. И тут позвонили из больницы. Мне нужно было опять уезжать.

Ричард

Мне, как и многим людям, в больнице плохо. Но здесь, в Бристоле, я приноровился к новому распорядку, привык к нему. И мне стало намного легче. Я просыпался, болтал с медсестрами, завтракал, играл в «Лего». Потом приносили ланч. Я ел, спал несколько часов, играл в «Лего» и ждал, что принесут к чаю.

В каком-то смысле я снова стал десятилетним мальчишкой. И скучал по своим братьям так, как не скучал лет двадцать. Мне хотелось, чтобы они сидели на полу со мной рядом и собирали очередную конструкцию из «Лего». У них была сложная взрослая жизнь, а я вернулся в детство, и мне не хватало двух лучших друзей.

С тех пор я не раз разговаривал с ними, и оказалось, что они испытывают те же чувства. Что бы с нами ни происходило, в глубине души мы остались сорванцами, которые гоняли на велосипедах по Треугольнику, рыли землянки в поле за домом, играли в машинки. Они много раз навещали меня в больнице, но о первых посещениях я не помнил ничего. А потом я смотрел на них с недоумением. Не мог понять, что это за взрослые дядьки и куда подевались мои братья.

Но эти мысли быстро прошли. Я отлично умел отвлечься. Целый день я собирал модель бэтмобиля, купленного Минди. Пришел доктор Холлоуэй, поинтересовался, как продвигаются дела. Я стал объяснять, что есть трудности. По его вопросу я решил, что он тоже собирает бэтмобиль, и хотел помочь ему советом. Только через несколько минут я сообразил, что он шутит. И впервые за долгое время смутился. А это было само по себе хорошим признаком.

Когда-то мне посоветовали заниматься спортом. И я стал бегать каждый день, поэтому, несмотря на полученную мозговую травму, я был в неплохой физической форме. Но я сильно похудел — ведь две недели меня кормили только через капельницу.

Мне предложили походить в больничный спортзал, и Минди привезла мой спортивный костюм. Женщина, занимавшаяся лечебной физкультурой, была очень дружелюбна, и я решил похвастаться тем, как поднаторел в йоге. Но, увы, у меня ничего не вышло. Она спросила, не хочу ли я попробовать станок для гребли. Я радостно согласился. Через четыре минуты я был практически без сил. Оказывается, физическую форму легко потерять. Свою я потерял, загремев на больничную койку. Но как же было здорово начать заниматься.

Мне впервые представилась возможность преодолеть себя. Врачи считали, что физкультура пойдет мне только на пользу. Станок для гребли безумно скрипел. И я несколько дней беспокоился, не мешаю ли я скрипом другим пациентам. Мне было тяжело, но я греб и греб. Минди как могла подбадривала меня, терпеливо выслушивала мои рассказы. Я уже греб по семь минут, и мне разрешили перейти на беговую дорожку.

Я мечтал в одиночестве пробежаться по парку. Тренеры устанавливали параметры на тренажере, а я представлял себе усыпанные золотой листвой дорожки, вдыхал ароматы осени.

Я собирался покинуть больницу. Врачи разрешили, но домой мне было не вернуться. Мне объяснили, что дом оцепили репортеры и телевизионщики, и врачи опасались, что для меня это будет слишком сильным стрессом. Я только-только начал приходить в себя, и рисковать не стоило. Врачи не могли предсказать, насколько вероятны припадки или какие-то иные осложнения. Однако статистика имелась.

Описаны и исследованы тысячи случаев, и делается это и ради самих больных, и ради тех, кто еще может оказаться в таком состоянии. Так вот, по статистике в случаях, подобных моему, опасаться надо прежде всего перевозбуждения. Для меня любая перемена обстановки могла обернуться стрессом, и оказываться под объективом камер мне никак не стоило. Однако доктор Холлоуэй понимал, что мне надо потихоньку начинать общаться с миром.

Так что был разработан план. Нам надо было незаметно перебраться в какое-то другое место. Минди нашла подходящее. И через пару дней нам предстояло туда отправиться.

Эта таинственность меня раздражала. Никто не должен был знать, куда мы едем, даже друзья, потому что, если бы все открылось, оказалось бы, что кто-то в этом виноват. Мы не хотели обременять кого-нибудь секретом, который и так мог раскрыться.

Мне сказали, что нас предупредят с вечера, а уедем мы утром. Мне нужно было только заранее собрать вещи. И я каждый день собирал и разбирал сумку — находился в состоянии полной готовности.

Минди

Ричарду давали все меньше лекарств. Состояние его улучшалось, он все меньше спал, занимался физкультурой уже по два раза в день. В основном это были пилатес и аэробика, а также несколько упражнений по релаксации. Ему отлично помогали — врачи и тренеры радовались малейшему достижению, помогали ему набрать силу.

Ричард набирался не только физических сил, но и оптимизма. Физические нагрузки всегда действовали на него положительно. Я и раньше, когда он хандрил, советовала ему сходить в спортзал или на пробежку. И всякий раз он возвращался бодрым и счастливым. Сейчас о бодрости говорить было рано, но его тело вспоминало все, что умело раньше. Он стал более подвижным, и ему сократили количество уколов. После инъекций, препятствующих свертыванию крови, у него весь живот был в синяках.

Рик Нельсон, побеседовав с ним, отметил, что Ричард стал гораздо лучше оценивать свое состояние. Он лучше понимал, что с ним произошло, какого прогресса он добился, и это было хорошим знаком.

Ричарда познакомили с доктором Джоном Холлоуэем, директором местного реабилитационного центра для больных с мозговыми травмами. Ричарду он понравился с первого взгляда, и он тут же включил свое обаяние. Но Джон отлично умел отмести все лишнее и знал, как вывести пациента на разговор по душам. Он рассказал Ричарду о том, насколько серьезно его заболевание, но сделал это так, чтобы не вызвать в Ричарде ненужной тревоги. Послушав их разговор, я успокоилась — Джон сумел подобрать ключ к Ричарду. Он помогал нам несколько месяцев. К нему можно было обратиться и днем, и ночью, и его поддержка была для нас неоценимой.

Каждый раз, когда я выходила из больницы или входила в нее, меня встречали несколько фотографов. Они держались уважительно, в больницу проникнуть не пытались. Так же деликатны были и фотографы у нашего дома. Они просто ждали, когда появится Ричард. Но мы все равно смертельно устали от внимания прессы. У меня не было времени проверять, соответствует ли информация, которую поставляют журналистам, истине, и меня это тревожило. К агенту Ричарда обращались многие издатели — всех интересовала история Ричарда, и я никак не могла решить, что делать. К счастью, меня связали с человеком, который знал, что делать. Гэри Фэрроу, специалист по

связям с общественностью, стал для нас палочкой-выручалочкой. Поначалу он занимался только общением с прессой, но когда состояние Ричарда улучшилось, его роль изменилась.

А Ричарду уже не терпелось сменить обстановку. Он начинал злиться, и оставаться в больнице ему было бы просто вредно. Здесь была одна сложность: как перевезти его, не привлекая внимания прессы. От вспышек фотоаппаратов у него вполне мог случиться эпилептический припадок. А уж если бы он оказался дома, журналисты вполне могли бы устроить настоящую осаду.

Врачи посоветовали мне найти какое-нибудь тихое местечко, где Ричард мог бы расслабиться. Они поставили только одно условие: никаких долгих перелетов. Мы с Гэри подумывали об Ирландии, но это было слишком сложно. В Озерном крае почти не осталось по-настоящему уединенных мест. И тогда мы выбрали Шотландию. Домик в горах.

Это была отличная идея. Но действовать следовало осторожно. В наш план мы не посвящали никого, даже Ричарда — не дай бог, пронюхают журналисты.

Гэри собрал отряд бывших спецназовцев. Операция «Джойстик» предполагала следующее:

Чтобы сократить количество посвященных в операцию людей и свести до минимума вероятность быть замеченными третьими лицами, мы планируем отправить порознь членов семьи и сам объект на условленное место, откуда они будут доставлены на трейлере «уиннебаго» к пункту конечного назначения.

Один сотрудник будет отправлен вперед. Он наймет машину, которую можно будет использовать в случае, если «уиннебаго» не сможет проехать к пункту конечного назначения. Радиосвязь должна быть обеспечена на протяжении всей операции.

Труднее всего было держать все это в секрете от самого Ричарда, но это было необходимо — он непременно разболтал бы, что собирается уезжать.

В пятницу вечером мне нужно было быть дома. Уезжала Эля. Она и так задержалась на две недели, но ей пора было возвращаться в Польшу. Ричард понимал, что мне обязательно нужно с ней попрощаться и остаться с девочками. Правда, он рассчитывал, что я привезу девочек в субботу, но в субботу у меня дома должна была собраться вся наша группа для последнего совещания. В воскресенье вечером мы должны были уехать. Так что я сказала Ричарду, что мы уедем в понедельник с утра, и взяла с него слово молчать.

Я позвонила маме Ричарда и предупредила ее, что мы «ненадолго исчезнем», попросила ее купить еще один мобильный и дать мне номер. Я намеревалась сделать то же самое. Общаться

мы с ней собирались по «секретным» телефонам.

В воскресенье днем к Ричарду должен был приехать его брат Энди. Я надеялась, что это отвлечет его.

Суббота. К нам домой прибыли два человека, отвечающих за операцию. Их сопровождали несколько машин — в задачи остальных участников операции входило контролировать обстановку. Журналисты засели в соседнем лесочке с длиннофокусными объективами и фиксировали все. Наши ребята собирались отыскать их. Я встретила своих сообщников так, будто это были мои давнишние друзья. Мы сидели на кухне, пили чай и обсуждали детали нашего плана.

Воскресенье. Днем приехала дочка одного из ребят. Эта восемнадцатилетняя девушка должна была сыграть важную роль. А пока что она познакомилась с Иззи и Уиллоу, поиграла с ними и на прощание пообещала, что скоро снова появится.

Я купила запас корма для собак, кошек и пони, написала записки соседям, которые должны были присматривать за домом и живностью, и стала собирать вещи. Девочки играли в саду.

В воскресенье вечером я, как обычно, уложила девочек спать, а сама принялась носиться вверх-вниз с сумками и чемоданами. Команда уже заняла положение у дома. Они удостоверились, что за домом никто не наблюдает. А другие члены нашей группы прочесывали местность вокруг бристольской больницы.

В одиннадцать вечера ребята подогнали внедорожник к задней двери и стали грузить приготовленный мной багаж.

Тогда девушка, которая уже появлялась днем, помогла мне разбудить Иззи и Уиллоу.

— Девочки, мы едем в путешествие! — сообщила я.

Они были сонные и счастливые. Мы усадили их на детские сиденья, запустили в машину Капитана и Ти-Джи. За остальными собаками должны были присмотреть наши соседи и друзья, которые любезно предложили свою помощь.

Я объяснила девочкам, что съезжу за папой и скоро мы все встретимся. Они не волновались, не задавали вопросов и с радостью отправились навстречу приключениям. Ведь в них должен был участвовать и их обожаемый папочка.

Я села во вторую машину, и мы поехали к автостраде. Первая машина отправилась на север, где на одной из заправок их должен был ждать «уиннебаго». Нам еще предстояло заехать в больницу Бристоля.

За пятнадцать минут до прибытия я позвонила медсестре и предупредила, что мы скоро будем.

— Он спит, — сказала она. — Будить его?
— Нет, спасибо, я сама его разбужу.
Я отлично знала Ричарда и понимала, что он не спит.

Ричард

Это было даже лучше, чем Рождество для пятилетнего мальчишки. Через несколько часов мне предстояло отправиться в мир — как будто впервые. Я лежал на больничной койке, и меня била дрожь — так я был возбужден. В тот день ко мне заезжал мой брат Энди. Мы отлично провели время: он поиграл со мной в «Лего», и я под страшным секретом рассказал ему, что завтра мы уезжаем, но об этом не знает никто, даже сотрудники больницы.

Я полностью доверяю своим друзьям и родственникам. Им достаточно было знать, что мы отправляемся в надежное место, что врачи этот план одобрили, а если мне вдруг понадобится помощь, ее тут же окажут. Позже я понял, что надо было просто сказать, куда мы едем. Но врачи настаивали на конспирации. А это только усиливало мою паранойю.

Когда наконец раздался стук в дверь, он меня не разбудил. Я и так бодрствовал, лежал с открытыми глазами, напряженный — как лыжник на старте трассы. Но я не вскочил с кровати, а спокойно спросил:

— Что, уже пора?

— Да, идем.

Я схватил сумку, в которую засунул сколько мог «Лего» и одежду. Больше брать было нечего. Мы вышли в коридор. Нервы у меня были напряжены. Все напоминало мне то ли сцену из боевика, то ли детство, когда меня рано утром увозили на отдых. Мы шли по коридору, и Минди держала меня за руку.

Я почему-то догадался, что одетый в темное человек, который нас сопровождал, не думает ни о боевиках, ни о детстве. Он отлично знал дорогу и шел так, что сразу было понятно: в его жизни бывали такие ситуации, когда неверно сделанный шаг приводил к серьезным осложнениям.

Мы прошли вестибюль и оказались на улице. Ветер ударил мне в лицо. Мне захотелось раскинуть руки и побежать. Но я сдержался. У входа нас ждала машина, задняя дверца была открыта. Я взглянул на небо, на силуэты домов, вдохнул прохладного ночного воздуха и забрался в салон.

— Девочки нас ждут, Ричард. С ними все в порядке. И еще они прихватили с собой пару собак.

Я пребывал в радостном возбуждении. Для меня был важен каждый миг, я хотел запомнить все. Однако, оказавшись в машине, я заснул буквально через мгновение и проснулся, только когда мы нагнали трейлер. Я вышел, как мужчина взял свою сумку и передал ее кому-то.

Девочки сидели в трейлере на диване. С ними были Капитан и Ти-Джи. И мир вдруг снова стал разноцветным — я оказался дома, со своими девочками. Я обнял их, и они с восторгом кинулись показывать мне, что есть в трейлере. Они показали мне большую спальню сзади, свои койки и шкафчики наверху, показали, какое место выбрала себе Ти-Джи.

Минди внимательно за нами наблюдала. Она была со мной на первом этапе выздоровления, а теперь мы подошли к следующему. Я устал, но так перевозбудился, что не мог заснуть. Минди села со мной рядом на диван, девочки заснули. Ти-Джи устроилась в ногах — охраняла их сон.

Мы разговаривали о жизни, которая нас ожидала, о том, как все изменится. Врачи уверили нас, что я восстановлюсь полностью, но это процесс мучительный и долгий. Но пока что об этом мечтать было рано: я был так слаб, что даже не мог вообразить, что когда-нибудь приду в норму. Однако мы с Минди договорились, что раз уж нам представилась возможность продолжить нашу совместную жизнь, мы сделаем для этого все, что в наших силах.

Мы поблагодарили ребят, которые доставили нас к трейлеру. Нам представили двух водителей, которые должны были отвезти нас в Шотландию, в горы.

Врачи объяснили, что избыток внешних раздражителей может привести к судорогам. Я закрыл глаза и стал ждать. Я понятия не имел, каково это — перенести эпилептический припадок. Я оглядел спальню. По бокам были окна, и через жалюзи можно было разглядеть огни на трассе. Минди взглянула на меня:

— Спи, дорогой.

За последние недели я почти привык к страху, но от этого ощущения не стали приятнее.

— Минди, я волнуюсь. Говорят, мигающие огни могут вызвать эпилептический припадок, даже если видишь их на экране телевизора. Если так могут реагировать обычные люди, сидящие у телевизора, то что же будет со мной? — раздраженно сказал я. — А здесь, — я обвел рукой спальню, — огни только и мерцают.

Минди задвинула шторки на окнах. В полумраке Минди посмотрела на меня.

— С тобой все будет хорошо. Врачи сказали, все у нас получится. Тебе нужно поспать. Помнишь, они сказали, что опасность возрастает вместе с усталостью? Ложись.

Она сняла покрывало, отошла в сторонку.

— Извини, я просто испугался. Обидно пройти такой длинный путь и…

Я умолк. Я понимал, что сон мне необходим. Закрыл глаза, но заснуть никак не мог. Я лежал и ждал, когда начнется припадок, прислушивался к своему организму, нет ли чего необычного.

Наш трейлер подбросило — видно, попалась выбоина на дороге. Я откинул одеяло и встал.

— Не могу спать. Наверное, я зря на это пошел.

— Ты что, хочешь вернуться?

— Господи, конечно, нет! Просто… Нет, это глупость. Они же сказали, никаких вспышек света, никакого резкого шума. Но когда трейлер наезжает на какую-нибудь неровность, он так грохочет! У меня случится этот идиотский припадок, и я на всю жизнь останусь таким. Отберут водительские права, нам не на что будет жить. Почему нельзя было полететь самолетом? Кому есть дело до того, что парень из программы про машины, который стукнулся головой, сел в самолет? Что ты устроила!

Она стояла, держась за косяк. Я винил ее во всем. Врачи предупреждали, что у больных с мозговой травмой бывают вспышки гнева. Наверное, это со мной и происходило. Мы оба это понимали, и поэтому я злился еще больше. Я злился не потому, что ударился головой, а потому, что меня все хотели убить, все хотели свести на нет ту огромную работу, которую я над собой проделал. Все шло не так — оттого, что люди действовали не подумав.

— Дорогой, прошу тебя, поспи.

Голос у нее был нежный и ласковый. Я натянул одеяло на голову, чтобы не видеть отблесков огней, и ждал, когда случится припадок. Интересно, как это будет? Поймет ли это Минди или я просто скорчусь в судорогах и умру? Наш трейлер несся вперед, мы ехали из одного мира в другой.

Минди

Девочки лежали, прижавшись друг к другу, на диване, в ногах у них пристроилась Ти-Джи.

Ричард никак не мог заснуть — боялся припадка. Окна были занавешены почти наглухо, но это его не успокаивало. Я понимала, что убеждать его бессмысленно. Наконец он улегся, накрывшись одеялом с головой.

Я вышла из спальни и поняла, что он вышиб сдвижную дверь из полозьев. Я попробовала поставить ее на место, но Ричард, услышав шум, сердито заворчал. Однако мне нужно было быть рядом с Ричардом. Лечь с ним я не могла — дверь стала бы хлопать. Выход был только один. Я вставила руку между дверью и стенкой, уперлась ногой в противоположную стенку — чтобы не свалиться, если вдруг засну.

Так я провела всю ночь, время от времени перехватывая руку. С рассветом легче не стало. Пока Ричард спал, я не могла оставить свой пост. Солнце взошло, день обещал быть солнечным.

Мы снова были все вместе, снова были семьей. Ричард вечером нервничал, но это было вполне понятно. На него свалилось слишком много информации извне. Но он должен был справиться. Мне безумно хотелось лечь с ним рядом, но я понимала, что его нельзя тревожить. Поэтому я так и продолжала удерживать дверь.

Ричард

Я проснулся. Трейлер ехал вперед, но кошмары, мучившие меня ночью, улетучились. Иззи и Уиллоу так и спали на диване вместе с Ти-Джи. Минди стояла в дверях. Вид у нее был усталый, но, когда я отодвинул дверь, она ласково меня поцеловала.

— Доброе утро, дорогой! Тебе все-таки удалось поспать? — заботливо спросила она.

— Да. Спасибо тебе. Извини, что я на тебя наорал. Я испугался, — сказал я и смущенно опустил голову.

— Я все понимаю. Ну, мы уже в Шотландии. Ребята — настоящие асы, — кивнула она на двух водителей впереди.

— Ах да! Доброе утро, парни!

Мы ехали между невысоких холмов. А на горизонте виднелись огромные горы — на фоне голубого неба.

— Во сколько мы будем на месте?

— Ребята сказали, около половины пятого. Все зависит от дороги. Есть хочешь?

— Очень. А что у нас есть?

— Мы можем остановиться и купить все, что ты захочешь.

И тут мной снова овладело беспокойство. Я не хотел никого видеть. При мысли о том, что мне придется встречаться с незнакомыми людьми, меня начинало подташнивать. Меня пугали даже двое водителей. Я боялся всех, кого не знал. Минди заметила мой испуг.

— Дорогой, мы можем припарковаться где-нибудь в сторонке. Нам все равно надо остановиться — выгулять собак. Ты можешь даже не выходить — ребята купят все, что ты скажешь. Как насчет сэндвича с беконом?

Я уже не хотел есть, при мысли о возможной встрече с незнакомцами у меня пропал аппетит. Но купить на заправке сэндвич с беконом мне хотелось — так принято делать в настоящем мире.

— Да, давай! Я с удовольствием. Давайте остановимся.

Мы подъехали к заправке, и я спрятался в спальне. Из окошка я видел вокруг множество машин. Меня передернуло, свело мышцы. Минди отправила Ти-Джи и Капитана гулять с одним из водителей. Я и подумать не мог о том, чтобы показаться на людях. И сидел в темном углу спальни. Это был важный шаг: сделать то, что нужно сделать. У меня появился список необходимых дел. Но я всячески хотел их избежать.

Минди

Мы все съели настоящий шотландский завтрак, точнее, попробовали понемногу. Девочки носились туда-сюда, и я заметила, что, когда они начинали слишком громко визжать, Ричард устало прикрывал глаза. Ему было трудно. После аварии он существовал совершенно в другом мире, а теперь снова оказался в домашнем бедламе.

Я спросила, не хочет ли он прилечь, но он был тверд:

— Я належался на десять лет вперед. Теперь я хочу быть с тобой и с девочками.

Он усадил Уиллоу на колени. Иззи с радостью взялась за карандаши и раскраску, собаки мирно лежали на полу — словно почувствовали, что нужно ненадолго притихнуть, дать Ричарду время привыкнуть.

Когда начался последний этап нашего путешествия, Ричард старался не смотреть в окно. Его мозгу трудно было переварить такое количество быстро меняющихся образов. Каждый раз, когда «уиннебаго» замедлял ход, он с удовольствием наслаждался видом, показывал девочкам что-нибудь интересное. Мы видели горные потоки, текшие по склонам, видели густые леса, а впереди была цель нашего путешествия — Северо-Шотландское нагорье.

В четверть пятого мы подъехали к воротам. Там нас встретила молодая женщина, она же на своей машине показала нам дорогу к коттеджу, который мы сняли на три недели. «Уиннебаго» с трудом проехал по узкой извилистой дороге. И вот наконец перед нами предстал чудесный домик, стоявший на полянке в лесу. У порога стоял «лендровер». Я заказала его специально для нас, и Ричард пришел в восторг. Мы вошли в дом, и восторг Ричарда еще усилился. В гостиной горел огонь в камине, нас ждал горячий чай. Ребята занесли в дом багаж. Ричард извинился и ушел в спальню. Он безумно устал. А я им гордилась. Ему понравился домик, он был готов расслабиться. Ему просто нужно было время от времени отдыхать от окружающих.

Глава 6

Рассказ Ричарда

Я понимал, что впервые оказался в этом домике, но он мне сразу показался знакомым. Комнаты были большие, но не огромные. Полы были застланы теплыми красными коврами, которые уютно поскрипывали под ногами. На стенах висели акварели с лесами и холмами, окружавшими коттедж. Это было удивительно милое, располагающее местечко, идеально подходившее для семьи, которая хотела провести время в уединении и с удовольствием. И это было надежное укрытие. Но тут я обнаружил еще одну дверь в глубине коттеджа. Не то чтобы она выглядела устрашающе, просто казалась не к месту. Справа от нее была дверь в ванную. Но куда же вела эта дверь?

Минди в кухне разбирала припасы. Я спросил ее про дверь. Она объяснила, что нам повезло: мы наняли женщину, которая будет для нас готовить. Она жила рядом, со своим мужем, и эта дверь вела в ее дом. Она была заперта, но ее можно было и отпереть. Меня обуял страх. В этом укромном домике в лесу была дверь в другой дом, в дом, где жили незнакомые люди. Я вернулся в коридор, выглянул в окно, выходившее во двор. Двор окружала ограда из того же камня, что и дом, только на ограде камень потемнел от дождей. Вдалеке, на склоне горы, виднелись очертания сосен. Дождь падал на ковер из хвои. Я слышал, как шуршит дождь, как ветер поигрывает ветвями сосен. И тут я снова посмотрел на дверь. И снова меня настиг мой старый спутник — страх.

Минди

За неделю до нашего приезда я позвонила и заказала по списку кучу продуктов, а также обговорила с кухаркой, какие запеканки и пироги она приготовит и положит в морозилку. По горькому опыту я знала, что то, что планируешь на отпуск, редко сбывается, но на сей раз нам несказанно повезло. Все было ровно так, как нам обещали. Дом оказался милым, чистым и уютным, дети бегали с собаками по двору и наслаждались свободой. Обнаружив на выгоне двух пони, они радостно прибежали ко мне.

— Мамочка, мамочка! Иди сюда скорее! — кричала Уиллоу. Щеки у нее раскраснелись, глаза сияли. — Мамочка, они такие чудесные!

— Кто? — Я сделала вид, что не понимаю, о чем речь.

— Ты просто глазам не поверишь! — добавила Иззи.

Мы обошли коттедж.

— Ой, девочки! Какое чудо!

К нам неспешно шли два гнедых пони. Они были ласковыми, тут же разрешили детям, которые просунули руки сквозь изгородь, себя погладить. Я оставила девочек на улице, а сама пошла приготовить чай. Я смотрела на них из окна и чуть не расплакалась. Я смотрела на девочек, радостно игравших с пони, и понимала, что мне в жизни больше ничего не надо. Но если бы все было так просто…

Подошел Ричард, обнял меня за талию.

— Отличная идея, Минди! — улыбнулся он. — Это фантастическое местечко.

— Как же я рада, что тебе понравилось!

— Да, мне нелегко угодить, но ты сумела. — Он говорил вроде бы спокойно, но я почувствовала, что ему немного не по себе, однако не стала заострять на этом внимания.

Он выглянул в окно.

— Ого! Ты только посмотри на девочек!

Уиллоу, присев на корточки, разговаривала с одним пони, а Иззи гладила гриву второго. Мы наблюдали за ними, пока они, заметив нас и печенье, которое мы ели, не побежали в дом.

Ричард

Завтраки у нас были более чем обильные. Каждое утро нам подавали толстые куски бекона, сосиски с грибами, фасоль, помидоры. Я все это радостно сжирал — аппетит вернулся вмиг.

И вот я лежал в кровати и слушал, как на кухне что-то позвякивает и постукивает. Наверное, в кухне находилась Минди — соседняя кровать была пуста. Я слышал, что девочки уже проснулись. Из-за двери раздавалось их хихиканье. Ко мне они заходить не решались — чувствовали, что пока не надо слишком досаждать мне.

Я встал и оделся. Минди купила несколько пар джинсов, пяток рубашек — они висели в шкафу у окна. Я подумал о том, как приятно снова стать хозяином собственной жизни. Я мог сам встать, выбрать одежду, даже сам мог решить, чем мне заняться. Я надел джинсы и синюю рубашку и вышел в гостиную.

Девочки играли у камина. По всей комнате были разбросаны детали «Лего». Я купил им набор — гараж на пять машин. У меня в детстве был похожий, только попроще. Мне было приятно, что девочки разделяют мою любовь к «Лего».

И тут разразилась ссора. Иззи рассердилась на Уиллоу, которая решила собрать зеленую машину. Кричала, что это ее машина, а Уиллоу пусть собирает белую. И возмущалась, что Уиллоу всегда все портит. Я напрягся. Девочки подняли шум, и мне стало не по себе.

— Иззи, пусть Уиллоу соберет зеленую машину. Она потом отдаст ее тебе. Уступи ей, она же маленькая.

Иззи пододвинула зеленые детальки Уиллоу.

— Уиллоу, скажи спасибо.

— Спасибо, — буркнула Уиллоу и тут вдруг взглянула на сестру и улыбнулась.

Ссоры как не бывало. Но я долго еще не мог прийти в себя. Смотреть за детьми непросто. Я бы с удовольствием играл с ними целый день, но меня пугал даже намек на то, что я должен за них отвечать. Чувствовал я себя точно так же, как несколько лет назад, когда из роддома привезли новорожденную Иззи. Мы сидели на диване, держали на руках крошечную девочку и ждали, когда к нам кто-нибудь придет и объяснит, что делать. У нас не было никаких инструкций, никаких руководств, и мы поняли, что впервые в жизни мы всерьез отвечаем за другого человека. Ко мне вернулись те же ощущения, и у меня голова шла кругом от напряжения. Я не хотел ни за что отвечать, я хотел играть.

— Девочки, давайте собирать вместе! Я соберу зеленую…

У нас уже сложился распорядок дня. После завтрака мы шли гулять «при любой погоде». Этой традиции много лет, и мы отправлялись на прогулку, даже если шел дождь. Девочки радостно носились по лужам, а мы с Минди тащились за ними в намокших от дождя плащах.

Я объявил этот дождь «слишком мокрым». Минди рассмеялась. Мы, держась за руки, смотрели на девочек. За нами следовали Ти-Джи и Капитан, которые обнюхивали ямки, где ночевали овцы, траву, которую жевали олени.

— Куда пойдем?

— Разумеется, на пикниковое место, — сказала Минди.

— Ну нет, это слишком далеко, — заныла Уиллоу. Иззи насупилась — она была готова присоединиться к сестре.

— Да это же совсем рядом, за мостиком. Пошли!

— Да, это совсем близко, — подключился я. — Вы там сто раз были. Ну, кто быстрее?

Мы зашагали вперед и очень скоро оказались у опушки леса. Девчонки бежали со всех ног, а я делал вид, что очень стараюсь их догнать, но не могу.

— Теперь давай пойдем медленно, — сказала Иззи и взяла меня за руку.

— Уиллоу, иди сюда! Руку давай!

Уиллоу взяла меня за правую руку. Нас нагнали собаки, и Ти-Джи, не рассчитав, наскочила на Уиллоу.

— Ти-Джи, ты что? Мам, она меня толкнула!

— Детка, ничего страшного. Она просто глупая неуклюжая собака. — Я выпучил глаза, высунул язык и тяжело задышал — совсем как Ти-Джи. Девочки засмеялись.

— Она правда неуклюжая, — хихикнула Уиллоу.

Наше пикниковое место представляло собой полянку у дорожки, вившейся между деревьями. Там повсюду были бревна — на них можно было сидеть, по ним можно было лазить. Мы уселись спиной к горе и смотрели на долину, раскинувшуюся внизу. Ели сэндвичи, пили кофе из термоса, играли, смеялись. А когда девчонки убегали, мы с Минди разговаривали о нашем прошлом и будущем.

Минди

В лесу Ричард делился со мной самыми сокровенными мыслями. Бревно, на котором мы сидели во время пикников, стало для него любимым местом для бесед.

— Я ведь был совсем плох. Да и сейчас еще не вполне…

— Ты сделал огромный шаг вперед, дорогой. Ты можешь собой гордиться.

— Я долго думал, что со мной все в порядке, а все так со мной носятся, потому что просто морочат мне голову. Теперь я понимаю, что это не так.

Он был очень грустен. Вокруг была такая красота, а ему все равно было тяжко.

Я взяла с собой его акварельные краски и пастель. Кругом все было зеленое, но таких разных оттенков, а солнечный свет, проникавший сквозь хвою, поблескивал на камнях.

Ричард отказывался рисовать, он даже фотографировать отказывался. Он мне признался:

— Я боюсь, что вернусь в годы учебы. Я ненавижу это время. И не желаю о нем вспоминать.

Я кивнула. Я отлично его понимала.

Порой на него наваливался шквал воспоминаний. Это его пугало. Он рассказывал, что в одно мгновение вспоминал целые годы своей жизни, причем в мельчайших подробностях.

Так что я не стала настаивать на том, чтобы он снова взялся за кисть.

Как-то днем, вернувшись с прогулки, мы увидели у дома незнакомую машину. Ричард разволновался. Отказывался выходить из леса, требовал, чтобы я пошла вперед и все узнала. Девочки вошли вместе со мной в дом. Там заманчиво пахло чем-то вкусным. Приехала повариха — она готовила нам еду на следующую неделю. Это ее машина стояла у дома. Ричард, узнав об этом, вздохнул с облегчением, но его явно раздражала сама мысль о непредвиденных случаях. Я наконец поняла, что врачи не случайно советовали выработать четкий распорядок дня. Все было отлично, пока мы жили по распорядку и Ричард знал, что за чем следует, но если бы мы сразу отправились домой, куда могли нагрянуть нежданные гости, ему было бы очень трудно.

На следующий день уединенной прогулки не получилось. Несколько раз мимо нас проезжали «лендроверы», и каждый раз Ричард надвигал кепку на глаза и поворачивался к ним спиной. На тропинках тоже было много прогуливающихся. День для Ричарда был испорчен, и он дулся до самого вечера. Полегчало

только за ужином. На ужин была запеканка с сельдереем, который Ричард терпеть не мог. Я даже хотела было ему ее не предлагать, но, к моему удивлению, он съел свою порцию и даже попросил добавку.

Вечером он был тихий. По выражению его лица я поняла, что он борется с неизвестными мне демонами. Помочь я ему не могла. Могла только предложить поддержку. Мы долго разговаривали, и я впервые пожалела себя. Мне было не с кем поделиться своими печалями. А мне было безумно трудно.

Ричард

Это был счастливый миг. Я завязал шнурки на кроссовках.

— Ты не перестараешься?

— Нет, я буду благоразумен. Обещаю.

Минди улыбнулась:

— Это ты-то будешь благоразумен? Ты надолго?

— Минут на двадцать. — Я растирал себе икорную мышцу. — Добегу до пикникового места. Вернее, так: я десять минут буду бежать вперед, потом развернусь и побегу назад.

— Береги себя, дорогой.

Я вышел во двор, поправил кепку, чтобы не закрывала глаза, и побежал к лесу.

Я упивался свободой — я мог идти куда пожелаю. В лесу мохнатые лапы деревьев словно обнимали меня. Пахло хвоей, мхом, смолой. Я слышал, как журчит по камням ручей. Пробегая мимо пикникового места, я подумал, как приятно оказаться здесь одному. Когда я бежал вверх по холму, ноги у меня заныли, и пришлось сбавить темп. Боль в мышцах была даже приятной — впервые за долгое время я дал себе нагрузку.

Мое состояние было близко к эйфории. Я дышал полной грудью. Мимо пролетали деревья. Я подумал: а что, если эти мелькающие картинки вызовут припадок? Что, я рухну на землю и умру? Или буду умирать долго и мучительно и случайный прохожий наткнется на мои хладные останки? Но меня эта перспектива не пугала. Я бежал, и мне было хорошо. Если суждено случиться чему-то плохому, что ж, так тому и быть.

Организм, приободренный эндорфинами, работал как часы. Я чувствовал себя уверенно. Хохоча во весь голос, я свернул на тропинку, углублявшуюся в лес. Впереди был деревянный забор с калиткой. Я открыл ее и, аккуратно прикрыв за собой, побежал вперед, вниз, к укромной долине. Мысли текли спокойно. Пробежка — это было то, что нужно. Только одно меня слегка беспокоило: закрыл ли я калитку. Я вспомнил, как опустил железный засов — я делал так сотни раз, когда мне на пробежках встречались калитки. Но я боялся доверять своей памяти. Действительно ли я ее закрыл или мне показалось?

И тут же меня посетила новая мысль: а не паранойя ли это? Врачи предупреждали о возможных параноидальных состояниях, о навязчивых мыслях. Не навязчивая ли это мысль? Почему меня неудержимо тянет проверить калитку, которую я точно закрыл? Но я решил, что эти размышления только больше сводят с ума и лучше не пытаться определить, паранойя это или навязчивое

состояние, а сбегать проверить. Калитка оказалась закрыта. Мне стало стыдно.

Минди

Ричарда не было слишком долго. Он обещал вернуться через двадцать минут. Прошло тридцать, и я разволновалась. Я была уверена, что он переутомился и лежит где-нибудь, корчась от боли, или заблудился.

Я сказала девочкам, что мы поедем покататься в «лендровере». Только они начали спорить, кто сядет впереди, как дверь открылась и на пороге возник вспотевший, усталый Ричард.

— Хорошо пробежался? — спросила я, снимая куртку.

— Отлично. А ты куда это собралась?

— Хотела поехать искать тебя. Тебя долго не было. Куда ты бегал?

Ричард рассказал историю с калиткой. Он боялся, что станет окончательным параноиком.

— Ты даже представить себе не можешь, как часто я так себя веду. Это синдром потерянных ключей. Но раньше, когда ты терял ключи, ты же не думал, что это последствие мозговой травмы, ты просто терял ключи. А сейчас ты просто проверил, закрыта ли калитка.

Это его немного успокоило, и он отправился в душ. А мне пришлось везти девочек на обещанную прогулку.

Ричард

Если я сажусь на скамейку помечтать, то делаю это именно для того, чтобы помечтать. Я уселся на скамейку перед нашим домиком, взглянул на горы и приготовился расслабиться. Минди с девочками были чем-то заняты, вот я и вышел один.

Я дышал глубоко и ровно, готовился к тому, что мысли унесут меня куда-нибудь далеко. Но ничего не происходило. Я уставился на горы, на лес, попытался расфокусировать зрение, но никак не мог впасть в нужное состояние. Я думал о том, где мы, чем занимаемся, почему мы здесь. Думал о том, кто сидел на этой скамейке до меня и любовался тем же пейзажем. Мысли никуда не уносились. Они как преданная, но прилипчивая собака, возвращались к ноге и спрашивали, куда им отправляться дальше.

Я посмотрел на дерево перед собой. Я знал, что у него есть корни, которые уходят глубоко в почву, получают там питательные вещества и влагу для ствола. А листья улавливают солнечные лучи, и зеленые они потому, что это облегчает процесс фотосинтеза. Но в этом дереве не было ничего фантастического или мистического.

У меня не получалось мечтать. Эта мысль завладела мной целиком, перекрыла все другие. Я казался себе слабее — просто потому, что не мог сделать такой обычной вещи. Я потерял способность мечтать и, возможно, не обрету ее снова.

Минди

Больше всего я боялась вечеров. Уж не знаю, усталость или скука были тому причиной, но по вечерам Ричард часто бывал в дурном расположении духа. Телевизор он смотреть не мог, потому что, если там показывали что-то неприятное, ему приходилось выходить. Обычно по вечерам мы играли в карты или листали журналы. Ложились мы обычно через час после девочек.

По утрам Ричард долго валялся в постели. Как-то раз за завтраком он вдруг отложил вилку.

— Ты в порядке? — спросила я, заметив, как он напрягся. — Что случилось?

Он был непохож сам на себя. Лицо посерело, он словно состарился лет на десять. Увидав его таким на улице, я бы его не узнала. Через мгновение все прошло. Он объяснил, что на него в один миг навалилось с десяток разных ощущений — из глубин души.

Я поняла: нам напомнили, что предстоит трудный путь. Очень трудный. Но мы были готовы все преодолеть.

Ричард

Снаружи кто-то был. Я был в этом совершенно уверен. Я осторожно выглянул в окно. Колея, проходившая перед домом, сворачивала вправо. Но я никого не увидел. Иззи и Уиллоу мирно играли у камина. Я сидел на полу рядом с ними, но, услышав, как подъехала машина, вскочил. У меня было инстинктивное желание защитить их.

— Пап, что такое?

— Да я просто смотрю, как идет дождь.

И тут я увидел на дороге фургон. Старый зеленый фургон. Я отодвинулся от окна. Фургон остановился перед нашим домом.

— Пап, что ты делаешь?

— Просто смотрю, что там происходит.

Я вдруг рассердился. Как Минди могла оставить меня одного? Я не готов был брать на себя ответственность и следить за детьми. Я покосился на силуэт водителя у фургона. В упор я на него не смотрел — боялся, что он меня заметит. Я понял, что он направляется к нашей двери. Если он решит, что дома никого нет, то уйдет. И тут хлопнула крышка почтового ящика. Если он оставил письмо, значит, уйдет. Я выдохнул. Но злиться продолжал — на то, что меня оставили одного, на свой страх. Иззи с Уиллоу так и играли у камина. Я поплелся к ним.

— Ну, девочки, как дела? Покажите, что у вас получилось.

Девочки стали показывать мне свои раскраски, рассказывать что-то, и моя злость прошла. Осталась только грусть.

Минди

На вторую неделю запас продуктов стал иссякать, и мне надо было его пополнить. Девочек я могла взять с собой.

Но Ричард был против.

— Что за глупость? Я отлично присмотрю за девочками. Ты поезжай в магазин, отдохни от нас. — Он старался говорить рассудительно, но слова его звучали неубедительно. Я не хотела оставлять его одного с девочками, но он настаивал. И пообещал, если возникнут проблемы, позвать нашу повариху.

Я села в «лендровер», помахала им на прощание рукой. Следующие пятьдесят семь минут я волновалась непрерывно. А когда вернулась, была счастлива увидеть, как они мирно играют в гостиной. Но Ричард больше выдержать не мог и, как только я появилась, скрылся в спальне. Я принесла ему чаю.

— Ну, как все прошло?

— Ох, Минди… — Голос у него дрогнул. — Это очень страшно — оставаться с ними, отвечать за них. — Он помолчал и, чтобы утешить меня, добавил: — Но все равно было здорово. Мы отлично провели время. Я немного устал, вот и все.

— Не надо было мне уезжать. — Он испытал стресс, и я себя в этом корила.

— Нет, Минди. Я же их отец. Мне просто надо привыкнуть.

Он был расстроен. Эта ситуация напомнила ему о том, что он может не все.

— Ложись и поспи. Через пару часов я тебя разбужу. Ты — молодец. Правда, молодец.

— Да, я знаю, только терпеть не могу, когда становлюсь таким.

Я прилегла с ним рядом.

— Ты каждый день набираешь силу. Мы справимся, обязательно справимся.

— Правда? — с сомнением в голосе спросил он.

— Ну конечно! После таких испытаний мы станем только крепче, сильнее. Такими же, какими были, только лучше.

— Как же я тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю. — Я нежно его поцеловала. — А теперь спи давай.

Потихоньку сгущались сумерки. И вдруг я увидела в окно огромного оленя — всего футах в восьмидесяти от нашего дома. Олений рев мы слышали каждый вечер, а вот оленей близко не видели. Я хотела разбудить Ричарда, но передумала. Еще несколько минут мы с девочками любовались дивным созданием,

а потом олень растворился во тьме.

Ричард

На следующий день нам предстояло отправиться домой. Мы собрали вещи, и сумки стояли по всему дому. Я решил в последний раз пробежаться. Присел на корточки, надел кроссовки. В этом месте было все, что нам нужно. Мы наслаждались покоем, смогли снова почувствовать себя семьей. А еще я понял, как сильно я пострадал. Каждый вечер, вспоминая прожитый день, я думал, каким слабым был утром и как улучшилось за день мое самочувствие. На следующий день я замечал новые улучшения. Но сейчас было не время предаваться мучительным размышлениям. Я отправлялся на пробежку — хотел в последний раз насладиться удивительной красотой гор и лесов.

Дверь захлопнулась, звякнула крышка почтового ящика. Я выбежал со двора на проселочную дорогу. Я бегал каждый день, и мышцы заметно окрепли. Я свернул в лес, пробежал по мостику над ручьем и свернул налево — к нашему пикниковому месту. Я понял, что буду скучать по этому времени, которое я провел с семьей. Сколько раз мы сидели с Минди на старом бревне, держались за руки, обсуждали события, которые едва не погубили нашу жизнь, строили планы на будущее.

Я бежал дальше. Я приложил немало усилий, чтобы восстановить физическую форму. Я просто обязан был это сделать — ради себя самого. Я мог гордиться собой.

Теперь я бежал по склону. Справа от меня был густой лес, а когда я добежал до его опушки, увидел оленя.

Он тоже заметил меня, почувствовал мой запах и замер. Я видел его рога, его мощные бока. Охотничий сезон окончился несколько дней назад, а местные лесничие уверены, что олени точно знают день, когда это происходит, и держатся иначе. Вот и сейчас олень стоял и взирал на чужака, вторгшегося в его владения.

Я стоял в нерешительности. Олень развернулся и удалился в лес. А я еще долго стоял у опушки. Я знал, что запомню эти мгновения навсегда. И назад побежал с легким сердцем.

Минди

За день до отъезда из Шотландии я поехала прокатиться на «лендровере», хотела в последний раз насладиться удивительными пейзажами. Я ехала по холмам, через леса, стараясь запомнить все — и величественные сосны, и хвойный ковер, и грациозную красоту оленей. Мне вдруг безумно захотелось остаться здесь. Я расплакалась и долго не могла взять себя в руки. Я боялась трудностей, с которыми нам придется столкнуться дома. Здесь было мирно и покойно, безопасно. Но я знала, что нам обязательно нужно побороть одолевавших нас демонов. И все же прощание с местом, которое стало для нас тихим убежищем, было грустным.

После ланча за нами пришла машина. Дома мы рассчитывали оказаться около полуночи. В столь поздний час вряд ли там будет кто-то из репортеров. Домой не хотел возвращаться никто из нас — даже собаки привыкли к Шотландии, но, когда мы въехали в Глостершир, мы все встрепенулись. Девочки соскучились по своим комнатам, по животным. Я соскучилась по родному дому, а еще я ждала момента, когда Ричард переступит его порог.

Я наблюдала за тем, как он пьет чай на диване в гостиной. И думала о том, как сильно я его люблю. Я была благодарна судьбе за то, что он выжил, счастлива была сидеть с ним бок о бок и была готова к любым испытаниям.

Ричард

Это было непохоже на возвращение домой из долгого путешествия. Я вошел в дом с трепетом, но это были совсем другие ощущения. А ведь отсутствовал я всего пять недель.

На следующее утро я стоял наверху, у лестницы, смотрел на гравюру, которую подарил Минди на Рождество два года назад, на деревянный сундук, который мы нашли в лавке старьевщика. За ним были деревяшки, которые я собрал двадцать лет назад, когда пешком прошел Озерный край. Вокруг были знакомые вещи. Это должно было всколыхнуть приятные воспоминания, но что-то было не так. Почему я не радовался возвращению домой, о котором столько мечтал?

Я ведь здесь, у родного очага. Я многое пережил и вернулся. Врачи говорили, что на выздоровление могут уйти годы, а я справился всего за несколько недель. Но здесь, в собственном доме, среди близких мне людей, мне было грустно.

Я впервые оказался в обстановке, которую знал и до аварии, знал до малейших деталей. Здесь я жил, смеялся, кричал, спорил, играл. Я до мельчайших подробностей вспоминал множество случаев из жизни. И тут я понял, почему мне грустно. Я впервые оказался там, где бывал до травмы. Я впервые встретился с самим собой. Дом был тем же, но я стал другим. И я все теперь стал воспринимать иначе. Я буду по-другому реагировать, по-другому оценивать происходящее. Дом был знакомым. А я чувствовал себя посторонним. Все было тем же — все, за исключением меня. И то, что все вокруг не изменилось, только подчеркивало, как изменился я.

Я подошел к Минди и обнял ее. Ей не нужно было объяснять, что мне грустно, рассказывать почему. Она все понимала. Мы столько всего преодолели, выдержим и все остальное.

— Ты как, дорогой? — спросила она, положив голову мне на плечо.

— Нормально. Только все… немного странно.

— Понимаю.

— Где девочки?

— Надевают сапоги. Мы идем поздороваться с пони.

— Правда? Я тоже пойду.

— Ты правда нормально себя чувствуешь?

— Да. Все будет хорошо.

Прошло одиннадцать месяцев с того дня, когда я сидел на скамейке там, в Шотландии, и плакал оттого, что не могу больше

мечтать. Теперь я могу мечтать, и мои мысли порхают свободно. Я больше не боюсь незнакомых людей, могу обходиться без дневного сна. Некоторое время эмоции меня все-таки захлестывали. Несколько месяцев назад, гуляя по саду, я увидел свой старенький «лендровер». И испытал прилив любви к нему. Это было искреннее чувство, но на самом деле обманчивое. Мне повезло — я понял, что это фантомное чувство, и освободился от него. Я теперь снова могу контролировать свои эмоции и надеюсь, что уже не растаю при виде ржавого внедорожника.

Каждую неделю я оглядывался на проделанный мной путь и понимал, что впереди еще долгая дорога. Это процесс длительный. Врачи спасли мне жизнь. Но мне нужно было заново учиться пользоваться собственным мозгом. Работа еще не завершена. Прошел год, и я еще иду вперед. Спасибо счастливым звездам, которые направляют мой путь.

Я все-таки попал в Арктику. Я научился сносно ходить на лыжах. Я выдерживал морозы в сорок градусов, проходил в день по тридцать-сорок миль, пешком и на лыжах. Да, бывали моменты, когда мне приходилось бороться с собственными демонами, которые прежде меня не одолевали. Но к тому времени я уже уяснил, что после мозговой травмы мне придется заново учиться тому, что прежде давалось без труда, и это перестало меня пугать. Бояться тут нечего — это все равно как ноет перед дождем старый перелом.

И в студию «Топ Гир» я вернулся. Ребята подготовили к моему возвращению несколько приколов, и мы их отыграли — для смеха, но не только. Мы все понимали, что это очень деликатная сфера — это касалось не только меня и нашей команды, но и тысяч людей, пострадавших в автокатастрофах. Мы не могли делать вид, что в фантастическом телемире «Топ Гир» все всегда идет как по маслу. Это ведь далеко не так. И, снова оказавшись в студии «Топ Гир», я мысленно поблагодарил каждого члена нашей группы, которые помогли мне выдержать все испытания.

Это вовсе не грустная история. Да, мне было больно, плохо, тяжело, но зато я узнал многое о себе и об окружающем мире. Мне жалко моих близких, которых предупреждали, что я могу умереть или измениться до неузнаваемости, и им оставалось только переживать и ждать. Это очень трудно выдержать. Но, надеюсь, теперь мы стали ближе друг другу, стали сильнее.

Тысячам людей не так повезло. Приезжая на осмотр в Бристольский центр реабилитации, я видел многих людей, перенесших мозговую травму. Видел тех, кто успел запомнить, как ехал на велосипеде за хлебом, а после этого мир

перевернулся. Они и их родные исполнены такой решимости бороться, которую трудно даже себе представить.

А еще я понял, как трудно людям, восстанавливающимся после мозговой травмы, — хотя бы потому, что часто нет никаких внешних признаков, что что-то не так. Для меня самое приятное (и самое тяжелое) — это когда люди смотрят на меня и, решив, что со мной все в порядке, ведут себя как ни в чем не бывало. Здорово, конечно, забыть об аварии, но в то же время порой хочется, чтобы люди понимали, как бывает трудно делать даже самые обычные вещи.

Одно только мне никогда не было в тягость — когда ко мне подходили и спрашивали, как я себя чувствую. Некоторые даже извинялись — думали, что мне надоели эти вопросы. Вовсе нет! И всякий раз, когда незнакомая пожилая женщина берет меня под руку и спрашивает, как я, мне кажется, что этот вопрос задает мне родная и горячо любимая тетушка. Это очень приятно — хотя бы потому, что в такие моменты вспоминаешь, как это здорово — быть человеком. А еще мне за всю жизнь не поблагодарить всех тех, кто писал мне, кто думал обо мне, когда я был болен. Это тоже помогло мне выздороветь.

Так что жизнь наша становится почти нормальной, такой, какой была раньше. Да, конечно, «нормальным» считается и мое желание отправиться на Северный полюс на собаках, переплыть Ла-Манш на автофургоне или прокатиться по взлетной полосе на машине с реактивным двигателем, поэтому расслабиться окончательно нам не удастся никогда. Когда мне вернули водительские права, я схватил ключи от своего верного «моргана» и объехал все улочки рядом с нашим домом. Минди сидела со мной рядом. Врачи опасались, что, когда я сяду за руль, нахлынут воспоминания. Но ничего подобного не случилось. Если бы, заведя «морган», я услышал рев реактивного двигателя, возможно, память встрепенулась бы. Но это была просто поездка на обычной машине, и я чувствовал себя замечательно. Мы с Минди все время смеялись. Так же смеялись Иззи с Уиллоу, когда я через несколько дней поехал с ними покататься.

— Папа! — сказали они чуть ли не хором.

— Что?

— Ты уж больше не переворачивайся и головой не бейся, хорошо? А то тогда нам опять придется ездить в больницу и некому будет ухаживать за лошадками. — И они заливисто засмеялись.

Этот разговор повторяется всякий раз, когда мы садимся в желтый «лендровер» Минди и едем куда-нибудь всей семьей.

И я всякий раз отвечаю:

— Нет-нет, кувыркаться я больше не намерен.

Я говорю это, а рядом со мной сидит Минди — как сидела всегда, в самые счастливые и несчастные моменты моей жизни. Когда случается авария, сначала страдает тот, кто в нее попадает. Но потом это становится грузом, который ложится на плечи близких людей. Поэтому я благодарю родителей, братьев, друзей за то, что были рядом в трудную минуту. Дочки были от многого избавлены, но они тоже скучали по своему папе, и когда-нибудь я извинюсь и перед ними. А Минди я могу сказать только спасибо. И посвятить ей всю оставшуюся жизнь.

Ричард Наммонд

Ричард Хаммонд — студент университета.

Во всей красе — Ричард Хаммонд в Озерном краю.

Драгстер «Вампир». Конструктор и владелец — Колин Фоллоуз.

После аварии Ричарда Хаммонда вертолетом доставляют в частную клинику в Бристоле.

Команда «Топ Гир» (слева направо): Джеймс Мэй, Джереми Кларксон и Ричард Хаммонд.

Снова вместе (слева направо): Иззи с папой, Ричардом Хаммондом, терьер Капитан и Уиллоу с мамой, Минди Хаммонд.